

ОГОНЁК
№ 30 ИЮЛЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пропагандист ленинградского завода «Красногвардеец» инженер Анна Яковлевна Золотухина готовится к итоговым занятиям.

Фото Б. Уткина (из снимков, поступивших на конкурс «Огонька»):

На первой странице обложки: Отличники учебы 165-й женской и 155-й мужской московских школ (слева направо): Лидия Антипова, Виктор Анодин, Татьяна Кочеткова и Валерий Казимирко, окончившие десятилетку с медалями.

Фото Я. Рюмкина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 30 (1311)

20 ИЮЛЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Канал имени В. И. Ленина

От края до края по всей Советской стране разносится радостная весть: Волго-Дон готов! Миллионы людей вчитываются в строки постановления Совета Министров СССР «Об открытии Волго-Донского судоходного канала», в строки Указа Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении Волго-Донскому судоходному каналу имени В. И. Ленина».

Готов первенец великих строек коммунизма — Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина! Готовы шлюзы, плотины, насосные станции. Созданы моря. Построены города и порты. Преобразованы огромные пространства мертвых и голых степей.

Вся страна работала на Волго-Дон. Весь народ создавал канал-гигант. Частица труда каждого советского человека вложена в богатырские гидротехнические сооружения, равных которым нет в мире. Единство всего народа, пафос созидания вновь явили пример исполинских сил нашей страны, ее растущего могущества. И каждый знает, что Волго-Дон — это подлинное чудо современности — мог быть создан лишь в нашей мирной стране, где неутомимо работает партия Ленина — Сталина, где по предначертаниям Ленина и его гениального продолжателя вождя народов товарища Сталина строится коммунизм.

Ленин и Сталин стояли у колыбели величайшего сооружения современности. Ленин и Сталин думали о Волго-Доне еще в 1918 году, когда молодая Республика Советов осаждалась белогвардейскими бандами и интервентами, когда царили разруха, голод, лишения.

Свыше трех десятилетий назад Владимир Ильич Ленин характеризовал Волго-Донской канал как могучий транспортный рычаг, долженствующий повернуть экономику отсталых областей юго-востока России.

«КОММУНИЗМ — ЭТО ЕСТЬ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПЛЮС ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ... — говорил Владимир Ильич. — Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно».

Сбылись гениальные слова Ленина. Товарищ И. В. Сталин разработал программу построения коммунизма в нашей стране, по которой комплексно, гармонично решаются задачи энергетического вооружения народного хозяйства в сочетании с преобразованием природы, развитием, усовершенствованием транспортных путей.

Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина — ярчайший пример сталинского решения гигантских задач народного хозяйства.

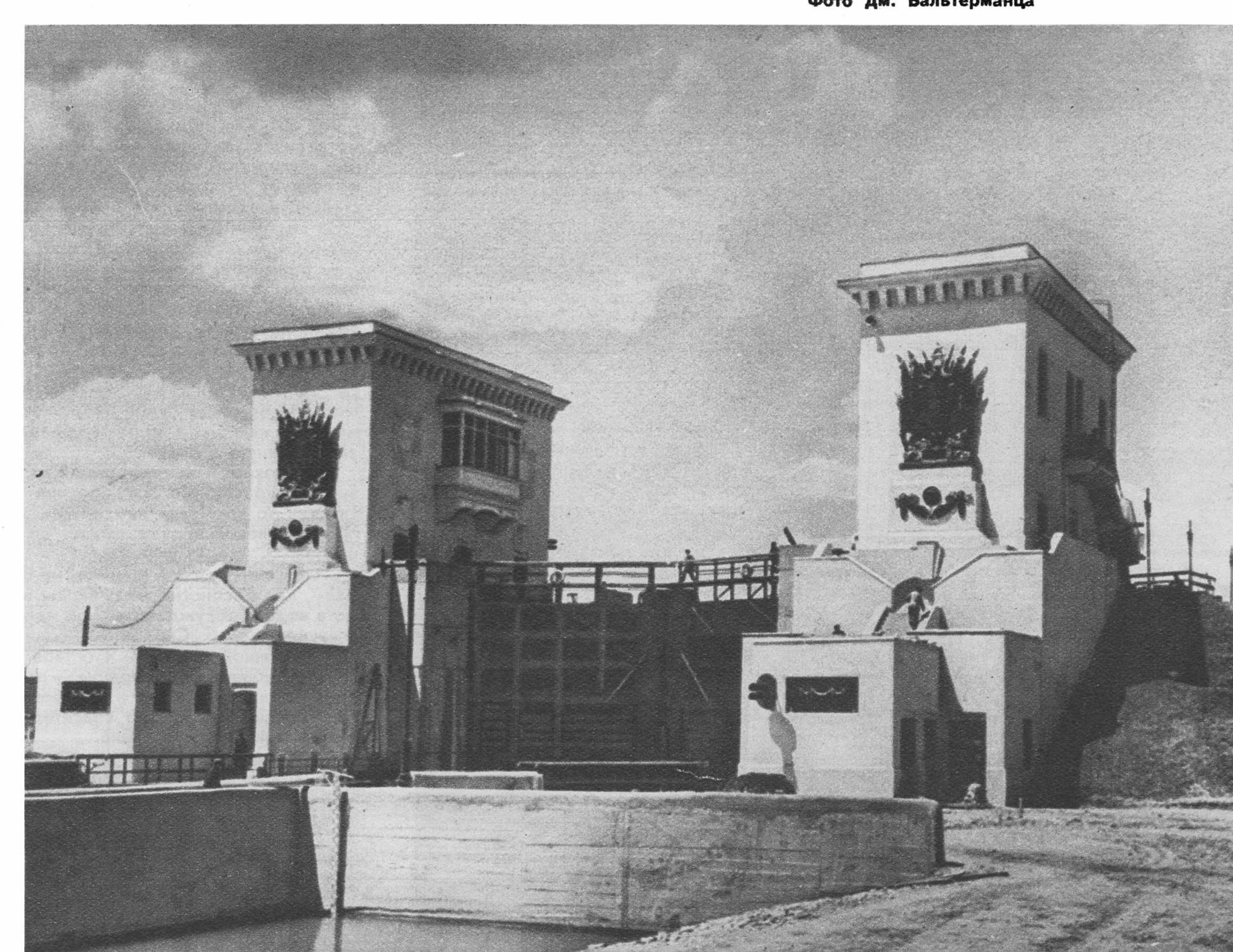
Готов Волго-Дон! Сто тысяч гектаров засушливых земель получили живительную воду. Цимлянская ГЭС дала промышленный ток шахтам Донбасса, сельскому хозяйству и транспорту. Пошли по новому водному пути корабли пяти морей.

Торжественные дни переживает сейчас советский народ. На заводах и шахтах, в колхозах и паровозных депо — всюду звучит слава вождю:

— Слава великому Сталину! Слава зодчему коммунизма!

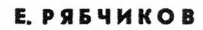
Шлюзы № 9 (вверху) и № 8 Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина.

Фото Дм. Бальтерманца

КАПИТАНЫ НОВЫХ МОРЕЙ

В Цимлянском море.

Капитан буксирного теплохода «БТ-306» А. Игнатьев.

Е. РЯБЧИКОВ

Фото Дм. Бальтерманца

Не прошло и двух месяцев с памятного дня, когда впервые отправились по Волго-Донскому судоходному каналу имени В. И. Ленина и Цимлянскому морю буксирные теплоходы, и в жаркие степи ворвались басовитые гудки кораблей, бой склянок, шум судовых машин, а уже кажется, что давным-давно существует канал, всегда ходили здесь корабли, издавна пахнет углем и дымом и всегда плескались о степные берега пенистые, зеленоватые волны.

Диспетчеры уже отметили в своих журналах прохождение без малого 300 судов по каналу. Привычным, естественным стал вид медленно дымящих в степях кораблей, горящих по ночам маяков.

С поразительной быстротой «обжились» моряки на канале, освоили его, завели знакомства с судопроводниками, вахтенными и колхозниками.

В вишневом саду, около белых башен тринадцатого шлюза, стоит седая женщина-колхозница из артели имени Кирова. В ее руках кошелка, у ног, на дорожке, чемодан.

— Куда вы собрались, бабушка? — спрашивают старушку строители.

— В Нижне-Чирскую, сынки, к зятю,— отвечает колхозница.— Скоро наш корабль придет — на нем Василий Иванович, донской казак, знакомый, механиком служит — он и возьмет меня, по морю повезет до места. А я морячкам в подарок карповских раков везу...

Капитан Николай Чернуха ведет теплоход «ВДС-17» по Цимлянскому морю.

...К стальному причалу Калачевского порта подъезжает грузовая машина, в ее кузове гуси. Невысокого роста юркий мужчина в вышитой рубахе ищет диспетчера и говорит ему:

— Море сделали — гусей заводим. Мне бы в Суворовскую птичек доставить... На какой корабль «оказией» грузить можно?

...Шесть рейсов совершил по каналу капитан буксирного теплохода «БТ-306» Анатолий Петрович Игнатьев. Это он со своей командой первым открыл навигацию на новой магистрали, первым осваивал ее, расставлял по трассе дебаркадеры, а потом буксировал баржи с донецким углем, карельским лесом, бакинской нефтью и вольским цементом. Анатолия Петровича знают на канале все, его судно встречают по-особому сердечно — каждый вспоминает, что именно с этим небольшим теплоходом связан исторический момент открытия водной дороги к пяти морям.

— Игнатьев идет! — издалека узнают судопроводники шлюзов.

Вот «БТ-306» подходит к шлюзу № 2. Ведет он за собой огромную металлическую баржу с цементом. На мостике корабля стоит обветренный, загорелый капитан. Он передвигает ручку машинного телеграфа, командует рулевому, застывшему у штурвала: «Лево руля!» — и пристально вглядывается в очертания шлюза.

На высокой башне вспыхивает зеленый огонь светофора. Из мощных радиодинамиков доносится голос вахтенного:

— Внимание, внимание! Анатолий Петрович, с прибытием! Заходите быстрее! Даем «зеленую улицу»!

Корабль занимает место в камере шлюза. Евгений Анненков — молодой начальник шлюза № 2 — вместе с вахтенным выходит из просторного помещения пульта управления на легкий висячий балкон. Они дружески приветствуют капитана. Анатолий Петрович, рулевые, матросы здороваются с работниками шлюза, как с хорошо знакомыми им людьми. Команде судна передают с парапета свежие газеты, угощают моряков квасом, а моряки преподносят «шлюзовикам» свежую рыбу, выловленную в Волге.

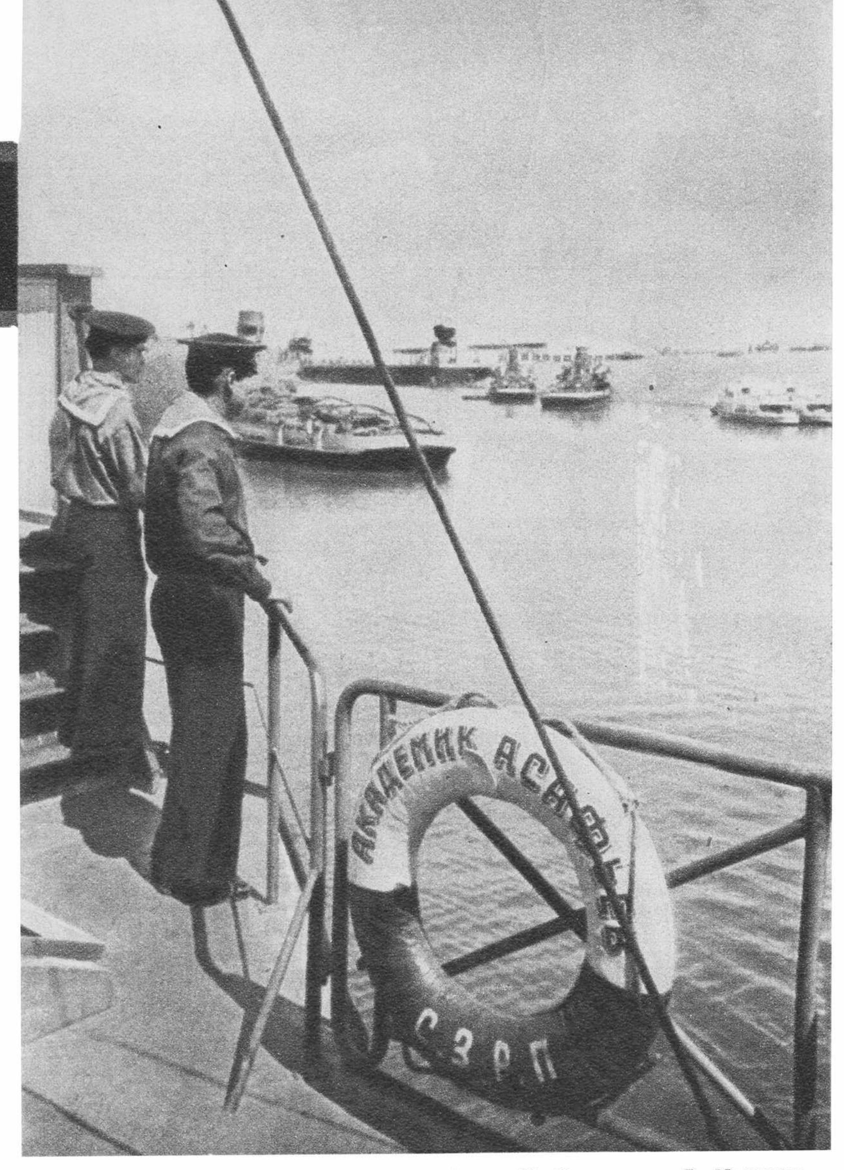
По-дружески разговаривают капитан и начальник шлюза, пока шлюзуется караван. Но вот морской буксир «поднимается» еще на одну ступень по волжской «лестнице». Анатолий Петрович дает прощальный гудок, рулевой перекладывает штурвал, и караван выходит из камеры шлюза.

...В Нижне-Чирской станице, на берегу Цимлянского моря, мы наблюдаем, как босоногие мальчишки, наловив мелкой рыбы, стоят по колено в воде и обсуждают, какой идет по морю корабль.

— «Академик Скрябин»,— солидно говорит светловолосый мальчуган с удочкой в руке.— Я теперь все корабли знаю.

— Ошибаешься, Володька,— прерывает его другой мальчишка, такой же светловолосый и голубоглазый.— Это не «Скрябин»,— «Асафьев». Гляди, как у него спасательные круги подвешены. Это «Асафьев». Я тоже корабли знаю.

В тот час, кроме этих мальчишек, пожалуй, никто и не обратил особого внимания на проходивший корабль «Академик Асафьев», букси-

Юные рулевые корабля «Академик Асафьев» Н. Назаров и В. Малинин знакомятся с Калачевским портом.

ровавший баржу с карельским лесом. Морское судно, оставляя за собой длинную, черную ленту дыма, разрезало стальным носом синюю утихомирившуюся гладь моря и шло все дальше и дальше. На его борту менялись вахты, готовили обед, слушали радио, проводили занятия, штурман определял курс корабля — текла размеренная, обычная морская жизнь, как на многих советских судах, бороздящих океаны, южные и арктические моря.

В Калачевском или Цимлянском порту бывает так, что сразу собирается много кораблей, они формируют «возы» — грузовые караваны, бункеруются углем, готовятся к новым плаваниям. Когда корабли на рейде в «большом сборе», тогда можно сразу познакомиться со многими моряками Цимлянского моря.

После дождя, тихим солнечным днем идем мы на морском теплоходе «ВДС-17» в Цимлянский порт. Судно ведет Николай Чернуха, худощавый, жилистый молодой человек с сильно загорелым лицом. Он первый капитан Цимлянского моря.

Юноша окончил в 1947 году Херсонский речной техникум, работал в Запорожском порту, а потом вызвался ехать на строительство Цимлянского гидроузла. Николай Чернуха был первым помощником капитана на пароходе «Строитель», само название которого определило назначение судна — буксир доставлял баржи с камнем, щебнем и песком, перевозил рабочих и машины. Теперь Николай Чернуха справедливо считает себя одним из строителей Цимлянской плотины и Цимлянского моря.

Когда «налилось» новое море, Николая Чернуху назначили капитаном первого корабля, появившегося в порту, и поручили ему открыть навигацию — совершить путь с караваном судов через Цимлянское море к устью судоходного канала. Потом первый капитан Цимлянского моря занимался расстановкой плавучих буев и вех, очищал тралом судовой ход. Чернуха знает море и его капитанов, занятых теперь освоением недавно рожденного колоссального водохранилища.

Вот и сейчас, прибыв на рейд Цимлянского порта, Чернуха вступает в оживленные разговоры с капитанами кораблей. Откликается Валентин Сергеевич Васильев — капитан морского буксира «Академик Быков». Пройдем к нему на палубу корабля и познакомимся. Васильев — старый, опытный моряк, побывавший чуть ли не на всех морях и океанах планеты. Он встречал бури и штили в Арктике и тропиках, совершил беспримерный переход на корабле-малютке через водную пустыню Атлантики, слыл искусным охотником на акул.

Бывалый капитан знаком с Панамским и Суэцким каналами. В свободное от вахт время он рассказывает молодежи о мрачной истории строительства Панамского и Суэцкого каналов, вспоминает ужасающую нищету грузчиков и бурлаков — феллахов, проводящих по Суэцкому каналу барки и фелюги, вспоминает американские эскадры, идущие по Панамскому каналу в разбойничий поход на Корею.

Сравнивая новый, только что построенный советскими людьми Волго-Донской канал с каналами капиталистических стран, Валентин Сергеевич неизменно отмечает огромные преимущества советской водной магистрали, ее совершенную технику, изумительную красоту архитектурного ансамбля, выдающееся значение канала имени В. И. Ленина для мирной жизни страны, преобразования природы. С радостью говорит капитан о представившейся ему возможности осваивать созданные моря и многоводную дорогу через степи.

Взойдем на мостик другого морского буксира, «Академик Лебедев». Им командует Сергей Михайлович Фокин — тоже бывалый капитан. Он ходил не раз по Черному и Балтийскому морям, водил грузовые караваны в Херсон и Каховку.

— Осваиваем новое море,— говорит Сергей Михайлович.— Вот уже идем сегодня в четвертый рейс по морю — отбуксируем баржу «Нальчик» с углем для Волги.

Среди цимлянских моряков много молодежи. Кораблем «Академик Асафьев» командует едва ли не самый молодой капитан Иван Васильевич Пака. Шкиперу большой баржи «Нальчик» дончанину Льву Дулимову 26 лет. Но он уже прошел большую школу плаваний по суровому Балтийскому морю. Сегодня донской казак-моряк впервые ведет баржу с донецким антрацитом через Цимлянское море.

Заходим в шкиперскую, где по-домашнему расположился Дулимов.

— С Краснодонецкого рейда идем транзитом в Астрахань,— говорит шкипер,— уже прошли пятнадцатый и четырнадцатый шлюзы, впереди — Цимлянское море. Я хоть и казак, а уже привычный человек к морям. Но вот некоторые молодые матросы, если попадут в шторм, получат первое «морское крещение».

Юных моряков Цимлянского моря встретишь на капитанском мостике и в машинном отделении, за штурвалом и в радиорубке. Выпускники Горьковского ремесленного училища № 17, земляки-волжане Владимир Малинин, Николай Назаров, Иван Безухов лишь недавно поднялись на палубу корабля. Произошло это в мае на Онежском озере, где ремесленники «догнали» морской буксир «Академик Асафьев». На корабле, неся вахту за штурвалом, юные рулевые прошли по Волге мимо Горького. Приветствуя свое ремесленное училище, миновали гигантскую строительную площадку в Жигулях и совершили путь по каналу пяти морей. Теперь юноши, познавшие прелесть дальних походов, чувствуют себя уже бывалыми моряками, хорошо ведут судно по заданному курсу, определяются в тумане и во время штормов по судовым знакам и компасу.

Идут со всех морей суда на Волго-Дон. Растет семья моряков Цимлянского моря. Старые и молодые капитаны, штурманы и рулевые, шкиперы и механики осваивают судоходный канал и степные моря, проводят скоростные рейсы, увеличивают грузоподъемность караванов.

До сих пор знали в стране моряков балтийских и черноморских, каспийских и тихоокеанских, а теперь встречают моряков цимлянских, несущих вахту на новом море.

Вахтенный шлюза № 4 провожает очередной караван по каналу.

КУРОРТ РЯДОМ С ВАМИ

Они снимаются на память — почетный шахтер И. И. Маломанюк, заслуженный транспортник Х. П. Семенко и бывшая партизанка А. И. Чернова.

Готовят не хуже, чем дома...

— Поезжайте на Сергиевские минеральные воды... От Куйбышева всего 160 километров поездом.

— Позвольте, это же в нашей области... Какие тут курорты?

— Великолепный старый курорт. Подлечите свое сердце не хуже, чем в Мацесте. Даже лучше: на юг в вашем возрасте ехать не рекомендуется...

Такие разговоры можно слышать в кабинетах врачей, на курортно-отборочных комиссиях.

Нередко случается так, что человек едет на курорт за тысячи, а иногда и десятки тысяч километров, немало дней проводит в железнодорожном вагоне. А ведь рядом с его родным городом есть отличные местные курорты — с грязями, минеральными водами, горячими источниками.

Жителю Дальнего Востока нужно знать, что в Дарасуне, Читинской области, имеются прекрасные углекислые источники. Волжанину не обязательно ехать на юг, если ему помогут сульфидные воды, которыми располагает Сергиевский курорт

В прошлом году более четырех миллионов трудящихся провело свой отпуск в санаториях и домах отдыха.

Специальные экспедиции ученых-курортологов разыскивают в самых отдаленных уголках нашей страны лечебные источники, грязи, соленые озера.

Недавно вступили в строй 20 новых санаториев и домов отдыха: в Казахстане — для рабочих металлургической промышленности, в Красноярском крае — для горняков, в Сталинской области — для угольщиков. ВЦСПС и ЦК профсоюзов в этом году строят 60 санаториев — на Южном Урале, в Приморье, в Сибири. За Полярным кругом и в горах Памира, в Дальневосточной тайге и на солнечной Украине — повсюду появляются новые очаги отдыха и здоровья.

Сегодня мы рассказываем о некоторых местных курортах, расположенных в различных частях нашей богатой и прекрасной Родины.

— Вот как надо брать шары! — поучает молодежь старый железнодорожник Иван Иванович Коптев.

Фото Я. Рюмкина

Город здоровья

Славянск недаром называют на Украине «городом здоровья». Он издавна славится чудесным излечением тяжело больных людей.

В управлении курорта мы посмотрели список отпускников, отдыхавших на курорте в середине июня 1952 года. Читаем подряд: Курочкин И. В. и Володин Н. Я.— забойщики из Чистякова и Горловки; Венивитенко Н. С.— штукатур из Днепропетровска; Дорандин П. Д.— сторож на машиностроительном заводе имени Сталина в Краматорске; Усенко А. П.— столяр из Волновахи; Тананыхин М. Н. — врубмашинист шахты «Красная звезда» в Чистякове; Собко И. Н.— прокатчица Макеевского завода имени Кирова; Балько Е. З.— колхозница из Харьковской области.

Интересно сопоставить этот список с анкетой 1904 года. В городской библиотеке сохранены интересные архивные документы. Среди них имеется «Сезонный листок славянских минеральных вод». В нем — список «господ, пребывающих на водах» с 14 июня по 2 июля 1904 года. Назовем некоторых из этих «лиц»: Айстендтен К. Л.— жена полицмейстера; Александров Т. А.— купец; Алексеева О. П.— дочь надворного советника; Белоиванов Л. П.— городовой; Мартенс А. В.— землевладелица; Богдановский М. И. с супругой — протоиерей; Экман Ф. И.— пароходовладелец на Волге; Фомина О. Г.— девица 44 лет, странница-богомолка...

В Советской стране стало обычным, что шахтер, колхозник или рабочий проводит свой отпуск в первоклассном санатории, его лечат крупные специалисты. Нас не поражает, что после войны на восстановление полностью уничтоженного фашистами Славянского курорта истрачено 13 миллионов рублей, что сейчас разработан и утвержден генеральный план развития здравницы шахтеров и на

ее строительство отпущено 60 миллионов рублей...

С Иваном Ивановичем Коптевым — весовщиком со станции Енакиево — мы познакомились на спортивной площадке. Несмотря на свои 66 лет, старый железнодорожник обыграл в кегли всю молодежь.

— Вот как надо брать шары! — показывал он.— Главное в спорте — сметка и быстрота. Я так же своего Андрюшку выучил...

— Кто это Андрюшка?

— Мой старшой. То есть, конечно, не Андрюшка, а Андрей Михайлович — ученый-геолог, работал инженером на Волго-Доне, а сейчас аспирант в Воронеже.

— А еще дети у вас есть?

— Как же, четыре дочери. Екатерина, Александра, Клавдия — учительницы. Младшая, Валентина, учится в Таганрогском учительском институте.

— Как вам нравится в Славянске?

— Хорошо. Культурно. Ноги мои от грязей уже в пляс пускаются. Поправился на четыре с половиной килограмма. Пусть не обижается моя старуха, Прасковья Родионовна, но должен официально заявить, что готовят тут не хуже, чем она.

В цветнике мы застали «съемку» отдыхающих. В теплый летний день трое были одеты в полную форму, при всех орденах и медалях. Они подружились здесь, в Славянске, эти три человека разных профессий. Харитон Павлович Семенко — почетный железнодорожник, заместитель начальника вагонного депо станции Синельниково I; Иван Иосифович Маломанюк — почетный шахтер из Доброполья, кавалер ордена Ленина; бывшая партизанка Александра Ивановна Чернова из города Бежицы, Брянской области.

В санатории № 7 отдыхает славянский старожил — семидесятилетний Никифор Иванович Шпаковский, полвека проработавший на содовом комбинате. Он охотно вспоминает прошлое города, но больше всего любит показывать новичкам курорт. Мы пришли, когда Никифор Иванович «читал лекцию» курортникам.

— А теперь пойдемте, я вам покажу Славянск,— предложил старик.— Я сам эту сосну сажал. В этих лесах воевал, партизанил. Помогал после войны восстанавливать корпуса и цветники разбивал...

С законной гордостью водит дед новичков по курорту. Ему есть что показать! Великолепный лечебный корпус располагает грязелечебницей, рапным и водным отделениями с кислородными, углекислыми, жемчужными ваннами, всеми видами электролечения, залом лечебной физкультуры. Курорт расположен в старом хвойном парке и утопает в цветах. Корпуса восстановленных санаториев благоустроены, может быть, не слишком еще комфортабельны, но чисты и уютны.

— Что вы мне говорите про Сочи? — сердится старик.— В Сочи хорошо, слов нет. А чем плохо у нас, в Славянске? Лежачие начинают ходить, ревматики танцуют, нервные успокаиваются. Вы вот почитайте книгу отзывов!..

«Шесть лет я был прикован к гипсовой кровати. После лечения в Славянске я стал ходить. У меня нет слов, чтобы отблагодарить добрый и ласковый коллектив курорта. Я надеюсь своим трудом оправдать ту великую заботу и внимание обо мне, которое было проявлено всюду — и в больнице, и в санатории, и вообще в нашей стране.

Машинист Остап Фролко».

«Я передам своим товарищам — строителям Куйбышевской ГЭС,— пишет инженер Куйбышевгидростроя В. Ларин,— что в «городе здоровья» можно отлично использовать свое право на отдых после почетного труда на стройке коммунизма».

И простыми, задушевными словами заканчивает инженер свое письмо:

«С чувством большой благодарности хочется сказать: «Спасибо, товарищи медики, хорошие вы советские люди!»

Ир. Ильичева

Мацеста у нас дома

В беседах с друзьями многие уральцы восторженно говорят о здравницах Кавказа и Крыма. А когда настает время позаботиться о летнем отдыхе, идут в профсоюзную организацию и просят путевку в местный санаторий «Ключи».

Зачем каждый год ездить для лечения за тысячи километров, если мацеста, можно сказать, у нас дома?

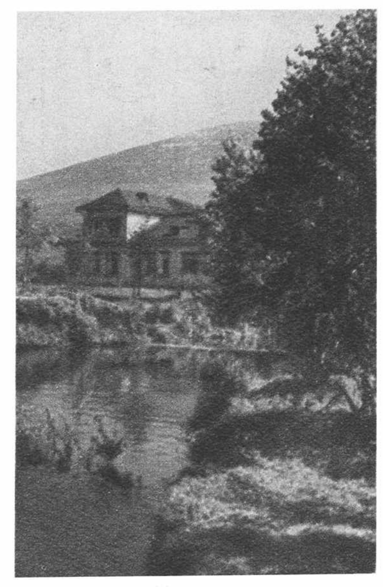
Курорт «Ключи», расположенный в одном из живописных уголков Молотовской области, по праву завоевал себе название «уральской мацесты». Сейчас здесь отдыхают сотни трудящихся Молотова, Свердловска и других городов. Они принимают целебные сероводородные ванны (в литре воды «Ключей» содержится до 150 миллиграммов сероводорода).

Молтаево — самый молодой курорт Свердловской области, а слава о нем разнеслась далеко за пределы Урала. Здесь лечат сапропелем — целебным озерным илом — от заболеваний кожи, суставов, периферической нервной системы.

Можно смело сказать, что Молтаевский курорт порожден народной инициативой. Первыми обратили внимание на целебные свойства сапропеля местные рыбаки. Колхозники проверили их наблюдения на домашних животных, а затем начали применять ил при болях в суставах и в пояснице.

После Отечественной войны члены сельхозартели «Закаленный боец», Коптеловского района, организовали колхозную грязелечебницу. Подавляющее число больных получило в ней исцеление.

Теперь на Молтаевском озере создан государственный санаторий. Пройдет еще немного времени, и по соседству с ним вырастет несколько санаториев нового

Курорт «Ключи». Лечебный корпус.
Фото Н. Самойлова

курорта, которому уральцы заранее придумали название «Самоцвет».

Мечта уральцев отдыхать и лечиться на берегах родных рек и озер становится явью. Многие рабочие и служащие проводят свои летние отпуска в местных санаториях.

О. Маркова

В шести светлых корпусах

Отчалив от пристани древнего Гродно, пароход «Марите Мельникайте» идет вниз по течению быстрого Немана.

Перед взорами пассажиров открываются бесконечно меняю-

— Угощайтесь водой «Бируте»!..
Фото В. Лупейко (Белта)

щиеся, чарующие виды. Вот ослепительно сверкают на солнце меловые горы. Минуту спустя высокие берега предстают густо поросшими сосняком. За лиственным лесом тянутся луга и тучные нивы. Так проходит час, другой, третий...

Прижимаясь к обрывистому правому берегу, пароход огибает небольшой остров и, сбавив ход возле пестреющего разноцветными зонтиками широкого пляжа, останавливается неподалеку от впадения в широкий рукав Немана холодной речки Родничанки. В густой зелени леса глаз не сразу находит легкие контуры санаторных строений. Это Друскининкай — один из лучших курортов Литвы.

Друска — по-литовски соль. Расположенные здесь минеральные источники и определили название курорта, известного еще с XVIII столетия. Целебная вода для питья и ванн, торфяная лечебная грязь, чистый воздух, умеренный климат, купание в Немане и на каскадах Родничанки — все это ежегодно привлекает сюда тысячи взрослых и детей.

Пребывание на курорте помогло многим больным избавиться от желудочно-кишечных заболеваний, радикулита, ревматизма.

Парк возле грязелечебницы в небольшом и тихом курортном городке,— пожалуй, самое многолюдное место. В двухэтажном здании — кабины для минеральных ванн и грязевых процедур, ингаляторий, водолечебница, отделение для углекислых ванн. На веранде, нависшей над Неманом, расположен питьевой источник «Бирутe».

С главным врачом санатория «Белоруссия» Любовью Аркадьевной Шахнович мы проходим по территории здравницы. В шести светлых жилых корпусах живет около 320 человек. К услугам отдыхающих водолечебница, оснащенный новейшим медицинским оборудованием лечебный корпус, клуб, библиотека.

Навстречу нам по песчаной дорожке резво бежит со скакалкой девочка в полосатой пижаме.

— Здравствуйте, Любовь Аркадьевна! — звенит ее веселый голосок.

— Здравствуй, Катюша. Ну как, не болят больше ножки?

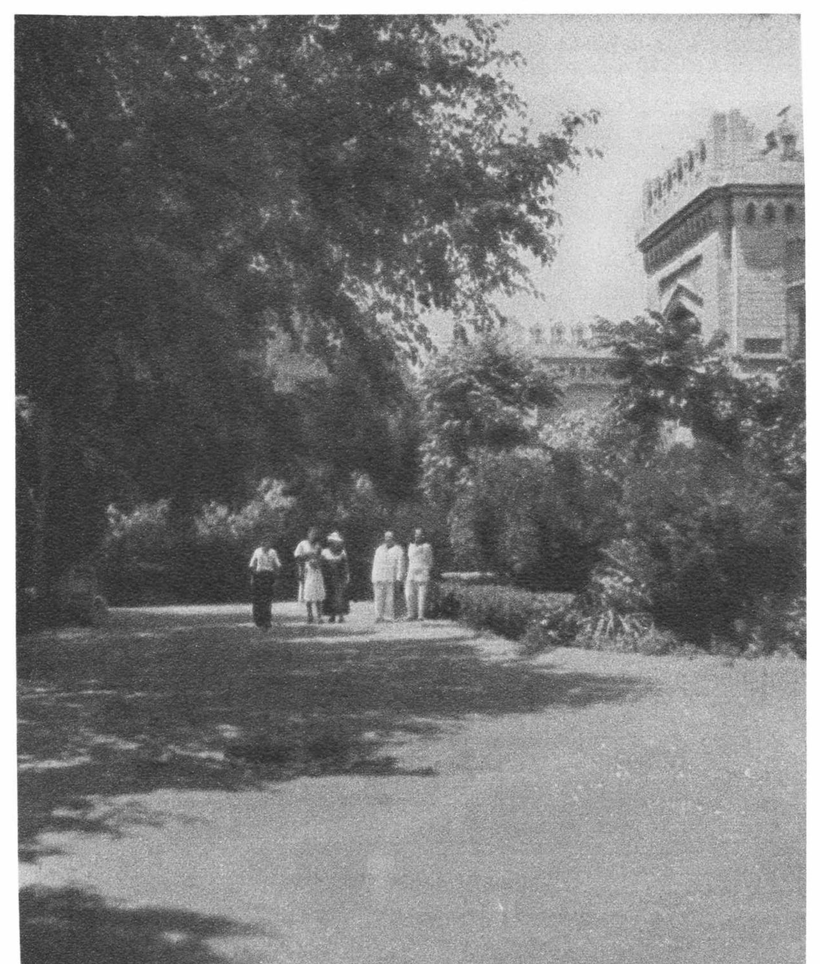
— Нет! — В подтверждение этого девочка, подпрыгивая, устремляется к стайке ребят.

— А раньше чуть двигалась,— говорит врач.

Катюша Легкая — дочь колхозницы. Отец девочки погиб в годы Великой Отечественной войны. Катя страдала ревматизмом. Хорошо подлечилась она в санатории в прошлом году. Ныне врачи хотят окончательно избавить ребенка от недуга.

Расположенное поблизости от курорта красивое Лот-озеро и живописная местность Райгород стали у отдыхающих излюбленным местом для прогулок.

В. Пономарев

Уголок курортного парка в Байрам-Али.
Фото Н. Кондрашина

Оазис в пустыне

— Скоро и Байрам-Али,— сказал проводник.

Петр Михайлович взглянул в окно. Попрежнему тянулась голая, выжженная солнцем солончаковая пустыня, временами пересекаемая волнистыми барханами, из которых кое-где торчали кривые стволы почти безлистого саксаула.

Все это никак не вязалось с обычным представлением о курортном крае. Поезд остановился у перрона маленького вокзала, со всех сторон открытого палящему зною. Но машина повезла Петра Михайловича по тенистым улицам-аллеям, и как-то незаметно одна из них привела в густой парк.

Пышная зелень неожиданно сменила унылое однообразие Кара-Кумов. Узорчатая тень листвы белых акаций и айлантов лежала на дорожках парка, укрывала домики лабораторий и лечебных корпусов до самых зубчатых башенок на их крышах. Цвели в куртинах розы, и пряный их аромат сливался со смолистым запахом туи.

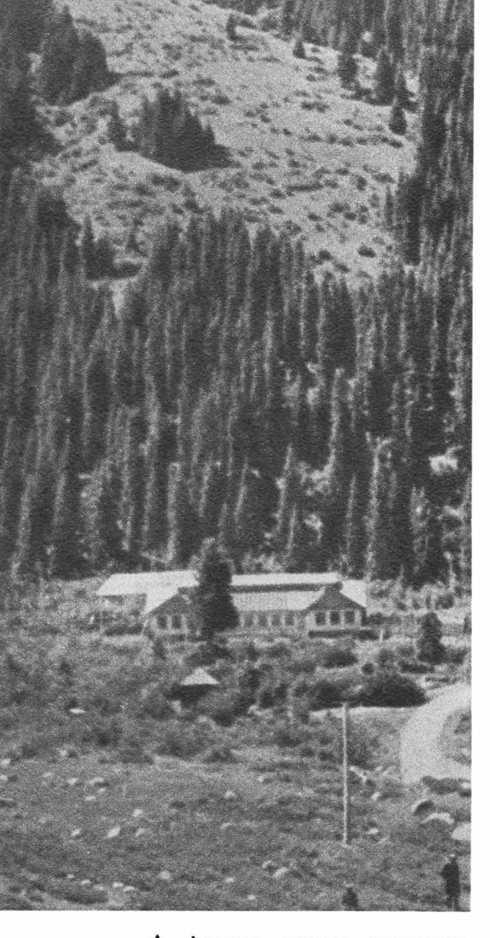
Байрам-Али славится сухим климатом, климатом оазиса в пустыне. Здесь знойное ее дыхание служит здоровью людей.

Байрам-Али — одно из самых сухих мест в Советском Союзе. Число ясных дней летом здесь достигает 24—25 в месяц. Вот почему этот маленький туркменский городок климатологи приравнивают к Каиру и здесь создан прекрасный почечный курорт. И если для простых людей за рубежом одно упоминание о почечном курорте звучит горькой насмешкой, ибо курорты Каира — курорты миллионеров, то в Байрам-Али направляют, руководствуясь только одним — нужен ли именно этот санаторий больному.

...Перед обедом, когда солнце особенно щедро заливает землю, на легких плетеных кушетках под естественными тентами из листвы отдыхают курортники. Начинается сеанс аэротерапии, ради которой приехали сюда и колхозник Петр Михайлович Иванов, и профессор из Саратова Н. Н. Воскресенский, и рабочий из Маргелана Халимулла Насибулов.

Время от времени сестра подносит каждому стакан почти кипящего чаю. Сухой воздух и чай вызывают обильную испарину, а вместе с ней из организма уходят вредные «шлаки», и работа почек облегчается.

Все восемь солнечных месяцев длится сезон на курорте Байрам-Али. И если больной приехал сюда к 1 июня, то, попав в разгар созревания вишни, за дни своей двухмесячной путевки он успеет вдоволь насладиться и абрикосами, и арбузами, и знаменитыми мургабскими дынями, и грушами, и сливами, и яблоками.

— А фрукты нашим почечникам полезны, очень полезны! — говорит врач санатория Тамара Константиновна Анакулиева.

Сухое, жаркое дыхание Кара-Кумов и чудесные дары садов Мургабского оазиса делают чудеса.

— Посмотрите на этого больного, — продолжает Анакулиева, указывая на молодого черноволосого человека, проходившего в эту минуту по аллее.— Приехал он к нам совсем изнуренный болезнью, а сейчас как легко шагает! Я его вчера на нашей танцевальной площадке видела! Климат пустыни вернул ему силы...

Н. Соловьева

Ущелье Семи быков

Нужно ехать дорогой, что идет от Пржевальска по южному берегу Иссык-Куля. По обеим сторонам дороги дремлют под солнцем пирамидальные тополи. Справа, меж тополей, виднеется вечно синее зеркало Иссык-Куля, слева — горы. К ним-то, сворачивая с дороги, и устремляется машина. Горы расступаются, впускают машину в ущелье и сходятся снова. Навстречу машине с шумом несется по ущелью река Джеты-Огуз. Так называется и ущелье. Это же название прочитали мы и на красивой арке — воротах высокогорного курорта.

Джеты-Огуз значит «семь быков». Вот и сами быки — темнокрасные причудливые скалы. Плотно прижавшись друг к другу, выстроились они в линейку и действительно похожи на могучие склоненные головы быков. Сочетание прозрачной горной речки, стройных, как кипарисы, тянь-шанских елей, сочной зелени, красных скал и снеговых вершин сразу же очаровывает приезжающих. Но не только этой красотой, чистейшим горным воздухом и щедрым солнцем известен Джеты-Огуз.

В живописном ущелье Семи быков расположился курорт Джеты-Огуз.
Фото И. Тункеля

С незапамятных времен текла там из-под скалы горячая, как кипяток, солоноватая на вкус вода. В глубинах земли проходила она через неведомые породы и набиралась от них целебной силы. Сюда приезжали киргизы-скотоводы и разбивали юрты.

Самих горячих источников теперь уже не увидеть. Целебная вода идет по трубам в ванное помещение и в бассейн для купанья. Изучены минеральный состав и свойства воды. Опытные врачи назначают отдыхающим продолжительность купанья и дозы питья.

Если у человека ревматизм или радикулит, гастрит или язва желудка, долго не заживающие раны или нервное расстройство,— от всего этого помогает целебная вода из ущелья Семи быков. Хорошо выкупаться в этой воде и здоровому человеку. Он выйдет из ванны освеженным, словно помолодевшим.

— Очень важно не дать человеку «уйти в свою болезнь»,— говорит главный врач курорта Анна Федоровна Мирина,— надо отвлечь его от болезни. В этом нам помогают и горный климат и сказочные пейзажи вокруг курорта.

Вл. Солоухин

У оленьего источника

В этом году весна пришла в абхазские горы с большим опозданием. Внизу, у моря, курортный сезон был в разгаре, а в кюветах горных дорог еще можно было зачерпнуть полные пригоршни рыхлого снега. Но вот в лесу зашумели ручьи и водопады. Не оставалось ни одной ложбинки, ни одной лесной балки, которая не дала бы в эту пору приюта воде. Земля открылась, обнаружив следы ушедшей зимы. По склонам разбросаны огромные, вывороченные с корнями деревья, каменные глыбы, сорвавшиеся с высоких скалистых уступов. Это работа снежных лавин.

Открылась дорога на Авад-Хару, прекрасная, асфальтированная, там, где совсем недавно бродил лишь дикий олень. Он-то, этот горный житель, и открыл человеку клад авадхарской воды.

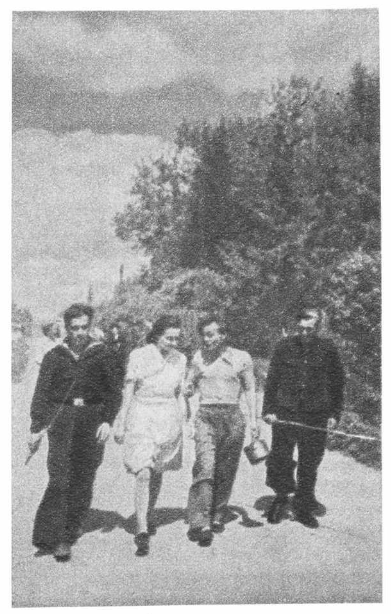
Профессор Александр Лукич Григолия, тогда еще молодой врач, ходил с экспедицией в этих местах, изучал природные богатства края. У берегов высокогорной реки Авад-Хары он набрел на источник, к которому спускались утолять свою жажду олени. Как позже выяснилось, это были углекислые воды типа Боржоми.

Когда целебные свойства найденной воды были изучены в клиниках, к Авад-Харе проложили первоклассную автодорогу. На месте оленьего источника в землю вошла глубокая скважина, вырос клинический санаторий, оснащенный точными приборами и аппаратурой. Вокруг него расположились временные дачи.

Мы приехали на Авад-Хару перед началом четвертого курортного сезона, который открывается здесь лишь в июле. Зимовщики, защищавшие курортные строения от снежных заносов, готовились к приему гостей. Скоро приедут сюда больные, и многим из них чудесная вода даст исцеление. Вкус ее необыкновенно приятен. Лечебные качества проверены и испытаны.

Обширное высокогорное плато всегда освещается солнцем, даже в ту пору, когда часть долины закрыта тенью гор Ацетуки. Отроги гор покрыты девственными лесами. Воздух чист, щедро насыщен озоном и бальзамическими веществами...

И. Семенова

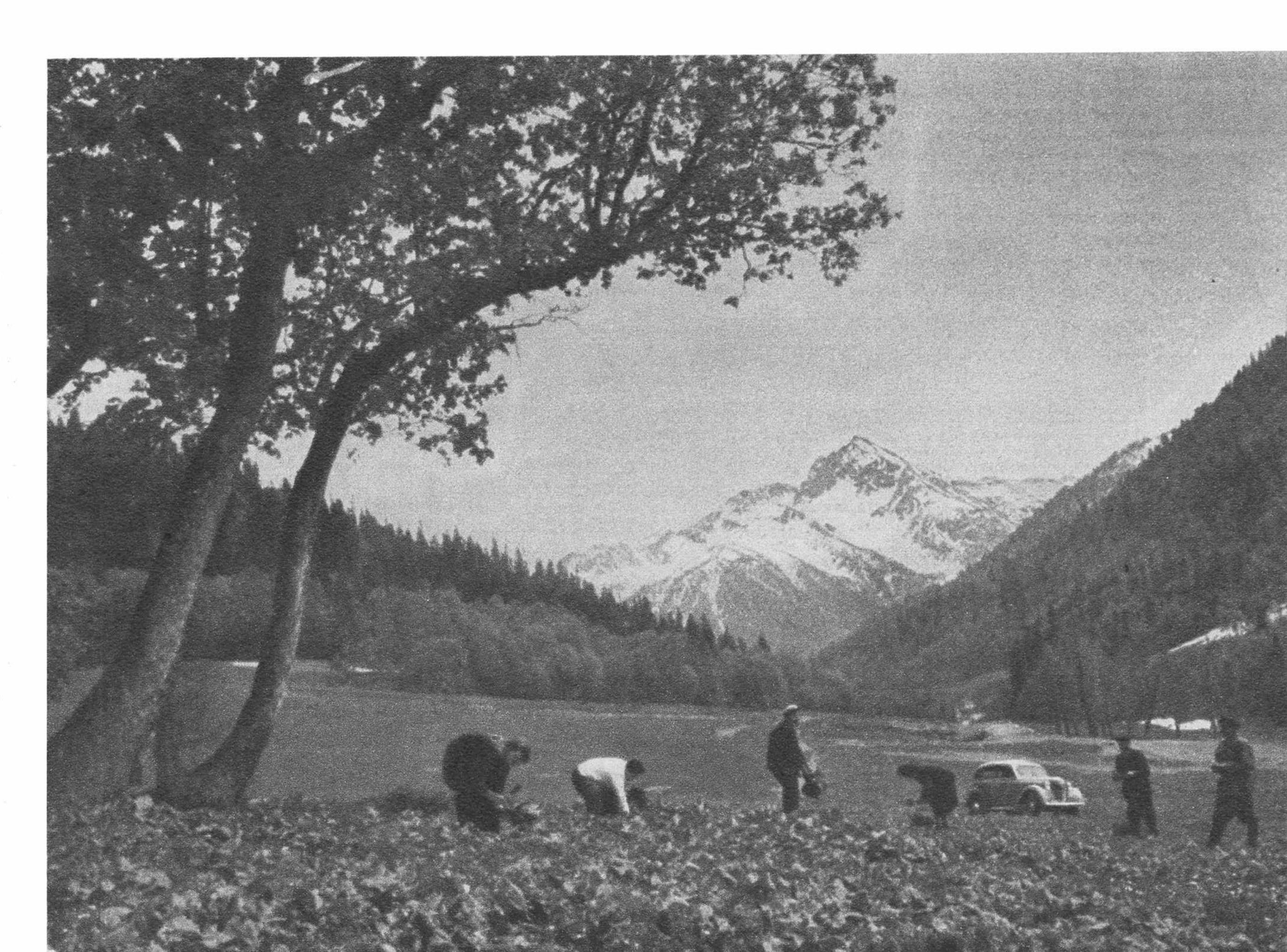
Отправились на рыбалку... Слева направо: студент Н. Сабитов, инспектор Госбанка Е. Сысоева, студент А. Скородумов и рулевой-моторист В. Типанов.
Фото А. Куликова

«Нам нравится в Кашине»

Летом особенно хорошо в Кашине! Маленький городок Калининской области утопает в парках и цветах. Прозрачные, тихие реки, смешанный сосновый и березовый лес, песчаные холмы. Природа здесь спокойна и по-особому, по-русски красива.

Кашин — ближайший к Москве бальнеологический и грязевой курорт. Он расположен неподалеку и от промышленных центров Поволжья: Ярославля, Калинина, Щербакова.

Железистый минеральный торф и минеральные воды используются при лечении заболеваний су-

Авад-Хара.
Фото С. Короткова

ставов, костей, мышц, сухожилий, нервных и желудочно-кишечных болезней. В 1950 году на курорте был открыт новый источник вод, близкий по составу к «Ессентукам» № 20; сейчас бурится глубокая скважина для получения соленых вод и найдены иловые грязи с небольшим содержанием сероводорода.

— Когда получим соляные воды и ил,— говорит директор курорта Я. М. Жуховицкий,— иным москвичам незачем будет ездить за тысячи километров, на юг... Мы сможем их лечить здесь, в двухстах километрах от столицы.

Сейчас в Кашине лечатся и отдыхают 220 человек, которые приехали сюда из 49 областей Советского Союза. Прошло лишь пятнадцать дней отпуска, а результаты налицо.

— За десять дней я поправилась почти на пять килограммов,— сообщает работница Калининского хлебозавода Анастасия Сергеевна Панфилова.— В Кашине мне и моим подругам нравится все: и природа, и леченье, и питание.

— Хорошо здесь! — дополняет ее обмотчица с цементного завода Прасковья Ивановна Озерова.— Меня давно мучил ревматизм, а здесь полечилась грязями, и боли прошли.

Это не единичные отзывы. Грязь, воды, массаж, электропроцедуры, лечебная гимнастика, свежий воздух, разнообразная и вкусная пища помогают отпускникам значительно укрепить здоровье, вернуться домой посвежевшими, веселыми.

С комсомольцем Василием Типановым мы встретились в глубине парка. Он пристраивал к удочке новую леску.

— Я, понимаете, водник. Рулевой-моторист катера на реке Мокше. Люблю воду. Вот и здесь, в санатории, сколотил «морскую» компанию. Ходим на рассвете и после обеда ловить рыбу. Врач говорит: очень полезное мероприятие.

Вместе с Васей на реку отправилась большая компания.

...Вечереет. Солнце спускается за деревья, заливает красноватым светом застекленные широкие террасы. Николай Егорович Лотасов — московский рабочий — заходит в кабинет директора. Он берет книгу отзывов и пишет: «Примите от меня честное, товарищеское спасибо за отличное лечение. Только в нашей стране рабочему человеку предоставлено право на такой прекрасный отдых. Нравится нам в Кашине! Спасибо за все товарищу Сталину!»

И. Никитина

Санаторий в Мардакянах.
Фото С. Кулишова

На Апшероне

В сорока километрах от Баку, на северо-восточном берегу Апшеронского полуострова, раскинулось небольшое утопающее в зелени селение Мардакяны, излюбленное место отдыха бакинцев.

Чудесные пляжи, тенистые сады привлекают сюда летом тысячи нефтяников. Отпускник захватывает с собой чемодан с самым необходимым, прощается с семьей (он знает: его будут часто навещать!), садится в поезд пригородной электрической железной дороги и уже через полтора — два часа переступает порог здравницы.

В последние дни это «путешествие» совершило более полутора тысяч человек.

Около 20 тысяч трудящихся нефтяного Баку ежегодно отдыхает в Мардакянах. Здесь, а также в расположенном неподалеку селении Бильгя, славящемся своим виноградом, действуют три крупных дома отдыха ВЦСПС и четыре санатория: неврологический, желудочно-кишечный, «Мать и дитя» и санаторий для беременных. Отличительная черта начавшегося сезона — заметно возросший приток отдыхающих из разных районов Азербайджана, Армении, Дагестана, Туркмении. В книгах отзывов можно встретить записи, сделанные больными, которые приехали на лечение из Москвы и Ленинграда.

В неврологический санаторий приехали старший оператор треста «Орджоникидзенефть» Х. А. Бабаев, недавно награжденный за выслугу лет орденом Ленина, молодые нефтяники А. Салимов и В. Смирнов, преподаватель ленкоранской средней школы № 6 А. Халилов.

Оформив свою путевку в регистратуре, Хейр Али Бабаев, уже отдыхавший здесь ранее, отправился осмотреть здравницу, познакомиться с тем, как изменилась она за последний год. Ему бросились в глаза новые аллеи, ведущие к корпусу, молодые декоративные и фруктовые деревья, высаженные на обширной территории, он с удовлетворением осмотрел новые лечебные кабинеты и, встретив знакомого врача, шутливо сказал: «Принимайте меня на капитальный ремонт».

Кабинет лечения токами высокой частоты, мастичное отделение, два кабинета лечебной физкультуры, отлично оборудованная водолечебница, составляющая предмет особой гордости работников санатория,— таков далеко не полный перечень «цехов» этой обширной «фабрики здоровья».

Приезжающие в здравницу с интересом узнают о том, что теперь здесь имеются и нарзанные ванны и что этот нарзан «изготовляется» в Мардакянах с помощью специальной установки.

А. Кикнадзе

Далеко в Сибири

Пассажиры выходят из поезда. Станция Ангара.

— Вы на наш курорт? — спрашивает их шофер.

— Да.

— Прошу вас...

Голубой автобус везет отдыхающих в санаторий.

На берегу быстрой реки Ангары, напротив острова Варничного, расположены санатории Усолья.

Усолье — старейший курорт Сибири, ему более ста лет. Сейчас здесь три санатория на 600 мест, зимние и летние курзалы. Специальные кабинеты физио-терапевтического лечения оснащены современной советской аппаратурой. Местные минеральные воды являются сильным лечебным средством; особенно большой эффект дают они при лечении ревматизма.

Более 75 тысяч человек побывало здесь за 30 лет.

Вот и сейчас на курорт прибыли люди из разных мест Сибири и Дальнего Востока. Среди них шахтер из Анжерки, водитель грузовой автомашины из Красноярского края, шахтеры из Черембасса, колхозники, рабочие и служащие.

В прошлом году курорт Усолье участвовал во Всероссийском смотре курортов и санаториев Российской Федерации. Ему была присуждена первая премия.

П. Пастухов,
редактор газеты «Усольский рабочий»

Не тот теперь Миргород...

О старом Миргороде великолепно — зло и беспощадно — писал великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь.

Но

Не той тепер Миргород,
Хорол рiчка не та...—

как бы отвечает великому земляку советский поэт П. Тычина.

Возрожден и благоустроен этот украинский городок. На месте старой «гоголевской лужи» возник чудесный Миргородский курорт, располагающий колоссальным богатством — источниками целебной радиоактивной воды «Миррад» и лечебной торфяной грязью. Научно-клиническими исследованиями установлена большая ценность хлоридно-натриевых источников Миргорода.

Целебная вода Миргорода употребляется не только для лечения на месте. Ее запечатывают в темнозеленые бутылки и отправляют в рабочие центры, в Москву, Киев, Львов.

К. Белый

У входа в Миргородский курорт
Фото Л. Куликова

Ян Матейко (1838—1893). АВТОПОРТРЕТ. 1892 ГОД.

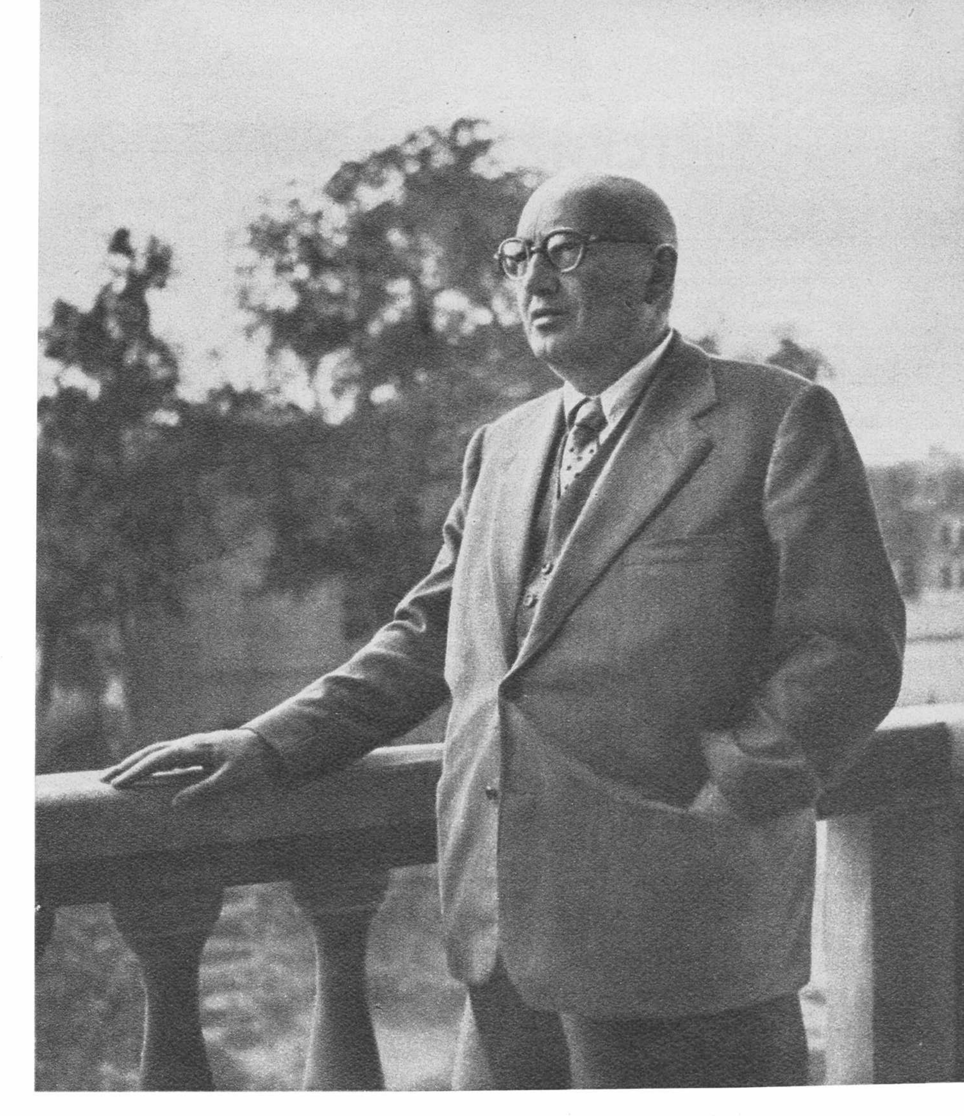
Выставка польского изобразительного искусства в Москве.

Александр Герымский (1850—1901). ПЕСОЧНЫЙ КАРЬЕР НА ВИСЛЕ. 1887 ГОД.

Выставка польского изобразительного искусства в Москве.

Славный сын итальянского народа

К вручению Пьетро Ненни международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами»

Пьетро Ненни в Москве.
Фото Дм. Бальтерманца

— Я сын бедняка-крестьянина,— так Пьетро Ненни начал рассказ о своей жизни.

Смерть отца, нужда, сиротский дом в городе Фаэнца, первые мысли о тяжелой доле трудящихся. В семнадцать лет Пьетро Ненни уже в гуще классовой борьбы; его высокую, сильную фигуру можно увидеть среди бастующих рабочих, на собраниях социалистической партии, в которую он вступил юношей. С тех пор и до наших дней весь свой яркий талант организатора, публициста, оратора Ненни отдает борьбе против фашизма, против войны. Он выступает как поборник единства рабочего класса родной Италии. Сам Пьетро Ненни считает, что это — самое важное в его политической деятельности и что каждый успех в укреплении единства рабочих приносит ему огромное удовлетворение.

Враги мира, враги Италии, не раз испытавшие на себе уничтожающую силу пера и слова Ненни, пытались преследовать, оклеветать этого верного сына народа, человека высоких принципов и большого личного мужества. Они старались подорвать все возрастающий его автoритет и популярность в массах.

В лице тогда еще молодого Пьетро Ненни Италия увидела смелого и непримиримого борца с фашистской тиранией Муссолини. А когда Франко поднял фашистский мятеж, Ненни с оружием в руках отстаивал свободу испанского народа в рядах Интернациональной бригады.

Итальянские фашисты бросили Ненни в каторжную тюрьму, надеясь, что стены, непроницаемые для звука и света, сломают его волю. С помощью друзей он совершает побег и вдали от родных берегов продолжает борьбу. Ему не раз после этого приходилось быть в заточении, но никогда не угасала, не ослабевала его воля к борьбе за счастье и свободу Италии.

Есть в жизни Пьетро Ненни эпизод, тоже связанный с пребыванием в заключении, но о нем он вспоминает с удовольствием. В 1943 году Ненни был арестован во Франции гестаповцами и выдан жандармам Муссолини.

— Печальным было мое возвращение на родину после изгнания,— говорит Ненни,— на руках и ногах у меня звенели кандалы.

Муссолини приказал перевезти Ненни в каторжную тюрьму на маленький пустынный остров Понца. И вот пришел день, когда главаря итальянских фашистов Муссолини, преследовавшего Ненни в течение многих лет, привезли на этот самый остров как военного преступника!

Фашистская диктатура пала, Ненни снова был на свободе.

Народ Италии и миллионы честных людей за ее пределами знают, как много делал и делает Пьетро Ненни для мира в последние годы. На посту вице-председателя Бюро Всемирного Совета Мира, руководителя Итальянского комитета сторонников мира, он неустанно выступает в печати, по радио, на собраниях и митингах, разоблачая тех, кто готовит новую мировую войну.

— Демократы Италии,— говорит Пьетро Ненни,— сумели выступить против агрессивной «атлантической политики», и, начиная с 1948 года, наши силы и наше влияние значительно возросли. Италия стала страной, где движение сторонников мира получило поистине огромный размах. Обращение о заключении Пакта Мира подписало более 16 миллионов человек. Подобного движения Италия никогда не знала, да и не могла знать раньше.

Чтобы хоть как-нибудь оправдать свое присоединение к агрессивному Атлантическому пакту, правящие итальянские круги и их печать вернулись к старым, затасканным приемам лжи и клеветы против СССР, приемам, которые в свое время применяли фашисты.

— Однако,— говорит Ненни,— все видят, что клевета на миролюбивую политику СССР чем дальше, тем все больше ведется впустую, не давая никакого эффекта.

Пьетро Ненни рассказывает, как глубоко он был взволнован, когда из сообщения итальянского агентства АНСА узнал о присуждении ему международной Сталинской премии.

— Я воспринял это присуждение не как признание моих личных заслуг, а как признание заслуг всех сторонников мира Италии, добившихся в последние годы серьезных успехов.

В Рим на имя Пьетро Ненни стали приходить тысячи писем, телеграмм и приветственных посланий. Италия радостно приветствовала награждение своего верного сына.

— Из всех этих посланий,— продолжает Пьетро Ненни,— наиболее дороги для меня были письма, которые присылали люди, пострадавшие от войны,— матери, потерявшие сыновей, сыновья, лишившиеся отцов и матерей.

Я помню письмо двух братьев, сыновей одного римлянина, который был убит в Ардеатинских пещерах, где фашисты замучили 336 жителей Рима за то, что они любили Италию. Братья пишут, что гордятся честью, оказанной мне. Если бы их отец был жив, он тоже подписал бы это послание, потому что и он хотел мира и боролся с фашизмом.

Пьетро Ненни вспоминает свою дочь Витторию и своего зятя. Они тоже радовались бы и поздравили своего отца, если бы были живы. Виттории Ненни было 27 лет, когда в Париже ее схватили немецкие фашисты и отвезли в лагерь смерти Освенцим и там замучили. Мужа ее гитлеровцы расстреляли в 1942 году...

— В течение последних месяцев,— говорит Пьетро Ненни,— когда стал ясен смысл так называемого общего договора, многие люди не были убеждены в том, что сторонники мира справедливо предупреждают их об опасности новой войны. В последнее время эти люди кое-что поняли и изменили свое мнение. Они увидели, что раздел Германии может создать новую Корею в сердце Европы.

Я уверен, что наш призыв о созыве Всемирного Конгресса Мира получит большой отклик. И хотя предстоят серьезные трудности, не может быть сомнения, что они будут преодолены!

Никто и ничто, — говорит в заключение Ненни, — не помешает нам мобилизовать общественное мнение против подготовки новой войны, привлечь к борьбе за мир новые широкие слои!

* * *

11 июля в Кремле, в Свердловском зале, Пьетро Ненни была вручена международная Сталинская премия.

Пьетро Ненни вошел в зал в сопровождении членов Комитета по международным Сталинским премиям, а также гостящей в СССР делегации Итальянской социалистической партии.

Лауреата сердечно приветствовали его друзья и товарищи по борьбе за мир, представители советской общественности.

Выступивший от имени делегации известный итальянский общественный деятель и журналист Маццали Гуидо заявил, что высокая награда Пьетро Ненни расценивается в Италии как признание последовательной и настойчивой деятельности, которую миллионы итальянцев с воодушевлением развивают в деле борьбы за мир, посвящая этой деятельности все свои силы и вдохновение.

Страстная, взволнованная речь Ненни была выслушана собравшимися с огромным вниманием. Последние слова речи о том, что Ненни принимает высокую награду от имени Италии, надежда на возрождение которой немыслима без мира, были встречены долго не смолкавшими аплодисментами.

К. НЕПОМНЯЩИЙ

Мы отстоим мир

Пьетро НЕННИ

Присуждение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» — большая честь для деятелей всемирного движения сторонников мира. Для старого участника рабочего движения, каким я являюсь, это больше чем честь. Высокая награда, которой я удостоен, обязывает меня всю свою энергию отдать борьбе за мир и за социализм.

Я буду делать это с энтузиазмом.

Итальянский народ не боится трудностей, встречающихся на его пути к миру. Печальный опыт итальянского народа предостерегает его от уступок империалистам и обязывает идти рука об руку, сплоченными рядами со сторонниками мира на всем земном шаре. Мы должны идти рука об руку, чтобы не дать разразиться катастрофе третьей мировой войны.

Не должно быть места даже малейшему сомнению в том, что мы достигнем этой цели. Мы ее достигнем!

Pietro Nenni

СОВЕТСКИЕ КИТОБОИ ЗАБИЛИ 2 459 КИТОВ

Антарктика имеет большое научное и экономическое значение. Девять десятых мировой добычи китов приходится на воды южнополярных морей. В высоких южных широтах вместе с промысловыми экспедициями зарубежных стран не первый год охотятся на китов и гарпунеры советской флотилии «Слава». Работа наших моряков сопровождается научными исследованиями.

СССР является участником Международной китобойной конвенции 1946 года, ратифицированной советским правительством.

Недавно в Лондоне состоялась очередная конференция, ежегодно проводимая Международной комиссией по регулированию китобойного промысла. В ее работах приняли участие делегаты 17 стран. В состав делегации Советского Союза входил капитан-директор флотилии «Слава» Герой Социалистического Труда А. Н. Соляник.

Вернувшийся из Англии А. Н. Соляник рассказал корреспонденту «Огонька»:

— Международная комиссия по регулированию китобойного промысла установила определенные правила ведения китобойного промысла. Добыча китов в ряде районов Мирового океана запрещена, во всем мире не допускается охота на гладких и серых китов, а также на самок с детенышами. Международная комиссия намечает сроки начала и окончания промысла для отдельных зон, определяет квоту (норму) добычи китов в один промысловый сезон. Все это предпринимается, чтобы сохранить мировое китовое стадо.

Очередная конференция обсудила итоги прошедшего сезона. В 1951—1952 годах флотилии, промышлявшие в Антарктике, добыли 32 561 кита. Из двадцати экспедиций, работавших в высоких южных широтах, советская флотилия «Слава» заняла первое место по количеству добытых китов на одно промысловое судно. Советские гарпунеры забили 2 459 китов. Пароход «Слава» и танкеры доставили в Одесский порт более 25 тысяч тонн китового жира.

Во время конференции наша делегация устроила прием в посольстве СССР в Лондоне для представителей стран — участников конвенции — и сотрудников Международной комиссии по регулированию китобойного промысла. На нем присутствовало 120 человек — делегации всех стран и виднейшие ученые Великобритании. Среди них вице-председатель Бюро Всемирного Совета Мира профессор Бернал, директор и секретарь Британского королевского географического общества Лоренс Кируэн.

Участники приема с интересом выслушали сообщение о том, что во время плавания флотилии «Слава» в высокие южные широты советские ученые и моряки ведут обширные научные работы, преследуя при этом благородную цель — поставить силы природы на службу человечеству.

Наши гости просмотрели цветной документальный фильм «Советские китобои», повествующий о работе моряков флотилий «Слава» и «Алеут». Картина получила высокую оценку у зарубежных делегаций и ученых.

Мы побывали в английском Географическом музее и здесь увидели портреты русских ученых-путешественников. Нам показали библиографическую редкость — книгу русского исследователя южнополярных морей и одного из первооткрывателей Антарктиды адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов», впервые изданную в 1831 году.

Там же, в Англии, мы видели книгу Ф. Ф. Беллинсгаузена, переведенную на английский язык и изданную в Лондоне в 1945 году. Книга называется «Путешествие капитана Беллинсгаузена в Антарктику в 1819—1821 годах». В своих примечаниях к тексту и в предисловии переводчик — крупнейший английский географ Ф. Дибенхэм — отмечает исключительные научные заслуги участников русской экспедиции на шлюпах «Восток» и «Мирный».

Ученые Англии оказали советским делегатам на Международной конференции по китобойному промыслу теплый и дружеский прием.

А. Н. Соляник.

Фото С. Когана

Массовая уборка началась

В Краснодарском крае началась массовая уборка урожая. Первым в Кореновском районе приступил к косьбе хлебов колхоз имени Сталина, где зерновые посевы занимают 2 500 гектаров. На полях колхоза работают 9 комбайнов. Оборудованы четыре электрифицированных тока. На снимке: уборка хлебов самоходным комбайном. Ведет его комбайнер Кореновской МТС И. Г. Кобенко.

Фото В. Кунова (ТАСС)

В большой путь

Девушки в нарядных, светлых платьях с букетами цветов в руках заполнили первые ряды светлого актового зала 165-й московской женской школы. Сегодня у них большой праздник: им вручают аттестаты зрелости.

Пришедшие на торжество родители взволнованы не меньше своих, ставших взрослыми дочерей. Тут же близкие друзья, бывшие ученицы школы и школьницы младших классов, которые пришли приветствовать старших подруг.

Среди выпускниц, окончивших школу с отличием, Лида Антипова и Таня Кочеткова. В гости пришли окончившие с золотыми медалями 155-ю мужскую школу Виктор Анодин и Валерий Казимирко. Это они вчетвером сфотографированы на снимке, который напечатан на обложке журнала. Снимок был сделан в дни экзаменов. Теперь экзамены уже позади. Лида Антипова получила золотую медаль, Таня Кочеткова — серебряную.

Взволнованно звучат слова Татьяны Кочетковой:

— Я хорошо помню 1942 год. Нас, маленьких девочек, впервые привели в школу. Незадолго до этого наша славная Советская Армия отогнала вражеские полчища от стен родной Москвы. Нам говорили: вы должны хорошо учиться, чтобы ваши отцы на фронте получали радостные вести. И мы старались учиться хорошо. Спасибо, на всю жизнь спасибо нашим учителям, которые сумели привить нам любовь к наукам, к труду, к Родине!

Сдержанную торжественность церемонии вручения аттестатов сменяют веселые шутки, радостный смех. Как приятно чувствовать себя взрослым! Как широки пути-дороги, открытые перед каждым молодым человеком!

После бала, когда над Москвой забрезжил рассвет, юноши и девушки отправились на Красную площадь. Казалось, что рубиновые звезды освещают счастливой молодежи путь в светлое будущее.

А. ВОЛЬСКИЙ

Начались танцы. В паре с Татьяной Кочетковой танцует Валерий Казимирко. Слева — Лидия Антипова.

Фото О. Кнорринга

«Московские Альпы»

Не выезжая из Москвы, можно любоваться горными пейзажами Кавказа, Крыма, Тянь-Шаня, Памира... Для этого достаточно будет посетить новый агроботанический сад Московского государственного университета на Ленинских горах.

На площади более 40 гектаров на большом пустыре раскинулся этот сад. Рядом с исконными московскими жителями — елью, березой, сосной, липой, дубом — тянутся к солнцу многочисленные «гости» столицы — растения из далеких знойных и холодных районов страны: голубая и серебристая ель, сибирская лиственница, карликовая береза тундры, вечнозеленая туя, каштан, шафран...

Агроботанический сад, в котором можно ознакомиться с огромными достижениями мичуринской агробиологической науки, станет замечательной зеленой лабораторией для студентов и ученых университета.

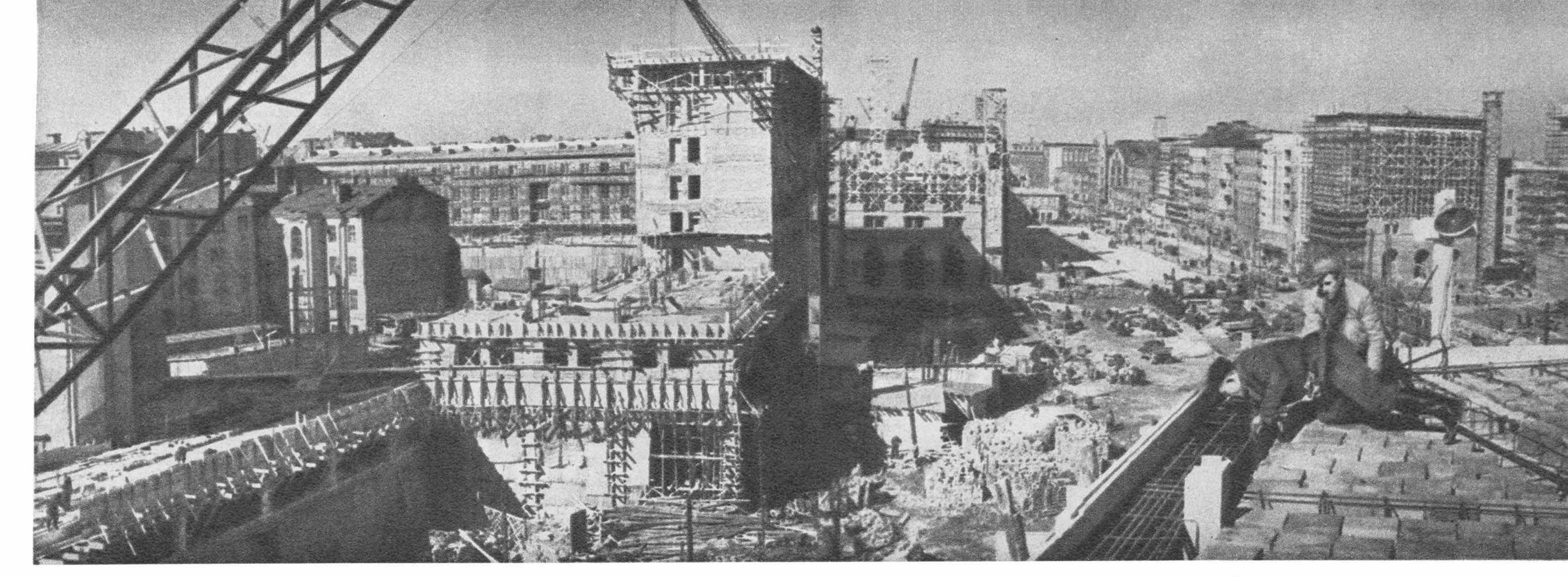
Десятки тысяч деревьев и кустарников уже высажены в саду, восемь тысяч роз, доставленных из Нальчика, высаживаются сейчас.

В центре сада искусными руками строителей и садоводов сооружен альпинарий. Перед глазами встают отвесные горы. Каждая из них — миниатюрная копия одного из горных районов мира. Сходство подчеркивают многочисленные детали: большое озеро, раскинувшееся у подножья горы и обрамленное влаголюбивыми прибрежными растениями, стремительный ручей, пробивший себе дорогу сквозь монолитный гранит, отвесно падающий с шумом и грохотом водопад.

Нынешней весной в расщелинах скал альпинария появились первые альпийские цветы. Высаженные прошлой осенью и заботливо сбереженные, зацвели белые и голубые подснежники, зазеленели эдельвейсы и фиалки. С каждым днем все разнообразней и красочней становится московский альпинарий.

Близок срок окончания строительства чудесного Дворца науки. Вместе с ним вступят в строй агроботанический сад и его живописный альпинарий — первый в стране и крупнейший в мире.

М. КРЮКОВ,
Б. ТУРОВЕЦКИЙ

Хорошеет с каждым месяцем столица Польши Варшава. Новые жилые кварталы строятся на Маршалковской улице.

ДЕНЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОЛЬШИ

Двадцать второго июля польский народ торжественно отмечает восьмую годовщину национального и социального возрождения своей родины. Этот день будет смотром замечательных побед в борьбе за строительство фундамента социализма, достигнутых под руководством Польской объединенной рабочей партии в неразрывной дружбе с Советским Союзом.

В честь Дня возрождения Польши по всей стране развернулось социалистическое соревнование трудящихся, которое внесло дополнительный крупный вклад в шестилетний план строительства фундамента социализма.

В стенах гостеприимной столицы в эти дни собираются на всепольский слет молодых строителей социализма 200 тысяч юношей и девушек. Они демонстрируют свою решимость бороться за торжество идей социализма, за мир.

В день всенародного праздника законодательный сейм Польской Республики примет новую Конституцию.

Народно-демократическая Польша за восемь лет сделала огромный скачок вперед в своем экономическом развитии. За год она, как сказал Болеслав Берут, наверстывает десятилетия. Страна превращается в индустриальную державу. Повсюду идет стройка новых промышленных предприятий, возводятся города, сотни рабочих поселков.

Почти шесть миллионов людей работает над возрождением западных земель. Самоотверженным трудом они за короткое время превратили в цветущий край огромные пространства.

Двадцать второго июля радостно зазвучит в городах и селах популярная в народе песня:

Солнце над нашим краем
Пусть светит ярче и дольше,
Радугой расцветает,
В песнях звенит над Польшей.

* * *

Новая Гута — гордость демократической Польши. Сегодня на ее строительной площадке горячие дни. Строятся гигантские цехи ремонтного завода. Началась подготовка котлована под одну из доменных печей, идет кладка фундамента под первые сооружения мартеновского цеха. В разгаре подготовительные работы к строительству коксовых батарей. На площадке будущего завода огнеупоров возводятся шамотный и динасовый цехи. Рядом с заводом строится быстрыми темпами социалистический город.

На стройках завода и города работают мощные экскаваторы, бульдозеры, краны, саморазгружающиеся автомашины — все это прислано из Советского Союза.

Новую Гуту строит вся Польша. Со всех концов страны сюда идут кирпич, цемент, литье, железо, сталь, хлеб, мясо, овощи. Со всех концов прибывают сюда на работу тысячи людей.

Польская молодежь готовится к слету молодых передовиков труда в день 22 июля. Бригада трактористов Львовки в честь слета борется за экономию топлива и ликвидацию простоев.

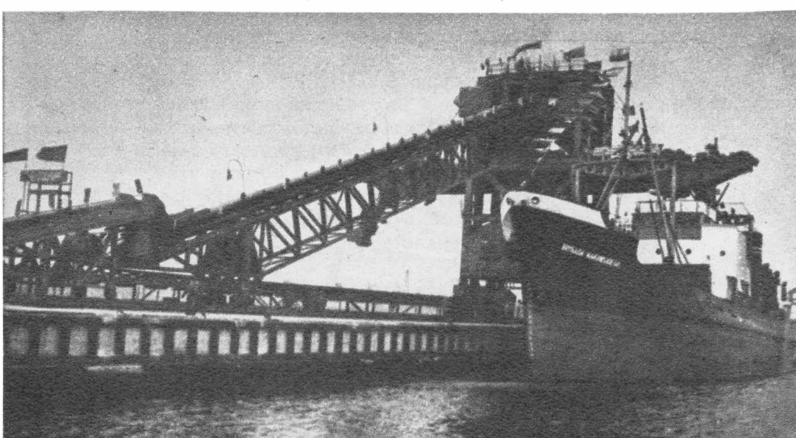

Молодые строители Новой Гуты. Бельгийские рабочие прислали им в подарок белого голубя — символ мира.

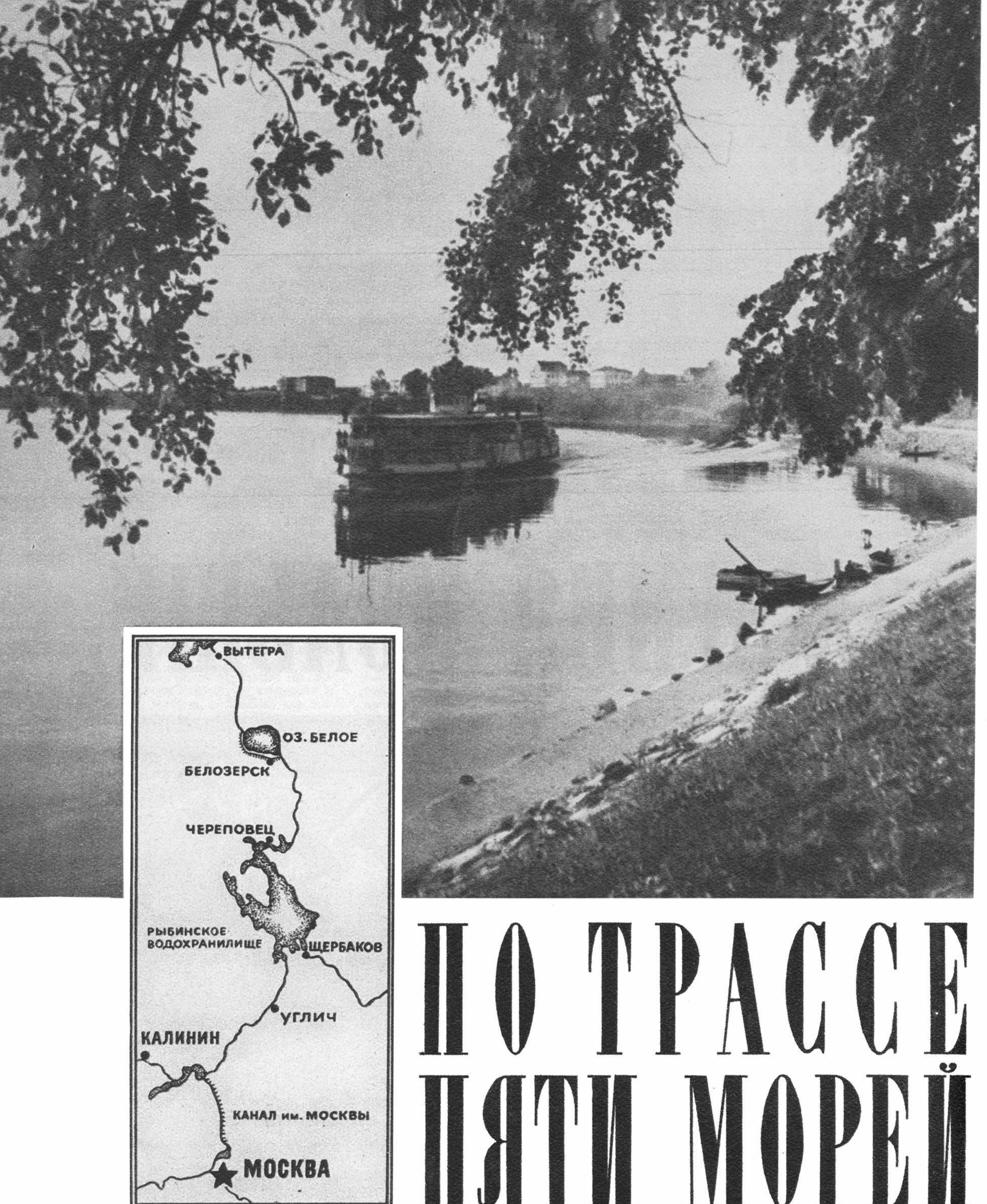
Со стапелей судостроительных верфей Гданьска, Гдыни и Щецина все чаще сходят на воду большие и малые корабли. Многие из них уже плавают под красно-белым флагом демократической Польши. Первенцы отечественного кораблестроения уже побывали в десятках иноземных портов.

Полной грудью дышат польские морские порты. В Щецине построены и введены в строй погрузочно-разгрузочные машины, в Гданьске — новые причалы.

Варшава. **Я. МАКАРЕНКО**

Погрузка угля на судно «Бригада Маковского» с помощью нового погрузочного конвейера в Щецинском порту.

ПО ТРАССЕ ПЯТИ МОРЕЙ

Я. ФОМЕНКО С. МОРОЗОВ

Фото С. Фридлянда и Б. Кузьмина

Специальные корреспонденты «Огонька»

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

Покинув просторы Онежского озера, мы попали в Вытегру. От Беломорска ее отличает многое — и живописные зеленые холмы, и большие каменные здания, и густые аллеи. Но эти два города очень схожи. Беломорск открывает ворота в Беломорканал, через Вытегру проходит сквозной водный путь от Балтики к бассейну Волги, большая проезжая дорога по «рекам рукодельным».

Это выражение А. Н. Радищева вошло в обиход, когда Мариинская система еще не существовала и путь между Петербургом и Волгой пролегал через Вышний Волочок. В наши дни плавание по Мариинской системе представляет собой своеобразный экскурс в историю отечественной гидротехники. Тому, кто видел шлюзы и водосбросы Беломорканала, сооружения канала имени Москвы, а тем более Волго-Дона, сразу, конечно, бросится в глаза различие в уровне техники, во всем облике этих искусственных водных путей.. Мариинская система — это прошлое в настоящем. Сквозное движение по ней началось еще до Отечественной войны против Наполеона. Мариинская система на целый век старше Панамского канала.

Право же, стоит гордиться таким прошлым! Тем более, что оно неплохо служит настоящему и еще послужит будущему.

И гордиться и любоваться есть чем на пути из Вытегры к Череповцу. Пароход плывет то меж лугов и полей, то меж холмов, расцвеченных нежной белизной березовых рощ. Деревья отбрасывают на воду точное изображение каждой веточки. Отороченные кустарником лужайки меняются в цвете, переходя из густозеленого в яркожелтый. Пейзаж раздольный, как русская песня.

Ново-Мариинский канал, соединяющий верховья Вытегры с верховьем Ковжи, проложен в 1886 году. Речники зовут его «Каменным». Точно клинок, он рассекает скалистый гребень водораздела Онежского и Белого озер. В косой волне от пароходов дробится отражение отвесных известняковых берегов. Перед шлюзом, открывающим вход в Ковжу, ответвляется неприметный с виду, но очень важный канал, подающий воду из Ковжинского озера.

Ковжа течет к Белому озеру. Как правильно и метко назвал народ это озеро! Оно в самом деле белое, окраской похоже издали на каток, припорошенный свежим снежком, и в безоблачный летний день блестит серебром.

Белозерск известен как место ссылки «врагов государевых». У паперти храма Успения стоит новгородский вечевой колокол, «сосланный» сюда Иваном Грозным. Язык у колокола вырван, и он стоит молчаливый, угрюмый. Дважды перепоясывает его славянская вязь надписей. На легкий щелчок металл отзывается протяжным стоном. И чудится новгородская площадь, встревоженный гул веча.

Тихий городок на озере славен теперь не только стариной. Пароход, на котором мы плывем, «Г. Димитров», комфортабельное пассажирское судно, переоборудован, фактически построен заново на Белозерском судоремонтном заводе.

Очередной шлюз пропускает нас на Шексну. Шексна соединена с Северной Двиной. Недалеко от пристани Топорня уходит на восток шлюзованная система: через Кубенское озеро, Сухону и Двину на Архангельск.

ДЫХАНИЕ ЮНОГО МОРЯ

Берега Шексны расступаются все шире. Речной плес приобретает очертания озера. Справа на высоком берегу показываются строения — это Череповец, город, ставший приморским.

Переговорный пункт междугороднего телефона. Из кабины доносится женский голос:

— Варшава? Варшава? Леша, это ты? Здравствуй! Здравствуй, говорю. И Тоня здесь... Мы вдвоем в кабину втиснулись... Здоровье? Хорошее. А как тебе работается? Скучаешь по Череповцу? Коля подошел? Как он доехал?

Невольно мы стали свидетелями разговора близких людей. Два сына Матрены Михайловны Губичевой, Алексей и Николай, бульдозеристы, недавно выехали в Польшу на строительство варшавского Дворца науки и культуры.

Второй раз за время путешествия мы услышали название этой стройки. В Петрозаводске нам сообщили, что в Польшу отправлена партия сборных домов. Возможно, в одном из них поселятся братья Губичевы.

Случайная встреча на телефонной станции послужила прологом более близкого знакомства с Череповцом. Утром следующего дня мы объезжали причалы в сопровождении главного инженера порта Павла Евдокимовича Кожарина. Чего только нет здесь! Сельскохозяйственные машины, удобрения, такелаж для лесосплава, грузы с Урала, из Одессы, из Белоруссии. С воды на железную дорогу, из крупных волжских судов в мелкосидящий флот Мариинской системы денно и нощно идет перевалка. Знатный механизатор Алексей Васильевич Черепанов за время навигации перемещает своим пловучим краном столько же грузов, сколько давала вся череповецкая пристань в «доморскую» эпоху.

Судьба Череповца стала иной с тех пор, как возникло море, и устье Шексны переместилось сюда от Щербакова. Центр города, правда, сохранил в главном свой внешний вид таким же, как в тридцатые годы. А вот городские окраины разительно изменились. Когда из старого центра попадаешь в район новых улиц, хочется сказать: вот это и есть центр!

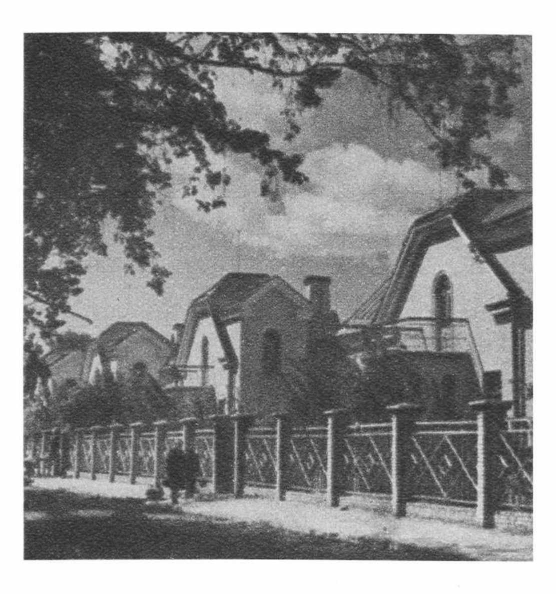
Может показаться странным: о новом, что происходит в зоне влияния юного моря, мы узнали в музее. Череповецкие краеведы — активный, любознательный народ. Стоит только появиться чему-нибудь новому, они берут его на заметку, выясняют, наблюдают, изучают. Из множества фактов складывается общая картина больших изменений в природе и жизни края.

Среднегодовая температура за время существования Рыбинского моря повысилась на целых два градуса! Из Ладожского озера в новый водоем пришел снеток, из Каспия пожаловали сазан и русский осетр. Однажды рыбаки поймали осетра в 64 килограмма!

Мир пернатых тоже пополнился: прижилась прилетевшая то ли с Украины, то ли из Белоруссии сизоворонка, осел на жительство ранее пролетавший мимо серый гусь. Неплохо почувствовали тут себя гагары. Появились пеликаны. Думали сначала, что это временные, случайные гости. Потом выяснилось, что пеликаны устраиваются всерьез. После обстоятельной разведки они избрали местом своего по-

---

Продолжение. Начало см. №№ 28 и 29.

Череповец. Новые дома на улице Луначарского.

селения окрестности бывшего села Даргунь, затопленного морем.

А мир растений?.. Появились рдест, гречиха земноводная, рогоз широколистный, цикута. Хорошо растут теперь бересклет и бархат амурский. Напомним, кстати, что бархат амурский — дерево, дающее пробку. Для череповецких мичуринцев раздвинулись горизонты.

Дыхание моря... Мы физически ощутили его, когда плыли из Череповца в Щербаков. Тоненькими, едва приметными полосами мелькают на горизонте далекие берега. Колокольни церквей над затопленными селами кажутся памятниками какого-то очень давнего, доисторического периода. Трудно поверить, что всего двенадцать лет назад тут шумели леса, зеленели поля, клубилась дорожная пыль.

Близко к полуночи медно-красный диск солнца опускается в воду. В розоватых сумерках мигают светящиеся буи, ограждающие судоходную трассу. Вспыхивают ходовые огни попутных и встречных караванов. Вот мы обогнали буксировщик «Кронштадт» с плотами и баржами. Караван стоял, и было видно, как пароход подтаскивает баржи к краям плотов.

— От волны ограждает,— пояснил наш капитан.— По радио получено штормовое предупреждение.

Ранним утром открылись лесистые берега Переборского залива, громады Щербаковской ГЭС и плотины, сдерживающей натиск Рыбинского моря.

Налево — веками исхоженная дорога вниз по Волге. Направо — новый, созданный в наше время глубоководный путь на Москву.

НОВЫЙ УГЛИЧ

Несколько часов плавания от Щербакова — и пароход пристает к Угличу. О юности этого города повествуют летописи древней Руси. Вторую молодость Углич пережил в тысячелетнем возрасте. Построенная неподалеку от палат царевича Дмитрия гидростанция в 1940 году дала промышленный ток столице Советского Союза.

Три плотины — близ Иванькова, Углича, Щербакова — и три водохранилища-моря образуют начало каскада большой Волги.

Углич — маленькая точка на карте и маленькая частичка страны. Но угличане горды большими своими делами. В самом начале работ на Волго-Доне они послали туда первый земснаряд, выпущенный угличским механическим заводом. Художественным литьем угличского изготовления украшена Цимлянская плотина.

Наши люди так привыкли к быстрому темпу развития, что часто, находясь в самом потоке жизни, не замечают скорости движения вперед. Когда начинаешь говорить о том, что было и что стало, иногда слышишь:

— И в самом деле, ведь недавно этого не было.

Один за другим отгружаются землесосы для строек коммунизма. Тут были только маленькие мастерские, а теперь — завод.

У проходных ворот заводов — велогаражи. Кавалькады велосипедистов мчатся по улицам...

— Когда это появилось? Кто это заметил?..

Значит ли это, что люди безразличны к происходящему? Отнюдь нет. Они сами творят и рады всему новому. Просто: то, что сделано,— сделано, никто не отнимет, на очереди еще большие дела.

Когда Николай Васильевич Шишкунов спросил нас: «Как понравился наш город?»,— мы услышали в его тоне утвердительную нотку: обязательно должен понравиться.

Сам Николай Васильевич остался в нашей памяти своеобразным полпредом угличан. Гвардейская выправка. Ладно сидит форменный китель. На груди значок с надписью: «27 февраля 1917 года. Н. Шишкуновъ. Волынецъ». Солдат революционного Волынского полка в прошлом, Николай Васильевич два десятилетия подряд трудится на угличской пристани.

СВЕТ МОСКВЫ

...Пассажиры парохода «Белинский», идущего из Молотова в Москву, последнюю ночь почти не спят, провожают и встречают солнце на палубе. Живописны окрестности Кашина, Кимр. В Калязине рядом с фарватером торчит из воды колокольня.

Ранним утром мы увидели Иваньковскую плотину и ворота первого шлюза канала имени Москвы. На пароходе воцаряется торжественная тишина. Глаза всех устремлены к гигантским скульптурным портретам Ленина и Сталина. Лица великих преобразователей мира обращены на юг, к Москве, куда волею большевиков повернуты волжские воды. Сколько судов тут проходит, столько раз повторяются эти величавые минуты близости ко всему, чем славна наша эпоха.

Мы плывем в столицу по Сталинской водной трассе. За пятнадцать лет своего существования она дала великому городу тринадцать миллиардов кубометров волжской воды. Это почти одиннадцать Московских морей. Более восьмисот тысяч судов прошло за это время через шлюзы канала, почти в семь раз возрос грузооборот, исчисляемый миллионами тонн.

Канал имени Москвы называют лабораторией великих строек. Наш спутник инженер-гидротехник рассказывает: в Иванькове, на Яхромском и Комсомольском гидроузлах, проведены исследовательские работы для строителей Волго-Дона и Куйбышевской ГЭС; в недалеком будущем намечено соорудить опытную линию для буксировки судов элек-

Два шлюза — две эпохи. Вверху — на Мариинской системе; внизу — на Волге, близ Углича.

Череповец. В порту на Рыбинском море.

В ботаническом саду Череповецкого краеведческого музея.

тричеством; опыты эти крайне важны для строящегося Туркменского канала.

...Металлическая звезда над Химкинским речным вокзалом встречает нас сверкающим отражением вечерней зари. Рейс пассажирского парохода закончен. Но Северная гавань в Химках — только часть столичного порта. Чтобы увидеть Москву — порт пяти морей, надо пройти водой через всю столицу с севера на юг.

После полуночи мы садимся на грузовой теплоход «Серпухов». В трюмах его — зерно из Сталинграда. Глубокие двухкамерные шлюзы опускают судно на десятки метров вниз, до уровня Москвы-реки. Участок канала между шлюзами в Химках и Тушине пролегает в высокой насыпи. С верхней палубы судна видны крыши домов. Внизу, из тоннеля Волоколамского шоссе, выскакивают ярко освещенные трамваи и автобусы. Вверху, по мосту, аркой переброшенному через канал, проносятся поезда железной дороги Москва — Рига.

Светает. Входим в Москву-реку, минуем Западную гавань в Филях. И вот наш теплоход плывет уже в черте города, поднимая волну, спугивая примостившихся у берега рыболовов.

Извилист москворецкий фарватер. Но капитан «Серпухова» Михаил Иванович Рогожев в Москве не впервые. Уверенно управляя судном, он то и дело восхищенно поглядывает на берега. Похорошела, украсилась, поднялась ввысь столица со времени последнего, прошлогоднего рейса.

В Дорогомилове вознесся стальной каркас высотной гостиницы. Напротив, через реку, вонзается в небо шпиль строящегося дома на площади Восстания. Засветлел нежнокремовой облицовкой дворец на Смоленской. Над зеленью Ленинских гор — нарядные башни нового университета. Жилой дом на Котельнической возвышается прямо над гранитными уступами набережной, открывается целый ансамбль многоэтажных зданий по обоим берегам реки. А ведь памятно капитану время, когда здесь теснились деревянные лачуги, когда у заваленных мусором откосов начался судоходный путь в Москву со стороны Оки.

Вместе с капитаном любуются столицей его жена и пятилетний сын. Стоят рядом на палубе Александр и Александра Большаковы — штурман и матрос — супруги. По давней волжской традиции, многие на «Серпухове» служат в команде семьями,— как же иначе, когда вся жизнь проходит на воде?

Перед прибытием в порт председатель судового комитета составляет списки экскурсантов. За время выгрузки надо успеть и в Третьяковку, и в Парк культуры, и на новые станции метро. Стоянка будет недолгой, сутки — самое большее. Московские портовики недаром славятся стахановскими темпами грузовых работ.

Пройдены петли речного русла, трижды прорезающего город, остались за кормой двенадцать московских мостов, бесчисленные причалы близ заводов и строек. И вот впереди заблистала под солнцем неоглядная водная ширь, замаячили шеренги кранов, массивные складские корпуса. Южная гавань! Самая молодая по возрасту, самая совершенная по технике, самая крупная по грузообороту в столичном речном порту — центр Московского воднотранспортного узла.

Из теплоходов и барж выгружают привезенный с Урала металл, бумагу для типографий из Балахны и Ленинграда. Сплошным потоком из судовых трюмов в поданные к самому причалу вагоны движутся мешки с мукой.

Ковши грейферных кранов нависают над палубой «Серпухова» — надо скорее выгрузиться, чтобы быть готовым к следующему рейсу из Москвы на Дон.

Вслед за капитаном сходят на берег свободные от вахт штурманы, мотористы, матросы. Все оживлены. Много впечатлений оставило плавание. И особенно запало в память сегодняшнее утро, когда корабль плыл Москвою, под стенами Кремля.

Н. В. Шишкунов (слева) беседует с начальником пристани Углич А. И. Крыловым.

Волжский теплоход «Серпухов» проходит Москвою. На мостике капитан М. И. Рогожев.

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

З. ХИРЕН

Дали полный свет — и мы вновь увидели польских киноактеров, но теперь уже не на экране, а рядом с собой, в просторном зрительном зале одного из московских кинотеатров. Здесь сидели режиссеры, драматурги, операторы — все приехали из Варшавы. За те дни, что они гостили в Москве, мы не раз с ними встречались, и не раз заходил разговор на старую, но вечно новую тему об отношении искусства к действительности. Гости говорили о своих картинах, но скорее всего это был рассказ о современной Польше, об ее стройках, об ее людях.

1

— Знаете, — сказала Данута Шафлярская, польская киноактриса, игравшая в «Моем сокровище» Кристину — невесту шофера Витека,— теперь «мой жених» не опоздал бы на свадьбу. Картина ведь снималась три года тому назад, а для Варшавы это огромный срок, Варшава непрерывно строится... У нас в ходу такая шутка: приходит утром на стройку жилого дома один человек и спрашивает:

— Скажите, где тут Янек со второго этажа?

— Разве не видите,— рассердились землекопы,— мы только начали котлован рыть.

— Виноват, я действительно немного поторопился, приду после обеда.

— Конечно, это шутка,— смеется киноактриса,— так быстро у нас еще не строят, но дело к тому идет. Почему я думаю, что Витек не опоздал бы теперь на свадьбу? Ему просто не пришлось бы столько блуждать по развалинам. Он быстро промчался бы по новым, красивым улицам, и никакие преграды, разве только светофоры на перекрестках, не встали бы на его пути. Меня вы больше не застали бы в старом магазине, где я снята в роли продавщицы. Рядом построен огромный универмаг, и если бы мне вновь пришлось исполнять ту же роль, я стояла бы за одним из прилавков нового универмага.

— А я вот не совсем убежден, что Витек опять не опоздал бы на свадьбу,— подхватил, сохраняя серьезный вид, один из товарищей киноактрисы.— Еще недавно в Варшаве было принято говорить: шесть дней работаем, а на седьмой идем смотреть, как строят. Теперь к этому прибавляют слово «Дворец». С тех пор как стало известно о даре народов СССР, все варшавяне устремились на строительство Дворца культуры и науки. Всем хочется по-братски пожать руки советским строителям. Люди за километр узнают машины с эмблемой строительства и бегут навстречу. Так вот, представьте себе, что Витек по дороге на свадьбу попадает в эти места. Что же, по-вашему, он не остановится, не перекинется двумя — тремя словечками о Дворце? При любых обстоятельствах он бы сделал там остановку, и вот вам опять опоздание на свадьбу...

Все смеются. Ясно, что дело тут не в Витеке. За дружескими шутками и смехом наших гостей стоит простая и прекрасная правда сегодняшней Польши.

Варшава строилась семьсот лет. Но в конце войны она выглядела как после страшного землетрясения. Теперь мастера польского кино показывают нам на экране, как из руин поднимается дом за домом, квартал за кварталом, улица за улицей, площади, мосты, исторические памятники. Мы внимательно разглядываем кадр за кадром, стараемся узнать хоть одну улицу, хоть один закоулочек той Варшавы, которую довелось нам

Участники фестиваля кинофильмов Польской республики прощаются с Москвой.
Фото Г. Санько

— Если бы мне вновь пришлось исполнять роль продавщицы, — сказала Данута Шафлярская, — вы бы увидели меня за прилавком нового универмага.

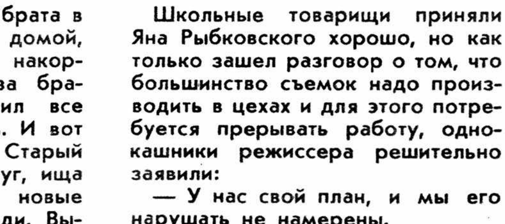
Так еще недавно выглядел перекресток, где сейчас возвышается здание нового универмага в Варшаве.

видеть в мае 1945 года, когда мы с войны возвращались домой. Но ничего подобного обнаружить не удается. На нас глядит новый, большой, красивый, веселый, многолюдный город. Мы смотрим на ансамбли новых домов и вспоминаем, что где-то здесь на веревках, протянутых поперек разрушенной улицы, сушилось детское белье. Мы видим широкую, ярко освещенную, застроенную прекрасными зданиями магистраль Восток — Запад и вспоминаем, что посреди руин Старого Города стоял один-одинешенек железный столб и ветер раскачивал на нем ржавый колпак уличного фонаря. Новые сады плывут мимо нас на экране — и вспоминается обгоревшее дерево, к которому тогда, весной 1945 года, кто-то приладил скворечню — знак возрождающейся жизни. Многое приходит на память: букетик ландышей в помятом солдатском котелке на пороге землянки, старуха, кормящая стаи голубей, слетевшихся к ней не иначе как со всей Варшавы...

Кинооператор Владислав Форберт, словно угадав наши мысли, говорит:

— Ничего удивительного в том, что вы не узнаёте Варшаву. Я коренной житель столицы и часто оказываюсь в таком же положении.

В ту же далекую весну 1945 года он забрел как-то в Старый Город. Он не мог понять, что так сильно привязывает людей к пепелищам. Никто не хотел покидать старые «квартиры». Ему повстречалась маленькая девочка. Она деловито шла среди нагромождений кирпича и железа, держа в руках корзинку с провизией. Кинооператор пошел вслед за ней. Она спустилась в подвал, где каким-то чудом уцелела кухня. Там и была квартира девочки, ее отца — ночного сторожа — и маленького братишки, лет пяти. К утру, когда отец возвращался с работы, у нее готов был для него завтрак, затем отец ложился

отдыхать, а она отводила брата в детский сад. Вернувшись домой, девочка готовила обед и, накормив отца, отправлялась за братом. Кинооператор решил все заснять. Прошло лет пять. И вот он вновь отправился в Старый Город. Он озирался вокруг, ища знакомый подвал. Всюду новые дома, стройки, новые люди. Выручила его сама героиня. Она узнала кинооператора и подошла к нему. Девочка показала высокий дом, в котором теперь живет ее семья.

Слушая польских кинодеятелей, мы поняли: Варшава для них не только любимая столица родины,—она, если можно так выразиться, одна из главных героинь их фильмов.

2

До того, как кинорежиссер Ян Рыбковский отправился в Островец снимать новый фильм, ему все представлялось очень просто. Он попадет в свой родной город, увидит завод, где трудились его отец, дед, вся родня, встретится со школьными товарищами, которые сейчас управляют этим заводом и, конечно, ничего не пожалеют, чтобы создать ему благоприятные условия для съемки. Мало того, сценарист фильма Е. Гамера, земляк Рыбковского, прежде сам работал там сварщиком.

Однако с первых же шагов Ян Рыбковский столкнулся со множеством препятствий. Картина посвящалась первым дням освобождения Островца от оккупантов. По сценарию, город разрушен — так оно и было с Островцом,— но за это время все отстроили. Завод стал крупнее, чем был.

Это была первая «трудность» на пути режиссера. Выручало, правда, то, что как раз в это время разбирали старую заводскую постройку: на ее месте предполагалось воздвигнуть новый, большой цех. Затем, по сценарию, на заводе домны еще нет, а в действительности она давно работает. Словом, не так-то легко было найти в Островце следы войны.

Потом перед Рыбковским возникло новое препятствие.

Школьные товарищи приняли Яна Рыбковского хорошо, но как только зашел разговор о том, что большинство съемок надо производить в цехах и для этого потребуется прерывать работу, однокашники режиссера решительно заявили:

— У нас свой план, и мы его нарушать не намерены.

Съемки велись по окончании смены.

Одному из приехавших с режиссером актеров предстояло исполнять роль молотобойца. Узнав об этом, кузнецы завода взялись помочь актеру. Старые рабочие не только обучили его основным приемам работы на молоте, но посвятили гостя в тонкости своей профессии, показав ему традиционный прием молотобойцев. На наковальне появились золотые карманные часы. Молотом, который весил не менее пяти тонн, мастер осторожненько захлопнул крышку часов.

Рабочие завода очень интересовались съемкой и были в курсе всех дел группы. Они требовали одного: чтобы в фильме была сохранена жизненная правда. Одна из актрис играла в картине жену рабочего. Вместе с жителями Островца она встречает передовые части Советской Армии. По сценарию, она должна была пробраться через толпу вперед и оказаться на первом плане. Но работницы, снимавшиеся в этой массовой сцене, запротестовали:

— Зачем эта женщина старается себя показать? Нужно, чтоб все было, как в жизни!

Оказалось, что в массовке участвовали те же самые люди, которые в свое время встречали Советскую Армию. Они не знали, что с ними играет актриса, и приняли ее просто за одну из горожанок, замешавшихся в их толпу.

На просмотре картины один рабочий сказал:

— Мы как-то по-новому увидели, какая хорошая и интересная у нас жизнь стала!..

3

Эту историю рассказал председатель управления кино Польской республики Станислав Альбрехт.

Двое молодых польских кинопостановщиков отправились снимать свой первый художественный фильм в деревню Радишов. Столкнувшись близко с жизнью, молодые товарищи решили, что нужно восполнить сценарий местным материалом.

Как только новый сценарий был сделан, начали снимать. В старых польских картинах вообще редко выводился тип крестьянина. Постановщики решили, что ни один киноактер так хорошо не справится с этим делом, как сами жители деревни Радишов. Пробные съемки показали, что радишовцы прекрасно справляются со своей задачей, ведут себя перед объективом просто, без напряжения. Правда, среди новоявленных актеров попался один, который старался говорить нарочито литературным языком. Сперва его пытались поправлять, потом воспользовались и этой его особенностью. Ему дали роль героя, старающегося по любому поводу показать свою «образованность».

Первый просмотр новой картины состоялся близ деревни, где велись съемки. Как только вывесили рекламные афиши и фото, возле них столпилась масса народу. Только и слышно было:

В зале погас свет, и на экране появились хорошо знакомые зрителям люди.

— Гляди, это Станислав!

— Узнаешь? Наша Антонина!..

Самое интересное произошло, когда в зале погас свет и на экране появились знакомые люди. Теперь зрители оценивали действия, поведение своих земляков, соседей, родичей. Малейшее отклонение от жизненной правды вызывало в зале ропот недовольства. Если же рядом в зале оказывался виновник такого грешка, его не оставляли в покое. Обсуждение картины напоминало крестьянское собрание, где решаются самые насущные практические вопросы повседневной жизни. Много досталось одному из героев за то, что он вел себя в фильме малодушно, вышел из кооператива.

— Ведь ты бы в жизни так не поступил! — упрекали его. — Пошел бы домой, посоветовался б с женой, с соседями.

— Совсем тебе кино голову вскружило! — сердито выговаривала какая-то старуха.

— В самом деле, я бы, пожалуй, так не поступил,— признался герой.— Да ведь режиссер велел.

— Режиссер, режиссер! Нужно, чтобы у самого голова на плечах была!

И аудитория крепко взялась за режиссера. За это время крестьяне близко познакомились и подружились с группой, не раз вместе с ними обсуждали детали будущей картины и привыкли высказывать им все без обиняков.

По ходу действия в картине молодая девушка, дочь середняка, рассердившись на родителей за то, что они не вступают в кооператив, убегает из дому. Этот эпизод крестьянам не понравился: так дочь не должна поступать с отцом в трудный момент! Нужно было помочь отцу, а не убегать от него.

Так художественный вымысел сливался с действительностью, и это происходило не от того, что судьи картины не видели границ между искусством и жизнью. Просто народу хочется, чтобы то хорошее, передовое, честное, что уже вошло в жизнь, было отражено в произведениях нового польского искусства.

Обсуждение картины напоминало крестьянское собрание, где решаются самые насущные практические вопросы повседневной жизни.

Работница-стахановка Мукорам Камилова в яблоневом саду Янги-Юльского садсовхоза. Узбекская ССР.

Фото М. Пенсона

Сбор чайного листа на плантации совхоза имени В. И. Ленина в Чакве (Аджарская АССР).

На опытном участке филиала Научно-исследовательского института чая и субтропических культур в Чакве ведутся работы по освоению новых сортов чая для северных районов. Руководитель работ доктор сельскохозяйственных наук, лауреат Сталинской премии К. Е. Бахтадзе (слева) и аспирант Г. Г. Рамишвили.

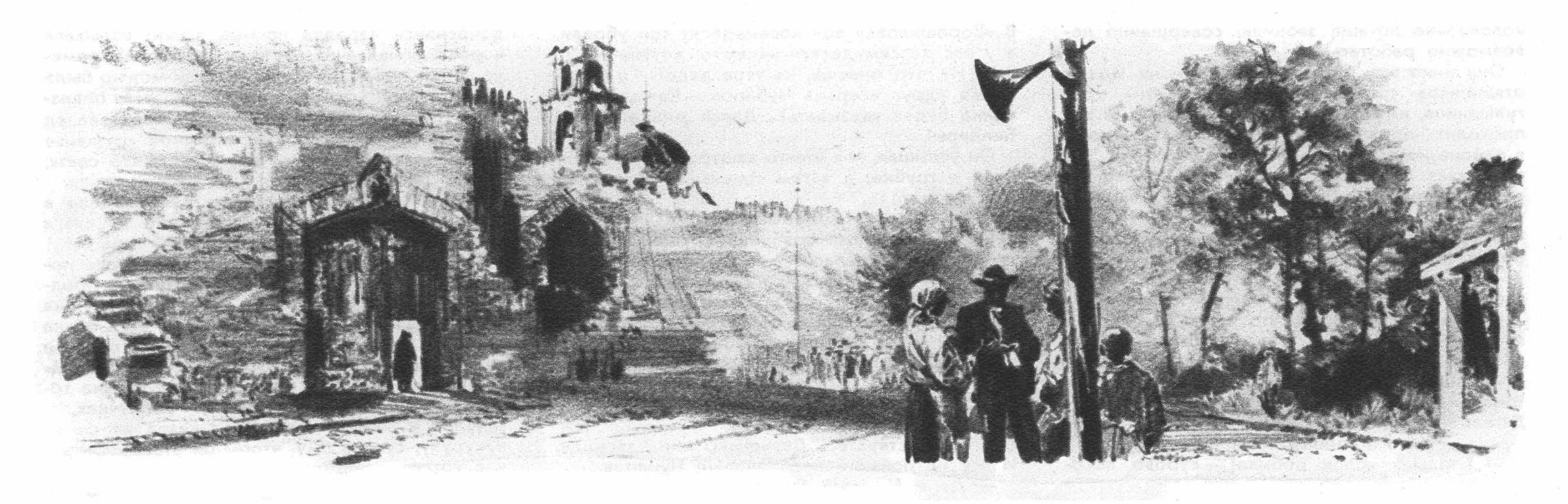
В роллерном цехе чаквинской чайной фабрики № 1 «Чай-Грузия». Здесь производится скручивание чайного листа.

На приемном пункте фабрики. Сдача собранного на плантациях совхоза чайного листа.

Фото Я. Халипа

Артистка Рахат Махкамова играет на рубоби. Таджикистан.
Фото И. Барамыкова

БРИГАДИР

Рассказ

И. МЕТТЕР

Рисунки В. Климашина

1

Женя приехала в Молдавию в сорок восьмом году. Мать умерла в войну, когда Жене было пять лет. Она прожила в детском доме до тех пор, пока отец, отвоевав, не вернулся домой, в Ленинградскую область; только через полгода ему удалось разыскать дочь.

Они жили под Лугой, отец заведовал районным отделением связи, или попросту почтой. Ему было тяжело жить в том доме, где когда-то вела хозяйство молодая жена, и он просил начальство перевести его в другое место, лучше всего куда-нибудь на юг: дочь прихварывала в ленинградском климате.

Его перевели в молдавское село Р.

Село было не маленькое, дворов на полтораста; крестьяне только второй год, как объединились в два колхоза: «Красный садовод» и «Ворошилов». Попадались здесь еще и единоличники, их всегда можно было узнать по заезженным клячам, впряженным в рассыпающиеся телеги, и по упрямому, насупившемуся лицу.

В центре села, на базарной площади, окруженной замшелой каменной стеной, стоял монастырь. Его колокольню было видать еще из Тирасполя, километров за пятнадцать. На воротах монастыря висела мраморная доска с надписью, рассказывающей, что он выстроен в 1909 году по высочайшей милости царя Николая II. От этой надписи сейчас стыдливо отворачивались даже пыльные монахи в пропотевших рясах. Были года три назад в этом монастыре и молодые послушники-сироты, но настоятель, скорбя, жаловался на текучесть: накануне пострига все отроки удрали в Кишинев, в ремесленные училища.

На этой же площади, в самом центре, против монастырских ворот висел на столбе репродуктор; он жил, как соловей. Даже столб, на котором он висел, был не столбом, а деревом: в селе Р. только год назад поставили телеграфные столбы, их вырубили в лесочке на берегу Днестра и врыли в землю; но то ли климат здесь был особенный, то ли земля благодатная,— столбы стали прорастать, появились в двух — трех местах тоненькие веточки, на них затрепетали робкие листья.

По воскресеньям над базаром в безоблачной молдавской выси происходил поединок между монастырем и репродуктором. Бой завязывался с самого утра, базар по многу раз переходил из рук в руки, и наконец монастырь сдавался, воздев свою беспомощную колокольню вверх.

На первый взгляд казалось, что все преимущества на стороне монастыря. Ему было много лет, у него был опыт старого хитреца и обманщика, он был красив, у него в этом селе были большие связи.

Начинали бой грохочущие колокола — орудия главного калибра. Перебивая и налезая друг на друга, они угрожающе и назойливо повторяли одно и то же.

И вдруг раздавался веселый человеческий голос:

— С добрым утром, товарищи!

С этого приветливого восклицания разгоралось неравное, жестокое сражение.

Село Р. не районный центр. Газеты приходят сюда во второй половине дня из Бендер и Тирасполя. Под столбом, на котором живет соловей-репродуктор, скапливаются люди. Гудят толстые колокола. Вступают в строй подголоски. Высокими, пронзительными голосами сплетниц они набрасываются на диктора. Люди переминаются с ноги на ногу, виновато-досадливо косясь на колокольню: виновато, ибо они не откликаются на ее зов, досадливо — звон мешает им слушать, что делается в стране и на земном шаре...

Вот в это-то село и переехала двенадцатилетняя Женя из Лужского района, Ленинградской области.

Она легко сходилась с людьми и быстро обжилась на новом месте. Ее новые друзья не выезжали дальше Тирасполя или Бендер, а Женя много раз бывала в Ленинграде и иногда злилась на себя за то, что не может достаточно ярко рассказать о жизни большого города. Она была самой старой пионеркой в своей новой школе. По дороге в Молдавию она проезжала Москву и стояла минут пятнадцать на Комсомольской площади, против станции метро; мимо проходили люди, проносились машины, одна за другой, в три ряда,— их было так много, что у Жени закружилась голова.

Жила она с отцом рядом с почтой. Несложное хозяйство Женя привыкла вести давно; готовила обед на два дня и кастрюли летом на ночь опускала на веревке в колодец, а зимой выносила в сени.

Узнав своего отца поздно, она полюбила его не только привычной любовью ребенка, но еще испытывала к нему благодарность за то, что он наконец нашелся. Он тоже встретился с ней уже тогда, когда у Жени был кое-какой жизненный опыт; все годы войны, тоскуя по семье, он представлял себе дочь тем беззаботным ребенком, с которым ему пришлось расстаться в июне сорок первого года. И отец и дочь старались вознаградить друг друга за долгие годы разлуки.

Они не произносили каких-нибудь особенно нежных слов, отношения у них были серьезные. Может быть, даже по своему положению в семье Женя была выше отца. От нее зависел быт, хозяйство, и отец слушался ее в домашних мелочах. Он отдавал дочери свою получку, оставляя себе только на папиросы. Иногда Женя подсовывала ему в карман еще какие-нибудь сэкономленные деньги; отец делал вид, что не замечает этого.

Когда у него изнашивались вещи, одежда или обувь, Женя шла с ним в сельпо и выбирала то, что было нужно ему и возможно по их средствам. Она заставляла его внимательно примерять туфли, щупала рукой, не жмет ли, и даже говорила:

— А теперь пройдись. Ну, как, хорошо? Удобно?

Иногда настойчиво просила его:

— Пожалуйста, не донашивай носки до таких дыр. Как немножко протерлось, снимай сразу, я заштопаю.

Зимой на почте легко справлялись со своей работой, а летом, в страдную пору, приходилось туго: появлялось в селе много приезжих, привозили из Бендер огромные брезентовые мешки с письмами, чаще верещал коммутатор,— рук не хватало.

Еще под Лугой Женя привыкла помогать отцу, и здесь, в Р., в свободное от занятий время она старалась выпросить для себя мелкие служебные поручения. Сортировать письма и стучать штемпелем по конвертам было не так уж интересно, а вот заменять телефонистку на коммутаторе Жене нравилось. Эта работа была ей по душе, и делала она ее, пожалуй, не хуже, чем настоящая телефонистка, которая одновременно принимала на почте переводы и посылки.

С полу ей было не достать до штепселей, и поэтому приходилось стоять на стуле, что сперва очень смущало ее, но потом она привыкла. Наушники и микрофон рассчитаны на взрослых: все было велико для жениной головы. Как она ни подгоняла ремешки, а приборы сползали на сторону.

Жители села постепенно привыкли видеть девочку на коммутаторе. Забегая на почту, они говорили ей те слова, которые и положено говорить телефонистке, когда надо срочно получить разговор.

Иногда около нее толпилось перед барьером несколько человек, и все наперебой просили разными голосами:

— Как там Бендеры: отвечают?

— Женя, будь человеком, дай мне срочно райпотребсоюз!

— Женечка, мы же вчера пармен начали снимать, мне же тара нужна!..

Бывало, что в это же время звонили из монастыря и бархатный голос настоятеля заполнял трубку:

— Не откажите в любезности соединить меня с кишиневским собором.

Маленькие руки летали по коммутатору, как воробьи. Правая вертит ручку индуктора, левая вставляет и вынимает штепсели. Женя работала с жаром. Волнение клиентов передается и ей.

— Бендеры!.. Бендеры!.. Да что ты, заснула?

— Райпотребсоюз, отвечайте «Красному садоводу»!..

— Кончили? Надо совесть иметь. У людей пармен начали снимать!

— Товарищ настоятель, сейчас даю Кишинев... Попросите, пожалуйста, чтоб у вас на

колокольне потише звонили, совершенно невозможно работать...

Она знает все, что делается в районе. Имена отличников урожая, фамилии лодырей, прогульщиков, цифры, проценты, планы — все это проходит через ее руки. Далеко не каждому в районе известно, что ей двенадцать лет. Это позволяет Жене разговаривать по телефону очень независимым тоном. Да и не только по телефону...

Бывает, что еще с порога человек слышит пронзительный женин голос:

— До каких пор вы будете задерживать сводки? Уже три раза из района звонили.

— Товарищ Чубаров, что ж у вас яблоки осыпаются? Неужели трудно было, как в «Ворошилове», подпорки поставить?

— Мы, Женечка, ставили,— извиняющимся тоном говорит рослый бритоголовый председатель «Красного садовода».— Ветер, понимаешь, ночью поднялся, их и осыпало.

— Столько яблок побило! — сурово выговаривает Женя.

— Так мы ж не нарочно...

— Теперь, небось, придется пускать все на компот?

— На компот, на варенье, на повидло,— вздыхает Чубаров.

Женя любит и компот, и варенье, и повидло, но она говорит:

— Безобразие какое!

2

В тот год урожай винограда и яблок был необыкновенно велик. Он спутал все планы уборки: яблоки поспевали раньше срока, поздние сорта наступали на ранние, да и самое количество фруктов ошеломляло людей. Казалось, что на деревьях нет листьев: настолько они были усеяны яблоками. Гнулись подпорки, некоторые стволы раскалывались пополам от тяжести ветвей.

Все чаще по утрам земля была усыпана «падалкой» — опавшими за ночь яблоками,— их не успевали собирать, они лежали поначалу свежие, желтые, краснобокие, золотистые, затем на них начинали появляться пятна гниения; в воздухе стоял густой, дурманящий запах.

В «Красном садоводе» работали с раннего утра до поздней ночи. Все, что положено было сдать государству, давно сдали, а деревья стояли, отяжелевшие от плодов, и казалось, не будет конца уборке.

Чубаров часто звонил из правления колхоза в район и передавал сводки. Каждый такой звонок давался ему с трудом: снова надо было сообщать, что артель не поспевает с уборкой.

Женя хорошо знала голоса своих абонентов и даже по голосу научилась распознавать их настроение. Уже дней десять подряд она слышала, как Чубаров глуховатым, осевшим голосом сообщает в Бендеры столбцы цифр. Однажды после очередного звонка она спросила:

— Кончили?

Слышно было, как Чубаров вздохнул в трубку, а потом ответил:

— Кончил.

— А вы не расстраивайтесь, дядя Петя.

Чубаров помолчал, потом спросил:

— В «Ворошилове» сколько убрали?

— Восемьдесят три процента.

— Ну вот видишь, а ты говоришь, не расстраиваться. Мы еще до семидесяти не дотянули.

— У вас же народу меньше,— попробовала успокоить его Женя.

— Старая песенка,— сварливо сказал Чубаров, словно не он был председателем колхоза, а Женя.

— Что же теперь делать? — спросила Женя.

— Главное, чтоб ветра не было... А ты, собственно, кто такая, чтоб у меня отчет спрашивать?

Женя не поняла, шутит он или говорит серьезно. Она обиделась:

— Я вам всегда Бендеры вне всякой очереди даю. Мне вас нисколько не жалко. Мне яблок жалко.

— Для тебя, племянница, на всю зиму хватит,— уныло пошутил Чубаров.— Приходи завтра в кладовую, я тебя угощу.

— Очень нужно! Как будто я для себя! В «Ворошилове» вон восемьдесят три убрали, а у вас до семидесяти никак не дотянут.

— Ну, это, знаешь, не твое дело! — рассердился вдруг всерьез Чубаров.— Каждая девчонка будет указывать!.. Давай мне еще раз Бендеры!

Он услышал, как что-то зашуршало и защелкало в трубке, а затем тоненький женин голос сказал:

— Бендеры!.. Бендеры!.. Тоня, дай первого секретаря райкома товарища Глущенко...

— Ты что делаешь? — испуганно спросил Чубаров.— Мне Глущенко не надо, мне исполком надо...

Но в трубке снова защелкало, и послышался далекий голос бендерской телефонистки:

— Товарищ Глущенко? Вас вызывает «Красный садовод».

— Привет, Николай Михайлович,— сразу вспотев, сказал Чубаров.

— Здравствуйте. Давненько не звонили. И все не поймать вас, товарищ Чубаров.

— Да я, Николай Михайлович, на месте не сижу. Бегать приходится высунув язык.

— А вы не высовывайте,— посоветовал Глущенко.— Без этого легче. Как у вас дела?

— Помаленьку движутся. С государством рассчитались...

— А посвежей сведения есть? — спросил секретарь.

Чубаров секунду помолчал, стискивая трубку в руке:

— Плохо дело, товарищ секретарь. Не управляемся с уборкой.

— Это я тоже слышал.

— Народу у нас маловато. А уродилось, сами знаете, сколько.

— Интересно,— сказал Глущенко.— Получается, товарищ Чубаров, что плохой урожай вам больше подходит, чем хороший?

Чубаров молчал. И вдруг вместо его хрипловатого голоса Глущенко услышал тоненький голосок телефонистки:

— Можно в воскресенье субботник устроить.

— Это кто предлагает? — спросил секретарь.

— Я предлагаю. С коммутатора. И не обязательно только в воскресенье. Сейчас вон какие длинные дни: можно двадцать раз успеть уроки сделать.

— Какие уроки? — не понял секретарь.

— Странно! — сказала Женя.— Какие бывают уроки? По арифметике, по письму, чтению...

— Николай Михайлович,— вмешался в разговор Чубаров.—Это почтаря дочка. Она у нас в школе учится.

— В каком классе?

— В будущем году перехожу в пятый,— быстро сказала Женя, боясь, что Чубаров ответит, что она сейчас учится в четвертом.— У них в «Красном садоводе» тары хватает: во второй бригаде тысячу двести ящиков позавчера под яблоки и груши привезли, а первая бригада может пока в ушатки складывать...

— А виноград как? — спросил Чубаров не то секретаря, не то Женю.

— Виноград может подождать,— ответила Женя.— Растрепу вы уже сняли, а европейские сорта могут повисеть.

— Что скажете, товарищ Чубаров? — спросил Глущенко.

— Цифры она говорит правильные,— ответил Чубаров. — А насчет винограда недопонимает. Европейские сорта должны всю зиму лежать, их надо снимать не совсем поспевшими...

— Я не об этом говорю,— перебил его секретарь.— Могут вам школьники реально помочь?

— Конечно, могут! — крикнула в трубку Женя.— Дядя Петя, у вас же вчера лимонный кальвиль извели на сухофрукты!

— Не трещи,— попросил ее Чубаров.— Без тебя знаем!

Он сказал секретарю, что сегодня же созовет правление артели, а Глущенко пообещал к вечеру приехать в село и зайти в школу.

3

Женя поднялась в этот день до света. Она долго ворочалась, поглядывая на окно — в то место, где должен был появиться просвет между занавеской и рамой. Оттуда, из окна, доносились изредка ночные звуки: вздыхала корова, привязанная на ночь во дворе; гремела цепью собака, и по звону цепи можно было легко догадаться, что собака чешется; повизгивал беспокойный поросенок, и сразу вслед за этим раздавалось укоризненное хрюканье свиньи: она как будто уговаривала его спать, он затихал, а потом снова начинал возиться.

Тихонько встав с постели, Женя надела в темноте платье задом наперед, но не стала переодеваться, чтоб не разбудить отца.

Она вышла на крыльцо и прежде всего посмотрела вверх. Луна висела в пустом предутреннем небе. Подбежала собака, и, чтоб она не гремела цепью, Женя отпустила ее. Собака не ушла, а села рядом и тоже посмотрела на луну, а потом зевнула во всю пасть. Беспокойный поросенок примчался, легонько стуча точеными ножками на высоких каблучках, и ткнулся в женину руку. Она взяла из сеней кукурузу, сунула ему, чтобы он отстал. Он начал грызть продолговатый початок, початок покатился по земле, а поросенок потрусил вслед за ним, повизгивая от жадности.

Женя тихонько засмеялась. «Каждый день буду так рано вставать»,— подумала она. Погладила корову, лежащую на земле, как огромный осколок скалы, и шепнула ей на ухо:

— С добрым утром, Тамарка.

Корова в ответ шумно выдула из ноздрей воздух.

Легкий предрассветный ветерок принес из-за дома запах сушеного чернослива; там, под навесом, стояли в ряд длинные, низкие печи, на которых круглые сутки сушилась слива.

Выйдя со двора, Женя обогнула дом и подошла к сушильне. На земле перед топками дремал в тулупе старик. Около него кучами сложены были толстые, корявые поленья.

— Дедушка,— сказала Женя.— Проснитесь. Дрова погасли.

— Тлеют,— ответил старик, не открывая глаз.— Слива на большом огне горит. Ты чего поднялась чуть свет, стрекоза?

— Я бригадир,— сказала Женя.

— Твоя бригада еще не родилась.

— Странно рассуждаете! — обиделась Женя.— Это потому, что вы еще молодой колхозник. Сколько вы классов кончили?

— Во второй ходил.

— А я в четвертом.

— Ишь, какая,— спокойно сказал старик и подложил сырое уродливое полено в тлеющие угли; оно тотчас же зашипело.— Захотела со мной образованием равняться!.. От горшка три вершка!.. Я сто лет, стрекоза, прожил!..

Она посмотрела на старика и попыталась представить себе, какой же он был молодым. Сто лет — это как расстояние до луны...

— За сто лет ни разу бригадиром не был,— пробормотал дед и задремал.

Вернувшись к себе во двор, Женя поплескалась у рукомойника, прибитого к дереву. На плеск воды прибежали утята; крылья у них еще не выросли, для скорости на бегу они взмахивали ими, как обрубками. Закричал петух и франтовато вышел из сарая. По его крику все преобразилось: над лесочком у Днестра посветлело небо, побледнела луна, она стала лишней, будто ее забыли потушить.

Оставив отцу в сенях завтрак, жуя на ходу, Женя побежала собирать свою бригаду. Густая пыль под босыми ногами была сверху приятно прохладная, остывшая за ночь, а поглубже — теплая.

От двора тропинка вела через кукурузное поле. Поспевшая кукуруза шелестела над жениной головой, бородатые початки тяжело висели на стеблях. Тропинка вытекла на дорогу, как ручеек в реку. Дорога шла вдоль небольшого, но густого и старого леса; там уже возились птицы, они запевали чистыми утренними голосами.

Сразу за лесом пошли дома; подле некоторых ворот стояли ребята, поджидая своего бригадира. У девочек были в руках узелки с завтраками, мальчишки беззаботно собрались на работу с пустыми руками.

Поспорили, какой дорогой идти: вдоль Днестра или садами.

— Через Днистро ближе,— сказал Коля Ситкин; у него от загара шелушились нос и кончики ушей, брови выгорели добела, а волосы были черные и всегда мокрые: он очень любил купаться в Днестре. И сейчас Коля предлагал идти дорогой, ведущей к реке: ему хо-

телось кинуться с какой-нибудь коряги в воду, да еще потом забросить у этой коряги донку на леща. Донка лежала смотанной в кармане штанов, а жирные черви в спичечной коробке за пазухой.

Спорили долго и ожесточенно, девочки говорили, что ближе идти садами.

— Давайте так,— предложил Коля,— девчонки пойдут садами, а мы на Днистро. Посмотрим, кто быстрее дойдет!

И он опасливо посмотрел на Женю, единственную девочку, которой побаивался.

— Бригада разбиваться не будет,— сказала Женя.— А если хочешь купаться, давай я тебя из колодца полью.

— При чем тут купаться? — ответил Коля.— Я хотел ближней дорогой...

В последнюю минуту прибежал Миша Новожилов с барабаном. Построились, поставив Мишу впереди. Он выбивал на барабане первые такты походного марша. Взошло солнце. Пошли садами, то скрываясь в тени фруктовых деревьев и наступая на солнечные блики, то появляясь на широкой дороге, освещенной во всю силу разгорающегося солнца.

Под высоким длинным навесом второй колхозной бригады были сложены штабели ящиков, остро пахнущих свежим деревом и ослепительно белых. Рядами стояли огромные плетеные ушатки в рост ребят. Тут же, с краю навеса, подле десятичных весов, стоял обыкновенный канцелярский стол, очень странно выглядевший в саду.

Все свободное пространство под навесом было завалено яблоками. Горы яблок разных сортов. От того, что их было так много, они даже не воспринимались как настоящие. Коля Ситкин подумал, что хорошо бы взобраться на одну из этих гор и съехать на заду вниз. Он тотчас беспокойно взглянул на Женю: не поняла ли она его мыслей — и сделал на всякий случай озабоченное лицо.

Чубаров, сидевший за столом — он считал что-то на счетах,— поднялся навстречу пришедшим ребятам.

— Мы первые? — спросила Женя.

— А вот и нет,— ответил Чубаров.— Старшие классы уже с час как работают.

— Все из-за тебя! — со злостью обернулась Женя к Коле Ситкину.— Обязательно тебе надо спорить!

— У вас кто будет старший? — улыбаясь, спросил Чубаров.

— Она,— указал пальцем на Женю барабанщик Миша.

— Товарищ председатель колхоза, бригада школьников в составе шестнадцати человек прибыла в ваше распоряжение,— с опозданием отрапортовала Женя.— Больше никогда в жизни Кольку к себе не возьму,— добавила она.— Из-за таких малявок одни неприятности.

— А ты его воспитывай,— засмеялся Чубаров.

— Дамся я ей! — проворчал Коля.— Дядя Петя, вы лучше сразу скажите при ней: можно нам яблоки есть или строго запрещается?

— Ешьте, но чтоб потом животы были в порядке.

— А план вы нам дадите? — спросила Женя, бросив на Колю Ситкина испепеляющий взгляд.

— Какой план?

— Ну, сколько убирать.

— План у вас будет такой,— сказал Чубаров, потрепав ее по плечу,— уберете, сколько сможете. Правление артели полагается на вашу колхозную совесть. Фрукты не швыряйте, осторожненько кладите, чтоб боя не было. Коня я вам пришлю, выделишь кучера, будет возить сюда на весы. Вопросы есть, товарищ начальник?

— Нету вопросов,—ответила Женя.—А старшеклассники тоже без плана? — подозрительно добавила она.

Но Чубаров уже сидел за письменным столом и что-то считал на счетах.

— Бригада, строиться! — скомандовала Женя.— Миша, давай марш на барабане.

— Я только начало знаю,— покраснев, сказал Миша.

— Давай начало.

На участке, выделенном председателем, Женя сказала, чтобы ребята обождали ее. Она быстро обежала участок, посчитала деревья. Вернувшись, приказала бригаде разобрать поровну приготовленные колхозниками ушатки и лестницы.

Для справедливости Женя выбрала себе огромное, развесистое дерево, на котором росли крымские яблочки — продолговатые, небольшие, краснощекие,— ими было гораздо труднее заполнить ушатку, чем, например, юнатаном или кальвилем.

С дерева сквозь ветви виден был Днестр. Прямо внизу, под высоким берегом, река сворачивала в сторону; здесь течение было причудливым: ближе к берегу вода неслась в одну сторону, подальше — в другую, а посередине вертелась на одном месте длинная щепка,— она никак не могла выплыть из водоворота. Перезревшее яблоко сорвалось из жениных рук, полетело вниз и, стукнувшись об обнаженный корень, покатилось-покатилось к обрыву; оно описало по воздуху дугу и шлепнулось в реку рядом со щепкой. Женя посмотрела, как яблоко вертится в водовороте, и подумала: «До каких же пор оно будет вертеться, кто его выручит?»

Отсюда, с дерева, весь мир выглядел иначе. Ближе были облака, далеко вправо и влево поблескивал Днестр; Тирасполь раскинулся у горизонта. Хотелось сидеть на толстом суку и смотреть, смотреть без конца.

Рассердившись на себя, она принялась рвать яблоки. Ручная корзинка заполнилась быстро, казалось, что яблок в ней целая куча, но когда

Женя высыпала их в бездонную ушатку, то они оскорбительно ничтожно выглядели в ней, даже не покрыв ее дна.

— Мамочки! — прошептала Женя.

Она мгновенно вскарабкалась на самый верх и принялась быстро, без всякого порядка, срывать яблоки. Ей показалось, что она уже давным-давно сидит на дереве, солнце высоко, ушатка пуста.

Она, может быть, заплакала бы, если бы не раздался вдруг неподалеку голос:

— Бригадир! Эй, кто тут бригадир?.. Принимай коня!

Соскользнув с дерева, Женя побежала на голос. В стороне под грушей стоял тот самый столетний старик, что разговаривал с ней на рассвете. Он и теперь был в тулупе и в бараньей шапке.

— А лошадь, дедушка, где? — спросила Женя.

— Скажи, пожалуйста, опять стрекоза! — удивился старик.— Откуда ты такая взялась?

— Дедушка, мне некогда! — нетерпеливо перебила его Женя.

— Ну, прямо начальник,— сказал дед.— И торопится и торопится!.. Иди, принимай коня.

Она пошла вслед за ним. Телега стояла на тропинке. Лошадь отмахивалась от слепней — хвост ее ходил, как маятник у ходиков. Один слепень сидел на хребте, его было не достать хвостом, по коже коня пробегала рябь. Старик снял слепня, раздавил его каменными пальцами, потом вытер их об полушубок.

— Распрячь умеешь? — спросил он.

— Умею. Я сейчас кучера назначу. Можете идти, дедушка.

Она повернулась, но дед остановил ее за руку:

— Постой. Как коня зовут, знаешь?

— Нет.

— А называешься бригадир. Как же ты с ним разговаривать будешь?

Не изменяя тона, он сказал:

— Коська, поди сюда.

Скрипнула телега, лошадь подошла к старику и положила свою длинную морду ему на плечо. Он почесал у нее за ухом, она сладко зажмурилась.

— Останешься, Коська, тут. Будешь яблоки возить во вторую бригаду. Эту девчонку слушайся, она тебя в полдень покормит.

— Дедушка,— засмеялась Женя,— он же не может понимать слова!

— Обязательно понимает,— сказал дед.— Это конь особенный.

Когда старик ушел, Женя, с уважением глядя на Коську, привязала его вожжами к дереву и побежала к своей яблоне.

Она хотела было посмотреть, как работают ее друзья, но решила, что до тех пор, пока сама не почувствует, что дело у нее идет на лад, она не имеет права командовать ребятами.

4

Наконец-то ушатка полна почти доверху! Огромная, развесистая яблоня изрядно обобрана. Как будто была елка, увешанная игрушками, а сейчас ее оголили.

Немножко болят ноги оттого, что приходится стоять на тонких ветвях... Ну и что ж, что болят!.. Вот, например, эти два яблока, которые висят, плотно прижатые друг к дружке, она сейчас сорвет и положит в корзинку... Они будут потом лежать в новом, беленьком ящике в соломе. Ящик погрузят в вагон. Свистнет паровоз, машинист помашет из окошка паровоза рукой. Лежат два яблочка, сорванные жениной рукой, а под ними грохочут колеса вагона. Поехали, поехали, поехали... На станциях выходит дежурный в красной шапке, дает отправление. Сидят телефонистки на вокзальном коммутаторе, втыкают штепсели, разъединяют, соединяют. «Поезд номер такой-то принимайте на первую платформу». Принимайте женины яблоки. Может быть, добежит вагон до Лужского района, в село Озерное. Женя даже улыбнулась от радости. Вот выгружают ящики, пришла машина из сельпо; дядя Костя, заведующий сельпо, в брезентовом плаще, бегает с накладной в руках: у него всегда в руках какие-нибудь бумажки, которые он называет накладными... Наконец-то яблочки добрались до полки в магазине. Клава, продавщица в толстом пуховом платке, повязанном крест-накрест на груди, перебирает фрукты большими красными руками. В сельпо много народу. Может быть, туда забежала после школы Катька, женина подружка, купить сто граммов конфет «дюшес»: без них ей трудно засесть за уроки на завтра. Ну и удивилась же она, увидев такие чудесные маленькие крымские яблочки!.. А может, и сама учительница Софья Петровна попросила взвесить полкило. Кушайте на здоровье, Софья Петровна,— это я, Женя Малыгина, сорвала для вас. Помните, вы поставили мне тройку за чтение в четверти, я тогда очень плакала у доски, но я на вас не обижаюсь...

Все!.. Кажется, не осталось на ветках ни одного. Теперь можно бежать к ребятам.

Прихрамывая на ходу — ноги затекли,— Женя заглянула в ушатки, стоящие под ближайшими деревьями. Ничего. Прилично. Правда, у них сорт юнатан, каждое яблоко раза в четыре больше крымского... Вот приятно будет рассказать отцу, как потрудилась на славу ее бригада! Пожалуй, можно собирать ребят на погрузку. Но вдруг Женя замерла: дерево, на котором должен был находиться Коля Ситкин, пустовало. Оно было похоже на недостриженную голову человека — в нескольких местах беспорядочно обобраны яблоки.

Женя даже охнула от возмущения. Она хорошо знала, где искать этого треклятого Кольку. Стоило влезть на дерево на самом берегу реки и раздвинуть ветви, как Колька сразу же нашелся: вон он сидит, согнувшись над водой, у поворота.

Она не стала искать тропинки с высокого сыпучего берега, а прямо скатилась вниз. От толчка — как она ни тормозила пятками о землю — они оба чуть не свалились в воду.

— Ой! — вскрикнул Коля.— Кого это принесло?

— Меня принесло,— сказала Женя, отряхиваясь.

— А я рыбу ловлю,— сообщил Коля.— Сейчас клюет здорово.

И он посмотрел очень осторожно, краешком глаза, на Женю.

— Покажи, что поймал,— попросила она.

Суетясь от радости и предвкушения возможного подвоха, он ухватился за колышек, вбитый у самой воды, и потащил за нитку — она была привязана к колышку под водой.

— Гляди. Во!

На нитке, пропущенной через жабры в рот, болталось десятка полтора бычков. Одна рыба побольше, плоская, как тарань, смотрела на Женю выпуклым глазом.

Женя с силой дернула нитку к себе, вырвала ее вместе с колышком и, размахнувшись так, что связка рыб шлепнула Колю по плечу, швырнула ее далеко в реку.

— Ты что? — прошептал Коля, и глаза его сузились от злого удивления.

Ни слова не говоря, она повернулась к нему спиной и полезла вверх, в гору. Ей казалось, что сейчас сзади раздастся сопенье Коли, он нагонит ее, ухватит за косички и потянет вниз. Нестерпимо хотелось оглянуться, чтобы предупредить нападение, но самолюбие не позволило ей сделать это.

Она услышала громкий всплеск воды позади себя, обернулась, держась за сухую траву, и увидела, как Коля прямо в штанах и рубахе плывет к тому месту, куда она швырнула его улов.

Теченье было быстрое, Колю сносило, он загребал руками изо всех сил.

— Вернись! — испуганно закричала Женя.— Сейчас же вернись!

Он медленно и упорно продвигался вперед.

Она сбежала вниз и начала снимать платье. В этот момент Коля посмотрел на берег, увидел ее, мечущуюся у воды, и крикнул:

— Имей в виду... полезешь в речку, я тебя спасать не буду!..

Он нахлебался воды, пока произносил эту длинную фразу, но, к счастью, был уже у цели.

Держа нитку в зубах, Коля плыл обратно. По дороге он схватил яблоко, вертевшееся вокруг длинной щепки, хотел прихватить и щепку на всякий случай, но побоялся, что с таким разнообразным грузом будет трудно плыть.

Чем ближе к берегу он подплывал, тем больше злилась Женя. И когда Коля, отфыркиваясь, промокший до нитки, вылез из воды, Женя надела свое платье и снова полезла в гору.

Теперь он пыхтел неподалеку сзади и бормотал, поспевая за ней:

— Хозяйка какая нашлась!.. Восемнадцать бычков швыряет!.. Что я, для себя ловлю, что ли?.. Я хотел нашей бригаде ухи наварить... Знаешь, как сейчас клевало? Может, раз в жизни так берет!

Она не отвечала. Он хотел, чтобы она сказала хоть одно слово, к которому можно было бы прицепиться, спорить, доказывать, не сдаваться...

И только когда они взобрались на высокий берег, Женя сказала:

— Сейчас погрузим ушатки, повезешь на весы во вторую бригаду.

Он радостно улыбнулся, но встретил холодный, яростный взгляд Жени.

— Рыбак! Малявка! — прошептала она.— Прогульщик на мою голову!..

— Я же хотел как лучше,— сказал Коля.— Я думал, костер разведем, уху сварим, песни будем играть...

Они подошли к ребятам, стоящим около лошади. У Коли был жалкий вид в прилипшей к телу одежде. Он готов был провалиться сквозь землю и подумал, что если Женя начнет сейчас при всех попрекать его, то он еще не знает, что именно сделает, но сделает что-нибудь оглушительное.

— Давайте грузиться,— коротко сказала Женя.

— А кто повезет? — спросил Миша.

— Он повезет,— ответила она, кивнув на Колю.— Обсохнул бы ты поскорей,— добавила она брезгливым тоном.

Лошадь повели под уздцы к ближайшей ушатке. Двое колхозников пришли помочь ребятам. Огромную корзину облепили со всех сторон. Она поддавалась с трудом. Тогда Коля взобрался на телегу и стал приговаривать:

— Раз, два — взяли! Да, два — дружно! Раз, два — еще раз!

Наконец-то корзина взобралась на телегу. Кто-то захлопал в ладоши и закричал: «Ура!»

— Не в театре,— сказала Женя.— Поехали дальше.

Повели коня к следующему дереву. Вторую ушатку погрузили уже быстрее. Теперь приговаривали «Раз, два — взяли!» хором, нараспев.

Когда на телеге установили вплотную шесть ушаток, Женя дала Коле вожжи и сказала:

— Трогай.

Потом погладила коня по морде и попросила его:

— Вези осторожней, Коська.

Телега выехала на дорогу. Справа и слева тянулись сады «Красного садовода». Коля шел рядом с телегой, весело посвистывая. Он хотел бы, чтобы ему сейчас повстречалось как можно больше знакомых людей.

К ремешку у него была привязана нитка с бычками; на солнце они немножко усохли. Придется их отмачивать, прежде чем чистить. Конечно, он зря удрал на реку, и, наверное, ему еще влетит: эта Женька никому ничего не спустит,— но зато нынче каждый может увидеть, как он везет сдавать урожай во вторую бригаду. Жаль только, дорога пустынная, никто не попадается навстречу.

Коля запел во все горло. До полдороги слов хватило, а потом он просто тянул разные мотивы, неизвестно откуда появляющиеся в душе. Проезжал он мимо участка, на котором работали старшеклассники. Увидев хлопцев и девушек, собирающих фрукты на деревьях у дороги, Коля остановил лошадь и стал поправлять хомут, который и так был в исправности. Потом взобрался на телегу, свистнул в два пальца, хлопнул вожжами Коську по бокам и заорал:

— Н-но, милая!.. Н-но, хорошая!.. Давай, давай, давай!..

И ему показалось, что он вихрем понесся по дороге...

Трижды в этот день он возил яблоки в бригаду. В последний рейс за груженой телегой пошли все ребята. Шли уставшие, загребая ногами пыль. Когда вдалеке с пригорка показался навес, Женя посмотрела на растянувшуюся цепочку своих друзей. Никто не подал команды строиться, но Миша Новожилов ударил вдруг в барабан. Шагая в ногу, забыв усталость, они пошли впереди телеги...

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Письмо из Финляндии

Перед зданием финского сейма в столице Финляндии под лучами июльского солнца цветут пять больших переплетенных колец. Такие же разноцветные кольца — эмблема олимпийских игр — изображены на белых флагах, развевающихся над улицами города, на флагштоках морских вокзалов, у олимпийских поселков для спортсменов.

Финский бегун с горящим факелом, зажженным у подножья Олимпа и пронесенным через ряд стран, поднимается на высокую башню центрального стадиона Хельсинки.

Из Греции олимпийский огонь был перевезен на самолете в Данию. Затем его пронесли через свои страны спортсмены Швеции и Финляндии.

Перед тем как факел прибыл в Финляндию, финские спортсмены с помощью специального зеркала, лучами полуночного солнца Лапландии, зажгли другой факел. Затем огонь обоих факелов был соединен в городке Торнио.

Подготовка к олимпийским играм, начатая давно, особенно усилилась за последние месяцы. Она была в центре внимания почти всей нации. Маленькой Финляндии поручена почетная и ответственная задача — действовать в качестве хозяина игр, которые исторически по своим идеям должны служить делу мира и дружбы между народами. Во многих странах миллионы людей выразили горячее пожелание, чтобы олимпийские игры 1952 года стали играми мира и служили сближению и дружбе молодежи всех стран. К этому пожеланию присоединили свои голоса спортсмены Советского Союза.

Всего в Хельсинкской олимпиаде 1952 года участвует 70 стран, пославших на игры около семи тысяч спортсменов. Участники олимпиады начали прибывать уже в начале июля.

Задолго до открытия олимпиады финская общественность провела подготовительную работу. Надстроен центральный стадион. Он теперь может вместить до 60 тысяч зрителей. Выстроен водный стадион с бассейнами для плавания и прыжков. На берегу южной гавани закончены новый морской павильон и большая гостиница.

Недалеко от стадиона находится новый олимпийский поселок. Там живут участники соревнований. Советские спортсмены и спортсмены стран народной демократии размещены в студенческом городке, в живописной местности Отаниеми, на берегу залива, в десяти километрах от центра Хельсинки.

Олимпийская делегация спортсменов Советского Союза — одна из крупнейших. Для нее отведены три корпуса.

Спортсмены ознакомились с городом, павильоном, местами предстоящих соревнований. День занят тренировками.

Оживленно на тренировочном поле, расположенном в Отаниеми, в гимнастическом зале, где занимаются фехтовальщики, борцы, гимнасты, штангисты. Вечерами из городка Отаниеми по заливу далеко разносятся русские, венгерские, польские песни о родине, о мире.

Помимо нескольких тысяч участников соревнований, в Хельсинки ожидается до 200 тысяч отечественных и иностранных туристов. Финские гости рассчитывают на гостеприимство своих знакомых и на палаточные городки, где ночевка будет стоить недорого. Многие питаются за столами, расположенными просто на улицах. Рестораны для простого люда не по карману.

Как водится, вокруг олимпиады развернут немалый бизнес. Хорошие места малодоступны для широких слоев трудящихся. За билет на соревнования надо заплатить двух- или трехдневный заработок.

В магазинах рекламируются для олимпийцев галстуки, туфли, медали, серебряные монеты, значки, всевозможные сувениры, от спичечных коробок до финских ножей. Некоторые организации постарались отметить подготовку к приезду иностранных туристов и таким «мероприятием», как открытие выставки военных музеев, посвященной истории финской армии. Сооружено также несколько зрелищных предприятий с атракционами в американском стиле.

К открытию олимпиады в Хельсинки прибыло несколько сот журналистов, представителей газет, радиокорпораций. Вошел в строй новый кабель — «Хельсинки — Стокгольм».

В день олимпиады в городах Финляндии будет выступать советский ансамбль народных танцев под руководством Игоря Моисеева. Из Чехословакии прибыл хор имени Фучика, из Румынии — народный танцевальный ансамбль.

Население финской столицы радушно встречает открытие олимпиады. Однако оно испытало некоторое беспокойство по поводу угрожающего наплыва автомобилей из-за границы. В Хельсинки и на дорогах страны уже сейчас происходит немало аварий.

В программу олимпийских соревнований, как известно, входят легкая атлетика, гимнастика, футбол, плавание, стрельба, гребля, велосипед, фехтование, парусный спорт, конный спорт, борьба, тяжелая атлетика, баскетбол, водное поло.

Советский Союз участвует во всех этих видах спорта.

По числу стран и количеству спортсменов Хельсинкская олимпиада обещает быть одной из самых крупных в истории олимпийских игр.

Участие в XV олимпиаде спортсменов Советского Союза вызвало в Финляндии большой интерес и широко комментируется.

Дружеская связь советских и финских спортсменов закреплена за последние годы рядом интересных товарищеских встреч.

* * *

В городке Отаниеми состоялся торжественный подъем флагов. На солнечной площадке выстроились спортсмены Советского Союза и стран народной демократии. На церемонии открытия городка присутствовали посланник Советского Союза в Финляндии В. З. Лебедев, главы миссий стран народной демократии, многочисленные гости.

Под звуки фанфар на высоких мачтах поднимаются флаг Финляндии и олимпийский флаг с пятью кольцами.

Торжественно звучат над городком звуки Государственного Гимна Советского Союза. Плавно поднимается флаг СССР.

Председатель финского организационного олимпийского комитета фон Френкель приветствует спортсменов СССР и стран народной демократии.

Руководитель советской делегации Н. Н. Романов благодарит за дружеский прием и, обращаясь к спортсменам, говорит:

— Нас всех объединяет благородная идея борьбы за мир и счастье всех народов. Олимпийские игры будут способствовать установлению дружбы и взаимопониманию между спортсменами различных стран, явятся вкладом в дело борьбы за мир во всем мире.

Присутствующие встречают эти слова аплодисментами.

Один за другим взвиваются флаги стран народной демократии: Венгрии, Польши, Болгарии, Румынии, Чехословакии.

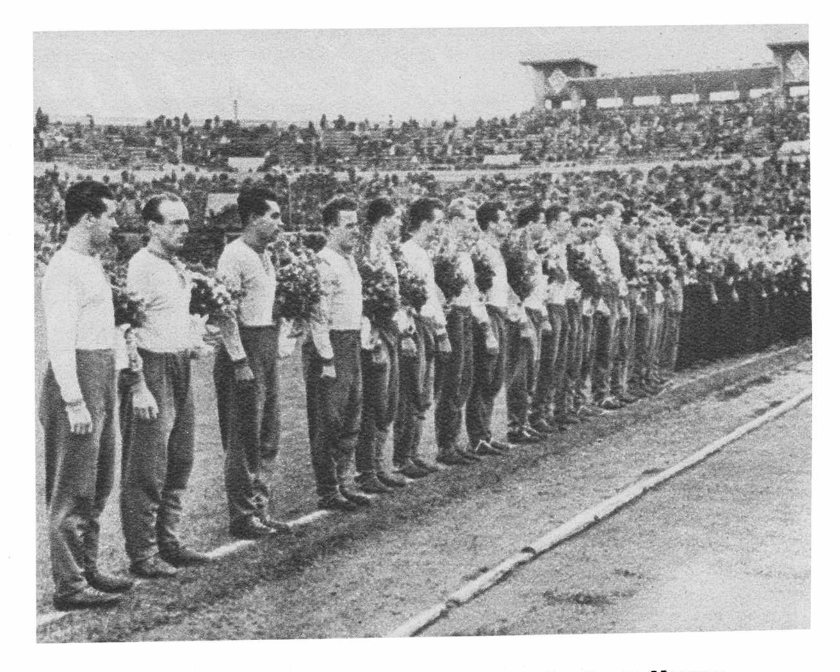
В своих выступлениях руководители спортивных делегаций этих стран высказывают уверенность, что соревнования в Хельсинки послужат укреплению дела мира и дружбы народов.

Присутствующие на церемонии провозглашают троекратную здравицу в честь спортсменов вновь открытого олимпийского городка.

На фасаде главного корпуса советской делегации сияет золотом большой государственный герб Союза ССР. Под гербом известная картина «Утро нашей Родины».

Большой и дружный отряд спортсменов олимпийского городка в Отаниеми готов к состязанию.

Н. ДЕДКОВ

Сборная команда Чехословакии, выступавшая в Москве.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВСТРЕЧИ

Чехословацкие футболисты в Москве и Ленинграде

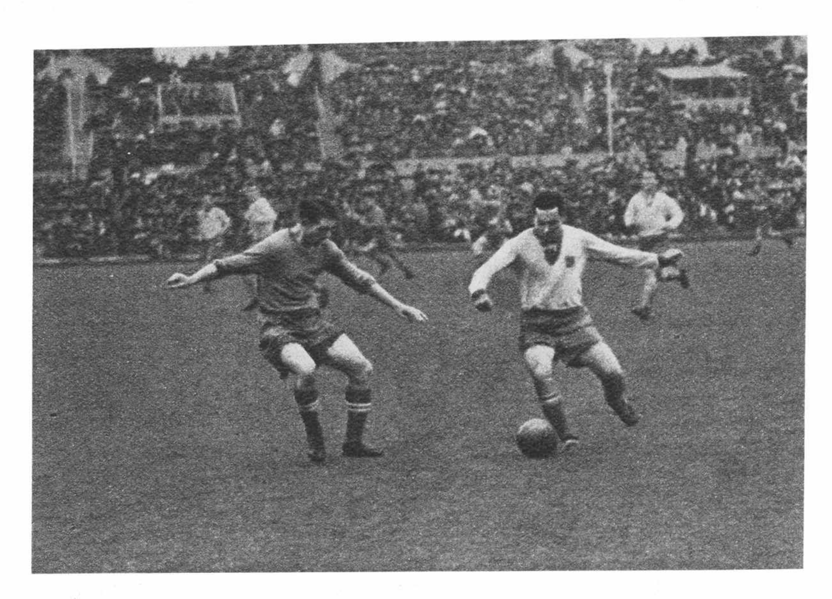
Чехословацкие футболисты имеют хорошую репутацию. Они много раз выходили победителями в ответственных международных состязаниях с командами почти всех стран Европы.

Их встреча с футболистами Центрального Дома Советской Армии в Москве представляла большой спортивный интерес. Однако двухдневный дождь в значительной степени испортил поле и затруднил игру. Ни той, ни другой команде не удалось в полной мере проявить свои возможности. Исполнение технических приемов было затруднено скользким грунтом и тяжелым мячом. Изменилась и тактика игры. В частности, сильные, длинные передачи, которые обычно позволяли эффективно приближаться к чужим воротам, не удавались на мокром поле. Пришлось их заменить короткими передачами. Тем не менее первая половина встречи прошла живо — обе команды попеременно вели наступательные действия и вынуждали защитников действовать с крайним напряжением. К перерыву счет открыт не был. В начале второй половины состязания Якубчик (Чехословакия) сумел метко пробить штрафной удар, и мяч, пролетев над «живой стеной», угодил в самый угол ворот. Вскоре Бобров сквитал мяч, а затем армейцы забили второй гол, который и решил исход встречи. Чехословацкие футболисты оставили хорошее впечатление. Несмотря на тяжелые условия игры, они показали взаимодействие всех линий, уверенные действия в защите, разнообразные приемы. Среди нападающих лучшее впечатление оставили Гловачек и Плускал.

* * *

В минувшее воскресенье на ленинградском стадионе имени Кирова местные динамовцы принимали сборную команду Чехословакии.

Больше ста тысяч зрителей заполнили трибуны стадиона. Чехословацкие футболисты выступали в том же составе, что и в Москве. Команда ленинградского «Динамо» состояла в основном из молодежи. На первых же минутах встречи гости открыли счет. Это сделал Влк. В дальнейшем игра протекала с переменным успехом, и за минуту до перерыва динамовец Фомин сквитал счет. После отдыха чехословацкая команда полностью завладела инициативой. Сначала Гловачек, затем Плускал и Влк доводят счет до 5 : 1. Отлично игравший Гловачек много раз прорывался к воротам и создавал опасные моменты. Со счетом 6 : 1 в пользу чехословацких футболистов закончилось это состязание.

Момент состязания ЦДСА — Чехословакия.
Фото Л. Доренского и А. Батанова (ТАСС)

В глубинах кристалла

И. ДОНСКАЯ, С. ИКОННИКОВА

Взгляните на друзу (гнездо) горного хрусталя: что прозрачнее и чище правильных, причудливо разбросанных шестигранных столбиков с островерхими призмами?! Одни кристаллы высокие и массивные, другие — тонкие и помельче, похожие на иглы,— стелются внизу.

Вот алмазы, сверкающие, как капельки росы. Что может быть прекраснее и крепче их? Венчая коронку бура, они вгрызаются в толщи горных пород, которые отступают под их сокрушающим напором и метр за метром раскрывают свои богатства.

Кажется, что искусные и старательные руки создали столь совершенные камни. Долго кристаллы оставались загадкой. Радуя глаз четкостью граней, яркостью красок, они вызывали чувство восхищения. Древние греки считали их окаменевшим льдом, приписывали им волшебные свойства.

С помощью математических вычислений и рентгеновских лучей ученые проникли в оберегаемые природой глубины кристалла и увидели, что скрывается за зеркальной поверхностью. Кристаллы сложены из мельчайших частиц — атомов. Заряженные положительно или отрицательно, они называются ионами. На одном сантиметре ребра кристалла располагается от 30 до 50 миллионов ионов. Это очень сложная постройка, подчиненная строгим законам внутренней взаимосвязи.

Присмотритесь внимательно к обоям. Как бы замысловат и запутан ни был их узор, он всегда повторяет какой-то определенный рисунок, будь то роза или лист, виньетка или дракон. Именно с обоями сравнил внутреннее строение кристаллов основатель современной кристаллографии Е. С. Федоров. Они также складываются из отдельных элементарных ячеек.

Сделаем объемную модель такой ячейки из разноцветных бусинок — ионов. Если собрать из них весь кристалл, то можно заметить, что пестрый узор складывается по определенной схеме. Попробуем бусинки одного цвета соединить между собой. Образуются то квадратики, то шестиугольники, то иные геометрические фигуры, которые тянутся по всем направлениям кристалла, пронизывая его словно невидимым каркасом или решеткой. Она-то и определяет структуру кристалла.

Значит, важно не только, из чего, но и как построен кристалл, как связаны между собой ионы элементов. Например, серый мягкий графит и искрящийся алмаз состоят из углерода. Взглянув, однако, на них никто не скажет, что они кровные родственники. Различное внутреннее расположение атомов делает их такими непохожими.

Человека всюду окружают кристаллы. Они распространены на земле, под землей и даже высоко в небе: легкие белые облака, плывущие в синеве,— это скопление мельчайших снежинок. Кора земного шара на много километров вглубь состоит в основном из кислорода, кремния и алюминия. Но невозможно отыскать залежи чистого кремния или легкого серебристого алюминия. Они освобождаются от своего вечного спутника — кислорода — только в лаборатории или на заводах.

В природе окиси этих элементов образуют кремнезем и глинозем, а в сочетании с металлами дают множество химических соединений — силикатов и алюмосиликатов. Розовые, серые граниты, красные, зеленые глины, прозрачные полевые шпаты, черные базальты, желтоватые пески, самоцветы всех красок и оттенков — вот самые распространенные соединения. Все они встречаются в форме кристаллов: крупные и яркие самоцветы, мелкие, едва различимые зернышки гранита, видимые лишь в сильнейшие микроскопы, чешуйки глины. Они создают грандиозный мир камня.

Некоторые силикаты и алюмосиликаты содержат до семидесяти элементов — огромное большинство всех известных нам веществ. До недавнего времени эти минералы стояли неприступными бастионами на пути к познанию природы: очень крепкие, прочные, они не растворяются в воде, не боятся высоких температур. Химики могли дать только перечень элементов, составляющих эти минералы. Но внутренняя структура ускользала от исследователей.

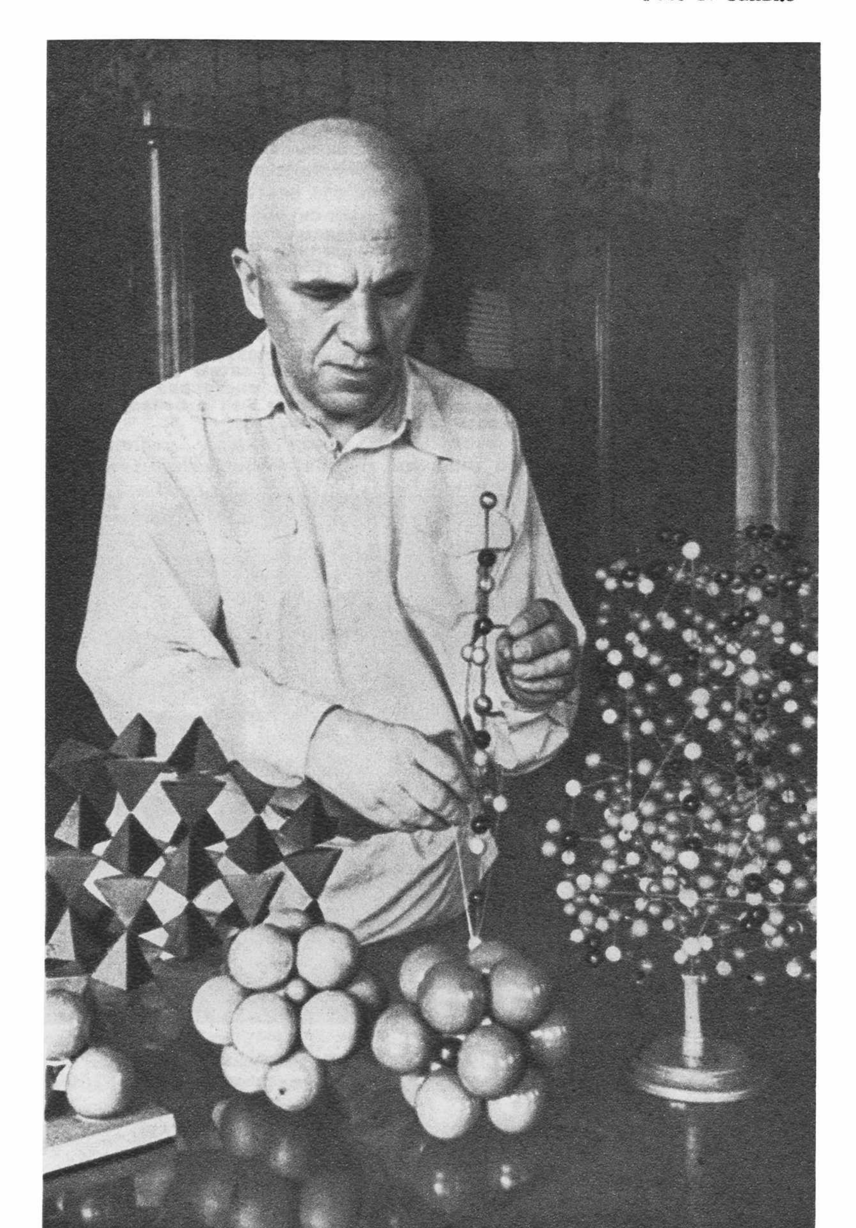
Оставалось неясным: почему кристаллы обладают теми или иными химическими, физическими и электрическими свойствами? Как рациональнее использовать огромное количество силикатов и алюмосиликатов, которые идут на строительство, служат исходным сырьем в различных отраслях промышленности? Нельзя ли воздействовать на эти материалы подобно тому, как уже сотни лет воздействуют на сплавы железа с углеродом? Нельзя ли, зная строение силикатов, разгадать скрытое образование и размещение минералов?

Член-корреспондент Академии наук СССР Николай Васильевич Белов упорно стремился проникнуть в тайну структуры силикатов. Его настойчивые исследования привели к цели.

Компасом послужили рентгеновские снимки. Однако они не передают очертаний и внешнего вида кристалла, как это получается на фотографии, а оставляют на пленке пятнышки различной яркости — следы рассеянных атомами рентгеновских лучей. По ним определяют, к какой из 230 групп кристаллических систем, теоретически выведенных Е. С. Федоровым, относится просвеченный кристалл, и устанавливается тип его решетки. Лишь с помощью математических вычислений удается заполнить ее реальным содержанием и разместить всю армию атомов, из которых построен кристалл. Такой «математический» микроскоп позволяет заглянуть в самые глубины кристалла, рассмотреть его структуру и объяснить роль каждого его элемента.

В лаборатории Н. В. Белова поражает множество шариков различных размеров и цветов, сло-

Николай Васильевич Белов конструирует новую модель кристалла.
Фото Г. Санько

женных в какие-то запутанные фигуры. Это схемы кристаллов. Вот большие красные шары, уложенные плотно друг к другу в несколько рядов,— это отрицательные ионы кислорода, серы, фтора... Они располагаются всегда по принципу плотнейшей упаковки, который ученый возвел в закон для всех кристаллических систем. Ссыпанные в стакан дробинки, пирамидка на зеленом сукне бильярда, тяжелая, зрелая виноградная гроздь — вот наглядные примеры такой упаковки.

Все бесчисленные возможности размещения шаров по этому принципу сведены Н. В. Беловым к нескольким основным формам. Но как бы плотно ни располагались красные шары, между ними всегда остаются пустоты. Одни из них заселяются маленькими зелеными шариками — положительными ионами одного элемента, другие — другого, и, наконец, третьи остаются незаполненными.

Порой этих элементов так мало, что прежде их присутствие считалось просто случайным, объяснялось неточностью анализа. На самом деле это не случайность. Так, ничтожные следы хрома окрашивают обыкновенный невзрачный глинозем в яркокрасный, сверкающий рубин. Глубокий синий сапфир, теплый желтый топаз, зеленый холодный изумруд — все они обязаны чистотой своих красок и блеском мельчайшим примесям тех или иных элементов.

Н. В. Белов раскрыл структуру турмалина, образующего то черные, как уголь, то красные, то зеленые, то фиолетовые кристаллы. Уточнена структура берилла, кристаллы которого бывают и темнозелеными и солнечно-желтыми.

Мысленно странствуя в глубинах кристаллов, советский ученый обнаружил одинаковые группы связанных между собой элементов. Подобно нитке в материи, независимо от ее сорта и расцветки, эти группы, названные радикалами, появлялись как основа совершенно различных минералов. Так учение о структуре силикатов обогатилось еще одним положением.

Н. В. Белов, удостоенный Сталинской премии первой степени, проложил рациональный путь к познанию и изучению кристаллов, дал те вехи, по которым наука безошибочно может идти все дальше к покорению природы.

Бетоны и цементы грандиозных плотин гидроэлектростанций, железобетонные каркасы высотных зданий, мощные изоляторы на мачтах высоковольтных электропередач, хрусталь сверкающих люстр, стекла домов и еще великое множество полезных, необходимых изделий и сооружений создано человеком из силикатов. Зная внутреннее строение этих веществ, можно вторгаться в них и придавать изделиям еще более ценные качества.

Исследования Н. В. Белова открывают новые горизонты перед целым рядом наук. Человек уже умеет выращивать искусственные кристаллы, например, рубины и сапфиры, значительно более прочные, чем их создала природа. Законы, найденные Николаем Васильевичем Беловым, помогут в будущем расширить ассортимент искусственных кристаллов. И может быть, недалек день, когда алмаз будет заменен еще более совершенным, сделанным в лаборатории кристаллом.

Вардзиа

Фото С. Короткова

В шестнадцати километрах от города Ахалцихе дорога выходит из узкого ущелья. Чудесные картины возникают перед глазами: крутые склоны гор, покрытые растениями, будто усыпаны гигантскими каменными градинами. Это следы обвалов. Земля здесь все еще продолжает благоустраиваться. Остроконечные конусы, лавовые плато, одетые снегом хребты... Среди этих причудливых нагромождений силуэты развалин старинных крепостей. Слева открывается вид на широкую пашню и окаймленное тополями село Руставели, где, по преданию, родился великий грузинский поэт Шота Руставели.

Это Месхети, одна из культурных провинций древней Грузии. На широкой пирамидальной скале стоит хорошо сохранившаяся крепость Хертвиси. С двух сторон ее омывают пенистые воды Куры и Парвнис-цкали. Четыре башни гордо возвышаются над крепостной стеной. Народ сложил легенду о строителях, возводивших эти башни, — о мастере и его ученике. Юноша превзошел своего учителя, и царица Тамара решила щедро одарить его. Тогда завистливый мастер убрал лестницу; попытался юноша спуститься на крыльях из досок и погиб.

Вот на высоком утесе у изгиба Куры развалины крепости Тмогви — неприступной твердыни, где ни разу не ступала вражеская нога. Турки прозвали ее «Чертовой крепостью». У села Аспиндза остатки устоев большого каменного моста. Здесь царь Ираклий, выступивший в русско-турецкой войне 1768—1774 годов, вместе с Россией, наголову разбил многотысячное турецкое войско. Говорят, что в этот день Кура стала кровавой и вышла из своих берегов, а герой Аспиндзы потерял лишь десяток своих бойцов.

Самое интересное в Месхети — это Вардзиа — неповторимый, единственный в мире памятник архитектуры. Имена его строителей не сохранились. Известно только, что сооружение было закончено в XII веке, при царице Тамаре.

Вардзиа — это почти отвесный срез высокой конусообразной горы, и в этом срезе, в желтоватом, среднем его пласте, точно пчелиные соты, чернеют отверстия пещер. Они высечены в скале из мягкого туфа. Все сделано вручную — киркой и лопатой.

Попасть в пещеры можно сверху по веревке, спущенной с обрыва. Снизу ведет единственная тропа к маленькой железной двери. Она открывается большим ключом, тяжело, со скрипом, и вы вступаете в пещерное сооружение.

Вардзиа возникла в эпоху грузинского средневековья. Это была огромная монашеская обитель, с храмом, маленькими церквами, водопроводом, жилыми и подсобными помещениями. Они располагались над обрывом шестью — семью ярусами на протяжении семисот метров. Это была и естественная крепость, способная выдержать длительную осаду врага.

Центр монастыря — подземный храм. От него, вверху и внизу, чуть выступающими ярусами высечены в скале комнаты-кельи, большие залы, трапезная, конюшня, погреба и другие служебные помещения. Все они большие и просторные, со сводчатыми потолками. Среди них есть и «келья Тамары» — это лучшая, тщательно вытесанная пещера.

Неподалеку от храма начинается тоннель, ведущий в глубь скалы, — единственное сырое место в Вардзиа. В тоннеле родник с глубоким бассейном, наполненным отличной питьевой водой, уровень которой никогда не повышается. Очевидно, на определенной высоте в стенах бассейна находится водопроницаемый слой.

Мысленно можно воссоздать, чем была Вардзиа, представить себе, как жили там люди много веков назад. В памяти возникают строки из бессмертного «Витязя в тигровой шкуре»:

Пронеслась их жизнь, как будто сновидение ночное,
Претерпели страсти мира и времен коварство злое,
Кто б назвать решился вечной жизнь, мгновение земное?
Мне ли, месху Руставели, мерить рифмой зло такое?

Веками Вардзиа была в запустении. Засыпаны почти все ее 1 500 комнат. Сейчас пришли сюда советские ученые. Они изучают памятник. Очищено от завалов уже 615 комнат. Это большая, кропотливая работа.

Вардзиа — музей-заповедник. Художники-реставраторы восстанавливают фрески главного храма. Недавно на стене храма они обнаружили почти совсем стертую надпись. Приглашенная из Тбилиси заведующая химико-реставрационной лабораторией музея Грузии кандидат химических наук Русудана Бахтадзе обмывала каждую букву специальными растворами. Надпись оказалась принадлежащей картлийскому эристави (воеводе) Рати, современнику царицы Тамары. Он сообщал, что «поусердствовал и украсил святой сей храм» и «взамен ходатайствует» о всяческих благах земных.

В Вардзиа есть Дом туриста. Сюда ежегодно приезжают тысячи людей: ученые, туристы, отдыхающие из окрестных санаториев. У подножия горы скоро будет разбит большой парк, а к самим пещерам проложена удобная дорога.

Академия наук Грузинской ССР охраняет, изучает Вардзиа, знакомит советских людей с этим великолепным произведением средневекового зодчества.

И. МЕСХИ

О РОДИНЕ И НАРОДЕ

А. М. ГЕРАСИМОВ,
народный художник СССР

«Нельзя отделять искусство от любви к родине; кто поступает так, тот лишь наполовину служит родине... Искусство сейчас для нас является своего рода оружием» — эти слова гениального польского художника Яна Матейко могут служить эпиграфом ко всей выставке польского изобразительного искусства, состоявшейся недавно в Москве. Горячая любовь к родине, стремление быть полезными родному народу, бороться своим творчеством за его счастье — вот те черты, которые определяют представленные произведения.

Золотой фонд национального художественного наследия — работы великих мастеров-реалистов XIX века и произведения, свидетельствующие о правильных начинаниях художников свободной страны,— выделила Польская республика для показа в Москве. Большинство картин впервые выставляется в Советском Союзе, а некоторые вообще впервые представлены на выставках. Достаточно сказать, что огромное полотно Матейко «Коперник», рисующее великого ученого за приборами в момент открытия им его теории, первый раз снято со стены Краковского университета, где оно висело с момента своего написания. Любовно и тщательно подобранные произведения дают возможность подробно прочесть интереснейшую историю польского искусства.

Одно из центральных мест на выставке заняла картина Матейко «Проповедь Скарги». Художник изобразил на ней выступление проповедника с гневным обличением польского магнатства, безразличного к жизненным интересам своей страны. В 1873 году Репин приехал на Всемирную художественную выставку, где экспонировались его «Бурлаки». Здесь же были выставлены полотна Яна Матейко и среди них «Проповедь Скарги». Гневный протест, звучавший в этих произведениях, горячее патриотическое чувство, высокое мастерство произвели на Репина исключительное впечатление. «Сильное впечатление, потрясающее вынес я от картин Матейко... такая драма! такая сила!» — пишет он в те годы.

Оценка Репина была вызвана не мимолетным и скоропреходящим впечатлением. Двадцать лет спустя после венской выставки он едет в Краков со специальной целью — познакомиться с любимым мастером и написать его портрет. Этой мечте не удалось осуществиться: за несколько дней до приезда Репина Матейко умер, и великий русский художник проводил в последний путь своего польского собрата.

Легко понять Репина, находясь в зале Матейко на московской выставке. Величественная, исполненная драматизма «Проповедь Скарги», превосходные, с большой энергией написанные портреты, интересное по своему замыслу полотно «Приговор Матейке», на котором художник изобразил, как бы хотели расправиться с ним ненавидевшие его творчество магнаты, ярко и всесторонне характеризуют его талант.

Годы жизни Матейко были годами высокого подъема демократии и национально-освободительного движения в Польше. Вооруженные выступления польских патриотов в 1846—1848 годах, последующее, приобретшее исключительно широкий размах восстание 1863 года — в этой напряженной политической обстановке складывается прогрессивное по своим идейным установкам художественное направление. С глубоким сочувствием к обездоленным передают представители этого направления быт простого человека, чаще всего крестьянина. Ю. Шерментовский с его выразительными зарисовками деревенской жизни, где так ясно видны социальное неравенство и несправедливость; А. Котсис — автор глубоко эмоциональной картины «Последнее добро», показывающей, как за недоимки семья лишается своей кормилицы — козы; наконец, В. Конюшко, первым в польском искусстве показавший жизнь городской бедноты, — все они очень близки к искусству передвижников. Их линию ярко и своеобразно продолжают мастера следующего поколения — братья А. и М. Герымские и Ю. Хелмонский. Это та линия в жанровой живописи, в которой нашел свое прямое отражение общенародный характер национально освободительной борьбы того времени. Как писал В. И. Ленин: «Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы...»

Небольшая по размеру, но превосходная по мастерству картина Александра Герымского «Песочный карьер на Висле» чрезвычайно правдива. Верно наблюдены и жизненно-конкретно переданы движения, группы, типы работающих. Художник сумел точно и четко охарактеризовать даже совсем небольшие фигурки праздных зевак-зрителей на набережной. О серьезнейшем изучении природы говорит каждая деталь этого замечательного полотна.

Социальный момент остро чувствуется и в интересной картине Ю. Брандта «Встреча на мосту», где мчащаяся помещичья четверка сталкивает бедную крестьянскую повозку. Люди, пейзаж — все складывается в единый впечатляющий образ.

Имя Ю. Брандта связано с искусством далеко не одной только Польши. В его мастерской работал в молодости Ф. А. Рубо, создатель ряда панорам, прославлявших русское оружие, там же занимался большой болгарский мастер-реалист Я. Вешин. Немало ярких произведений выставки напоминают о творческой дружбе русских и польских художников. Об этих творческих связях говорят и картины В. Герсона, учившегося в петербургской Академии художеств, и пейзажи Ф. Рушица, работавшего в юные годы у А. И. Куинджи, и пейзаж Я. Станиславского — друга М. В. Нестерова,— и многие другие произведения.

Целый зал на выставке заняли картины Ю. Хелмонского, глубокого и жизнерадостного поэта родной природы, которая присутствует почти в каждой его картине. Особенно выделяется по своему поэтическому и жизнерадостному ощущению полотно «Бабье лето» с девушкой-пастушкой, прилегшей на пригорке и смотрящей на пролетающую легкую осеннюю паутину.

Первые десятилетия XX века были тяжелым периодом в развитии польского искусства. Значительно ослабела национальная прогрессивная реалистическая традиция, сильно сказывалось разлагающее влияние формализма. Только коренной переворот в жизни страны открыл польским художникам выход из тупика. Московская выставка показала советским зрителям первые шаги молодого искусства по новому пути.

Горячо и взволнованно рассказывают мастера искусств о новой жизни народа: о труде, быте, борьбе за мир, за дружбу народов, о страницах славного революционного прошлого. Недаром из четырех состоявшихся в Польше выставок молодого демократического искусства одна прошла под лозунгом «Художники в борьбе за мир», а вторая была посвящена памяти Дзержинского. Сдвиг к реализму, жизненной тематике, к использованию лучших традиций великих мастеров прошлого — вот, что определяет изобразительное искусство Польской Народной Республики.

Я. Матейко. КОПЕРНИК.

Юзеф Хелмоньский (1849—1914). АИСТЫ. 1900 ГОД.

Выставка польского изобразительного искусства в Москве.

Александр Котсис (1836—1877). ПОСЛЕДНЕЕ ДОБРО. 1870 ГОД.

Выставка польского изобразительного искусства в Москве.

Итальянское кино сегодня

Глауко **ВИАЦЦИ**

Автор статьи Глауко Виацци — известный итальянский кинокритик, активно сотрудничающий в прогрессивной печати. Ряд его статей был опубликован в газете «Унита» (орган компартии Италии), в журналах «Календарио дель Пополо», «Бьянко е Неро», «Чинема». Виацци часто выступает с рецензиями на советские фильмы, демонстрирующиеся на экранах Италии. Виацци участвует в работе жюри по присуждению так называемых серебряных лент — ежегодных национальных наград творческим работникам итальянского кино: за лучшую режиссуру, лучший сценарий, лучшую операторскую работу, лучшую актерскую игру. Перепечатываемая нами с небольшими сокращениями статья Глауко Виацци была опубликована в бельгийской газете «Драпо руж».

Реклама итальянского художественного фильма «Жандармы и воры».

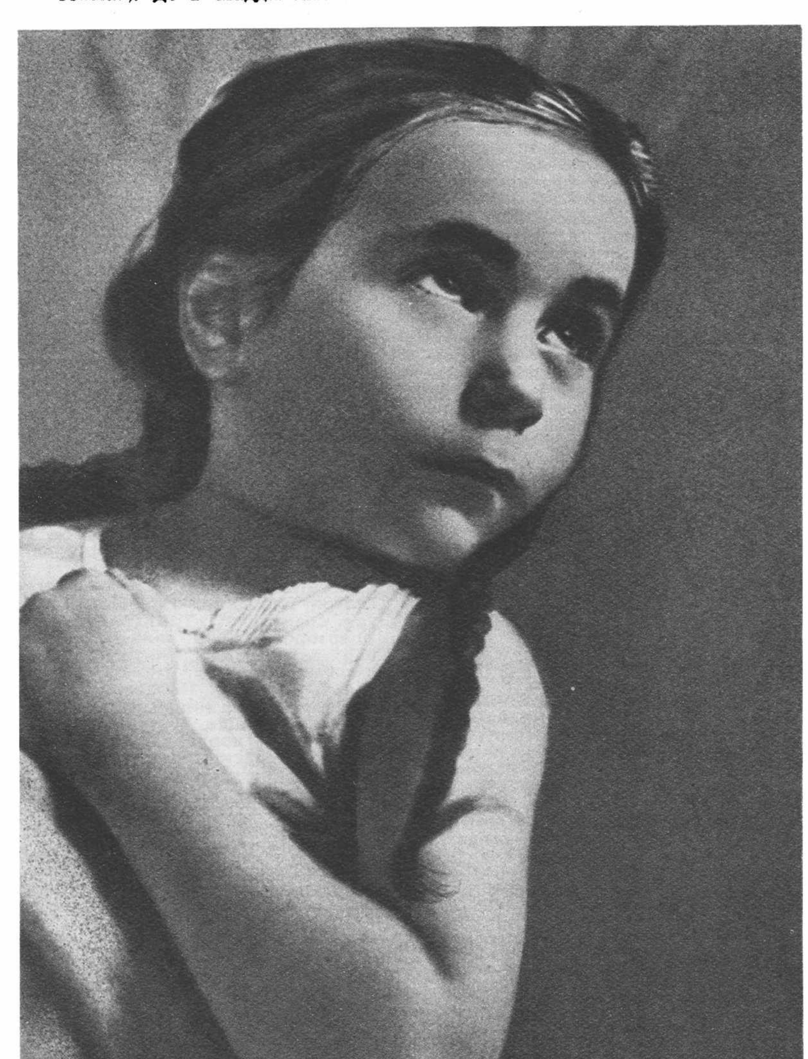
В мировой печати довольно часто можно прочесть о смерти реалистической итальянской кинематографии. Иные даже утверждают, что ее вообще никогда не существовало.

Сегодня итальянская кинематография одержала новую победу, создав четыре реалистических фильма, свидетельствующих, что не так-то просто убить национальную и народную кинематографию. Эти фильмы: «Самая красивая» («Беллиссима») Л. Висконти, «Филумена Мартурано» Эд. де Филиппо, «Опасно, бандиты!» К. Лидзани и «Жандармы и воры» режиссеров Стено и Моничелли.

Самое значительное из них — произведение режиссера Висконти, автора фильмов «Одержимая» и «Земля дрожит». Новый фильм «Самая красивая» выдвигает Висконти в число крупнейших мастеров современной европейской и мировой кинематографии. Об этом свидетельствуют и выбор темы, и волнение, которым проникнут фильм, и весь его стиль, суровый и в то же время нежный, и ярко реалистическая работа режиссера.

Сценарий этого фильма, лучшего за последние годы, написан Чезаре Дзаваттини. «Самая красивая» — это и сатира на кинематографию в том виде, в каком она существует в наших странах, и одновременно патетическая история об одной горькой иллюзии, разбитой мечте, и рассказ о рождении нового отношения к жизни.

Итальянский художественный фильм «Самая красивая» («Беллиссима»). Дочь Маддалены.

Вот сюжет фильма. Итальянская кинокомпания намерена создать фильм, для участия в котором нужна девочка 5—7 лет. Об этом по радио передается объявление. И вот в студию Синечитта начинается паломничество матерей с детьми, причем вовсе не в поисках славы, а исключительно ради возможности заработать на жизнь.

Маддалена (ее играет Анна Маньяни) пытается сделать все, чтобы по конкурсу прошла ее девочка пяти лет, некрасивая, с плохой дикцией. Маддалена — жена рабочего. Она живет в бедном районе Рима и хочет создать для дочери жизнь, о которой она сама когда-то мечтала и которой не сумела достичь. Чтобы добиться своего, Маддалена дает взятку. Речь идет о будущем ее девочки! Вовлеченная в этот водоворот, ее дочь ничего не понимает. Она только очень устала, и эта усталость ребенка позволяет Висконти выступить с гневным обвинением обществу, породившему эти варварские нравы.

Но во время просмотра пробы предпринимателем, режиссером и ассистентами Маддалена убеждается, что они просто насмехаются над ее ребенком. На экране она видит свою дочь завитую и загримированную и в этом виде до того жалкую, что это разрывает ее сердце. Девочка плачет от страха перед всем тем, что ее окружает, и в особенности от того, что ее заставляют делать. Тогда Маддалена поднимает бунт. Она бросает в лицо бессердечным людям гневные слова матери, понявшей, что оскорбляют ее дитя, а ее девочка для нее дороже всех миллионов, которые может принести кинематограф. И когда затем ей предлагают играть в этом фильме вместе с ее дочерью, она отвергает это предложение. Для нее ее девочка — «беллиссима», самая красивая, и она не допустит над ней никаких насмешек.

В этой истории трагедия переплетается с комедией, социальная сатира остра, а любовь к простым людям из народа так ощутима, что кажется, с экрана говорит сама жизнь. Эту историю Висконти рассказал спокойно и сильно, в слегка замедленном ритме, чтобы все люди ощутили стыд за общество, в котором возможно нечто подобное.

Маддалена (артистка Анна Маньяни) во время актерской пробы ее дочери.

Фильм наполнен ненавистью к подлости, грубости и злобе сильных мира сего и показывает в противоположность всему этому народный Рим, людей промышленной окраины. Огромная доля успеха фильма падает на игру Анны Маньяни. Ее героиня создана большим и зрелым мастером, владеющим богатейшим арсеналом выразительных средств. Виртуозно переходя от комедии, сатиры и юмора к драме и даже трагедии, Маньяни делает это так просто, как бывает только в жизни. Ее игра производит потрясающее впечатление.

Другая женщина и тоже мать, но на этот раз неаполитанка, является героиней фильма «Филумена Мартурано», созданного режиссером Эдуардо де Филиппо по одной из его послевоенных реалистических комедий. Филумена (эту роль играет Титина де Филиппо) прожила в доме богача Доминико Сориано двадцать пять лет. Тот всегда считал ее только нянькой и домоправительницей. Филумена любит Доминико, от которого у нее есть сын, но она скрывает его от отца. Скрывает и то, что у нее есть еще двое сыновей. Добившись от Доминико согласия на брак с нею и выйдя за него замуж, она призывает к себе всех трех своих сыновей и раскрывает им правду. Ее дети, рабочие, понимают и прощают мать. Но Доминико чувствует себя обманутым. Он подает на жену в суд. Филумена говорит ему, что один из ее сыновей — его ребенок. Доминико не верит жене, но постепенно сомнение западает ему в душу. И несмотря на то, что прознав о его «позоре», все друзья отворачиваются от него, Доминико в конце концов признает всех троих детей своими.

Уже в своем предыдущем фильме «Неаполь-миллионер» Эд. де Филиппо зарекомендовал себя как интересный режиссер, сумевший показать настоящий Неаполь, с потрясающей нищетой его улочек и народа. В «Филумене» события развертываются тоже на фоне города. Игра Титины де Филиппо, уже создавшей роль Филумены на сцене театра, столь же совершенна, как и игра самого Эдуардо в роли Доминико Сориано.

В кинокомедии Стено и Моничелли «Жандармы и воры» все ситуации подмечены в жизни. Герой фильма, которого играет Тото,— воришка. Он занимается воровством для того, чтобы прокормить свою многочисленную семью. Сержант полиции (которого играет популярный актер Альдо Фабризи) организует за ним погоню. В погоне участвуют старики, больные люди; они плохо бегают и заняты этим только потому, что за поимку обещана награда. Утомившиеся преследователи мирно беседуют о своих болезнях, о трудностях жизни...

Вору удается удрать. Казалось бы, все хорошо! Но человек, которого он обокрал,— американец. И министр внутренних дел приказывает найти вора во что бы то ни стало, иначе сержанта уволят. И погоня возобновляется, погоня бедняка-жандарма зе бедняком-вором. Поймав его, сержант испытывает угрызение совести: драма жизни сержанта та же, что и у вора.

«Жандармы и воры» — живой, прекрасно сыгранный фильм, открывающий новые перспективы для развития комического жанра в итальянской кинематографии.

Таковы три фильма, имеющие сейчас особенно большой успех у итальянского зрителя. Их главное достоинство — реализм, их общие недостатки — дань натурализму. Четвертый фильм, «Опасно, бандиты!» режиссера Лидзани, технически менее зрелый, чем фильмы Висконти и де Филиппо, идет дальше по пути реализма. Карло Лидзани, бывший редактор в газетном обозрении «Чинема», снимал до сих пор только короткометражки, в том числе «На Юге что-то переменилось», имевшую большой отклик. Лидзани пришел в художественное кино с хорошей подготовкой и честными намерениями. Его первый фильм — это отнюдь не фильм о гангстерах, как можно подумать по названию, это — глубоко национальное, народное произведение, подлинно эпическая история одной бригады партизан, сражавшейся с немецкими оккупантами в Лигурии. Вероятно, впервые в итальянском фильме освободительная борьба народа показана в историческом плане, с глубоким анализом имеющихся фактов. Фильм раскрывает борьбу партизан и итальянских рабочих, ярко рисует врагов народа и их фашистских союзников. Сюжет очень простой, в его развитии участвует пять — шесть лиц с каждой стороны. Со стороны партизан это командир бригады, комиссар, рабочий (эту роль исполняет Маджорани, герой фильма «Похитители велосипедов» де Сика), инженер-демократ и патриот (в блестящем исполнении Андреа Чекки). Немцев и врагов народа представляют несколько лиц, показанных с исторической достоверностью. Между этими двумя лагерями еще не выбравшие своего пути девушка и ее брат, солдат регулярной итальянской армии. В последнем бою между партизанами и захватчиками солдаты итальянской армии переходят на сторону партизан.

Зрители Генуи создали кооператив, который финансировал съемки этого фильма. Режиссеру пришлось работать в очень стесненных финансовых условиях, преодолевая многочисленные трудности, чинимые властями. «Опасно, бандиты!» своим эпическим характером, тонким раскрытием психологии героев, чувством исторической правды ставит Лидзани в ряд лучших режиссеров Италии.

Перевел с французского А. Брагинский

Кадр из фильма «Опасно, бандиты!»

Театр на Комитетской

На столе лежит пачка писем. Псков, Симферополь, Калуга, Тамбов, Челябинск, Тула... Из разных городов страны приходят сюда, на Комитетскую улицу, в ярославский Дом народного творчества, письма с одной и той же просьбой: расскажите, как живет ваш театр, помогите нам организовать такой же. Действительно, ярославцам есть о чем рассказать, чем поделиться.

Долгие годы художественная самодеятельность Ярославля славилась своими драматическими коллективами. Но всего лишь несколько лет назад, после очередного областного смотра, у его участников родилась мысль — закрепить наиболее удачные постановки. И вот лучшие спектакли отдельных кружков стали показывать широкому зрителю один — два раза в неделю. Появились специальные афиши, объявления. Но родился новый городской театр — Театр народного творчества — позже, когда удалось завоевать зрителя и когда перед каждым спектаклем у кассы стала появляться табличка: «На сегодня все билеты проданы». Нелегко было приобрести право называться театром, тем более что здесь же, через какой-нибудь квартал, находится старейший русский театр имени Федора Волкова, приучивший ярославцев к большой требовательности. Но на деле случилось так, что как раз этот «опасный» сосед и помог определиться своим младшим товарищам.

Если за кулисами волковского театра завести разговор о самодеятельности, то вам расскажут о новых и готовящихся спектаклях, о том, как оформлял художник театра лауреат Сталинской премии Н. Медовщиков "Яблоневую ветку» В. Добровольского и Я. Смоляка в постановке Дома учителя. Вы узнаете и о том, как своеобразно и умно играет Вассу Железнову изолировщица электромашиностроительного завода В. Белова, а слесарь того же завода А. Ф. Панковский — матроса Пятеркина.

Волковцы — заботливые шефы молодого театра. «Гости мы у них частые, бесцеремонные, но отказа не знаем»,— говорит директор Дома народного творчества К. Ф. Громова. Появились трудности в постановке, неясна кому-нибудь из исполнителей роль, хочется глубоко разобраться в учении Станиславского — со всем этим идут участники самодеятельности в театр имени Волкова. Здесь всегдашние их советники — народные артисты РСФСР Г. Белов, С. Ромоданов, А. Чудинова, главный режиссер П. Васильев. Одиннадцать артистов сами руководят кружками; в постановке В. П. Троицкого идет сейчас в одном из рабочих клубов «Васса Железнова».

У некоторых «самодеятельных» артистов большой и интересный жизненный путь. Особенным уважением в городе пользуется В. С. Царапкин, пятидесятишестилетний учитель школы № 37. Классы, в которых он преподает русский язык и литературу, имеют отличную успеваемость, в городской секции учителей-словесников он избран председателем, не обходится без него и ни один спектакль городского Дома учителя. У В. С. Царапкина большая почта: ему пишут многие бывшие ученики и по школе и по самодеятельному театру. В «Яблоневой ветке» вместе с ним играет второе поколение его учеников, и среди них Надя Ермолаева, исполнительница роли Майи.

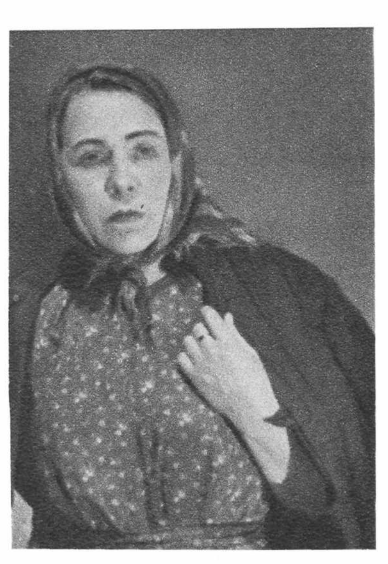
На Ярославском паровозоремонтном заводе каждый знает Дениса Николаевича Кабанова. Кабанов поступил на завод еще до войны, работал шлифовальщиком, потом ушел в армию, сражался на фронтах Отечественной войны. Теперь он снова на родном заводе. Коммунисты избрали его в партийный комитет, где он работает заместителем секретаря парторганизации. Может быть, собственный жизненный опыт и помог Д. Н. Кабанову так правдиво и просто сыграть роль демобилизованного солдата Бабашкина, горячо отдавшегося работе в колхозе («Три солдата» Ю. Егорова и Ю. Победоносцева).

Драматический коллектив Ярославского паровозоремонтного завода существует уже давно, и давно перешел он от одноактных к многоактным пьесам. На его творческом счету постановка «Зеленой улицы» А. Сурова, инсценировки «Как закалялась сталь» и «Молодой гвардии». Но «Три солдата» — первая постановка, признанная достойной исполнения в театре. Теперь уже можно сказать, что она принята зрителями, и неплохо принята, если только за первые два месяца была сыграна десять раз. Живо и выразительно играют инспектор ОТК В. Кащеев и мастер тендерного цеха В. Кабанов бывших фронтовиков — Григория Поварова и Федора Шаповалова. Котельщик В. Топунов и слесарь Е. Введенский исполняют роль председателя колхоза Досаева. Инженер Л. Миронова выступает в роли Алены Дмитриевны, жены Шаповалова. Скупо, но очень взволнованно рисует она душевную трагедию своей героини, переживающей отход мужа от коллектива в поисках «спокойной» жизни.

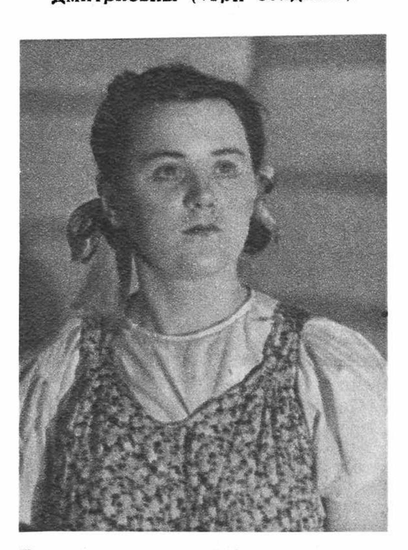
В этом сезоне в репертуаре Театра народного творчества было три спектакля: «Три солдата» (паровозоремонтный завод), «Яблоневая ветка» (Дом учителя), «Васса Железнова» (электромашиностроительный завод). Но такой небольшой репертуар никак не удовлетворяет ярославцев. В планах молодого театра доработка спектаклей других городских коллективов (а их в Ярославле двадцать), гастроли самодеятельных кружков из районов и показ оперы "Евгений Онегин», поставленной во Дворце культуры города Переяславля-Залесского.

Н. МОЛЕВА

Ярославль.

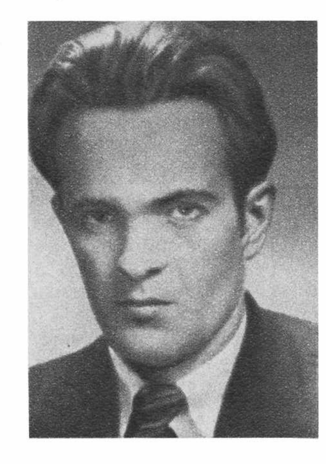

Инженер Л. Миронова в роли Алены Дмитриевны («Три солдата»).

Пионервожатая М. Шипкова в роли Сани Досаевой («Три солдата»).

Поэт-коммунист

Это было в Софии 23 июля 1942 года. В девять часов вечера крытая машина доставила шестерых коммунистов-патриотов на стрельбище Школы запасных офицеров.

Короткое прощанье с родными и близкими, последнее рукопожатие... Родным приказали удалиться...

Осужденных привели в тоннель. Привязали.

«Жив он, жив... Там на Балканах...»,— дружно запели все шестеро. Суетились, торопясь окончить свое гнусное дело, офицеры, выстраивались в шеренгу полицейские (на солдат правительство, очевидно, не могло положиться), а в мрачном тоннеле уверенно звучали бессмертные слова Ботева:

Тот, кто падет в борьбе
за свободу,
Не умирает...

Залп прервал песню... Одним из расстрелянных был поэт-коммунист Никола Йонков Вапцаров.

В стихотворении «Письмо» он говорил:

И верю я,
сквозь мрак и ночь
пройдем мы.
Сломаем лед
упорством и отвагой,
И день придет —
на горизонте темном
Заря блеснет
огромным
красным
стягом!
Как мотыльку,
огонь мне угрожает,
Пусть крылья мне
спалит он —
все стерплю я,
Не прокляну его,
хотя и знаю,
Что час пробьет —
и мертвый упаду я.
Но умереть в тот час
когда смывает
С себя земля
столетний яд и плесень,
Когда мильоны
к жизни воскресают —
Да, это будет
лучшая
из песен!

Вапцаров, действительно, отдал все силы для того, чтобы над его родиной заблистала заря.

Поэт родился в 1909 году в городе Банско, Разложской околии (района), в одном из красивейших уголков Македонии, где сходятся горные массивы Рилы, Пирина и Родопов. Красота родного края была едва ли не первым значительным впечатлением будущего поэта.

Он прожил суровую, полную лишений жизнь. Был механиком, кочегаром, месяцами бродил в поисках работы, пережил голод и нищету, смерть единственного ребенка.

С 1933 года Вапцаров — член коммунистической партии Болгарии. По заданию партии он работал среди населения горного края и среди рабочей молодежи Софии. Не раз в него стреляли из засады, судили и ссылали, но Вапцаров не склонял головы.

Он был председателем машинной секции профессиональной организации «Союз техников», входил в состав редакции газеты «Технически глас», принимал деятельное участие в работе Македонского литературного кружка, организовывал лекции и доклады для рабочих, помогал молодым, начинающим писателям. Под его руководством вырос талантливый журналист Антон Попов, впоследствии расстрелянный вместе с Вапцаровым.

При жизни поэта был издан лишь один небольшой сборник его стихотворений — «Песни мотора» (1940). Официальная критика обошла книгу молчанием. Зато сразу и по достоинству оценила ее молодежь, привлеченная жизнеутверждающим, революционным пафосом стихотворений Вапцарова, его необыкновенной верой в будущее. Многие стихотворения поэта были известны еще до издания сборника. Их переписывали из газет и журналов, декламировали на вечерах и собраниях, заучивали наизусть. В черные годы фашизма маленькая книжечка с дымящимися заводскими трубами на обложке была настольной книгой многих болгарских патриотов.

Вапцаров изображал жизнь с позиций самой передовой части болгарского народа — рабочего класса. Созданный им образ пролетария правдив и ярок; значение этого образа выходит за рамки родной литературы.

Вапцаров писал о тяжелой участи рабочих («Завод», «Воспоминание», «Горький», «Поединок»), о месте поэта в жизни («Доклад»), призывал к созданию счастливого будущего («Построим завод», «Гимн», «Вера»).

С волнением следил поэт за борьбой республиканцев в Испании. Ему не удалось самому попасть туда, но он создал замечательные стихотворения о героизме испанского народа — «Песни об одной стране».

Вапцаров страстно любил Советский Союз. Усталый, измученный тяжелым физическим трудом, он весь преображался, когда начинал говорить о Стране Советов, о жизни трудящихся в СССР, о русской литературе. В творчестве Вапцарова ощутимо влияние Маяковского.

В дни войны фашистской Германии против Советского Союза поэт полностью отдается партийной работе. Вапцаров работает в специальной комиссии при ЦК по организации боевых вооруженных отрядов, устанавливает связь с провинцией, ищет квартиры для нелегальных, переносит оружие и взрывчатку.

«Я стал эгоистом,— говорил он друзьям,— мне хочется дожить до победы!» Но 3 марта 1942 года Вапцаров был арестован. Четыре месяца провел он в полиции. Ни страшные пытки, ни сознание близкой смерти не сломили поэта. В своих последних стихах Вапцаров писал: «...в буре мы снова будем с тобой, народ мой, потому что мы тебя любили».

Вапцаров не умер: «Тот, кто падет в борьбе за свободу, не умирает»!

А. ВАЩЕНКО

Бакен на пути

Сюжет маленькой повести Н. Дубова «Огни на реке» так прост, что его можно без труда изложить в двух строчках, но содержание ее богато и обширно, и его пересказать много труднее.

Киевский школьник Костя приезжает летом в гости к своему дяде, бакенщику на Днепре. Здесь он дружит с его дочкой, с ребятами из ближнего села. Вместе с сельскими пионерами он однажды рубит лозу на острове (это дело поручили ребятам колхозники), а в самом конце повести, когда разразившаяся буря сорвала ночью один из бакенов на реке, Костя помогает дяде добраться на лодке туда, где стоял бакен, чтобы зажженным фонарем указать пароходу безопасный путь.

Как видим, сюжет не таит для читателя неожиданностей. И, однако, повесть читается с неизменным интересом.

Почему? Потому прежде всего, что писатель сумел в своем новом произведении правдиво показать людей, взрослых и маленьких.

Их характеры раскрываются перед нами не сразу — да и в жизни это не происходит сразу! — однако с первых же страниц у читателя появляется не только любопытство к героям, но и свое отношение к ним. И это тоже как в жизни: еще немного слов произнес при вас новый знакомый, не видели вы его поступков, не знаете предистории, а уже чувствуете к человеку доверие, расположение. Многое тут важно: и манера говорить, и жесты, и взгляд человека. Все это умело изображает Н. Дубов, ясно видя своих героев и отлично зная их. Другое важнейшее достоинство повести в том, что основная идея выражена в ней не декларативно, не словами персонажа, объясняющего как бы по поручению автора, в чем смысл книги, а всем строем художественного произведения.

Жизнь только тогда по-настоящему увлекательна, когда она полезна,— это, пусть по-своему, по-детски, понимает к концу повести Костя; это видят, прочитав повесть, его сверстники. Потому и описывает Н. Дубов жизнь Кости в гостях у бакенщика, что именно там и тогда мальчик пришел к этому заключению.

Необходимо сказать и о том, что жизнь ребят показана не изолированно от жизни взрослых, а тесно, неразрывно и естественно связана с нею. В повести нет специфических «ребячьих» дел, есть дела всего деревенского коллектива, и в них ребята, пионеры, принимают горячее и деятельное участие. Взрослые люди в рецензируемой повести наделены характерами, индивидуальными речевыми характеристиками, совсем не произносят дидактических речей. Им не приходится играть вспомогательную роль в произведениях писателя; они живут в них, полноправные и обаятельные, в противовес тем схематичным, «подсобным» образам взрослых, которые еще появляются зачастую даже в хороших в целом книгах для детей.

Бакенщик Ефим Кондратьевич в «Огнях на реке» — человек на слова скупой, но умелый, мужественный и справедливый — служит подлинным примером детям. И главный герой повести, Костя, меняется не потому, что слышит поучительные речи, а потому, что видит смелые человеческие поступки, поступки, внушающие ему властное желание подражать им и заставляющие его проникнуться уважением к скромному труду бакенщика.

В «Огнях на реке» автору удалось добиться стройной композиции. Здесь нет эпизодов, лишних или необязательных для развития характеров героев.

В повести есть недостатки, но их можно устранить без большого труда.

Колхозные ребята в «Огнях на реке» оказываются во многом более самостоятельными, умелыми, опытными, чем городской мальчик Костя, и это понятно. Но то, что Костя, киевлянин, столичный житель, не обнаруживает ни в одной области большей осведомленности, чем его деревенские друзья, — это уже мало достоверно. Вместо взаимного влияния и обогащения, естественных при встрече и общении городских и сельских ребят, писатель показывает только одностороннее благотворное воздействие пионеров-сельчан на городского мальчика.

Думается, что труд детского писателя можно в какой-то мере уподобить труду бакенщика. Большое и долгое плавание предстоит в будущем каждому маленькому читателю! И долг детского писателя, детской литературы — расставить на его пути яркие бакены, помогающие ориентироваться в самых сложных жизненных обстоятельствах, указывающие верный, прямой, честный путь. «Огни на реке» Н. Дубова — один из таких бакенов, скромный, но светлый.

М. БРЕМЕНЕР

Николай Дубов. **Огни на реке.** Повесть. «Новый мир» № 3. 1952.

История одной проблемы

Недавно после нескольких месяцев бесплодной работы Комиссия ООН по разоружению передала Совету Безопасности доклад, представляющий, по выражению советского делегата Малика, печальное зрелище. В докладе ни слова не говорится ни о запрещении атомного и других видов оружия массового истребления, ни о необходимости сокращения вооружений и вооруженных сил. Под давлением американо-английского агрессивного блока Комиссия отказалась рассмотреть конкретные советские предложения о безусловном запрещении атомного оружия и одновременном установлении строгого международного контроля над выполнением этого решения. Примечательно, что тогда же, когда Комиссия обсуждала этот доклад, президент Трумэн потребовал от Конгресса ассигнования более 3 млрд. долларов на расширение атомных вооружений США.

О сопротивлении американских империалистов явно выраженной воле человечества запретить атомную бомбу, о борьбе Советского Союза за воспрещение всех видов оружия массового истребления, о противоположности советской политики укрепления мира американской политике подготовки новой войны рассказывает книга польского юриста М. Мушката «Атомная энергия и борьба за мир». Автор подробно анализирует американский так называемый «план Баруха». Не упоминая ни одним словом о запрещении атомного оружия, этот план предусматривает создание американского всемирного сверхтреста, получающего в свое распоряжение все источники атомного сырья и всю промышленность по его переработке, полученную и применению атомной энергии, а также и «смежные отрасли промышленности» (!). Таким путем Морган, Дюпон, Рокфеллер, владеющие атомной промышленностью в США, надеются установить контроль над экономикой и политикой всех стран мира и осуществить свои бредовые планы мирового владычества.

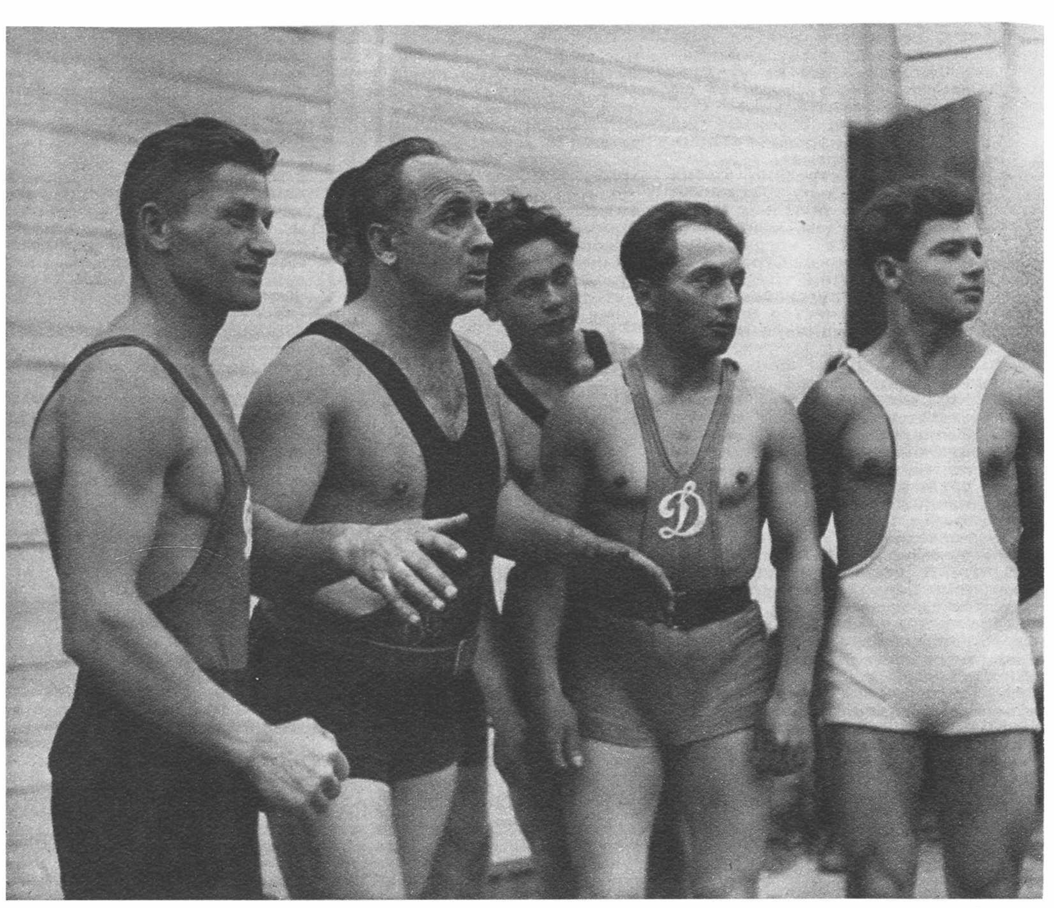
«План Баруха» его авторы рассчитывали навязать Советскому Союзу, опираясь на свою атомную монополию, которую они думали сохранить в течение длительного периода. Однако уже в 1947 году СССР овладел секретом атомного оружия, а затем, как пишет М. Мушкат, сумел первым из всех государств земного шара приступить к использованию атомной энергии для промышленных целей. В то же время, говорит автор, жизнь опровергла теорию о техническом «превосходстве» империализма; стоит вспомнить его поражения на полях Кореи. Атомной монополии у империалистов США больше нет, и они прекрасно понимают, что применение атомного оружия вызовет ответные меры, от которых им не поздоровится. А Стокгольмское воззвание показало решимость человечества сурово наказать тех военных преступников, которые посмели бы пустить в ход это оружие. М. Мушкат напоминает, каким взрывом негодования ответили народы мира в декабре 1950 года на наглую угрозу Трумэна пустить в ход в Корее атомную бомбу... Но американские людоеды не унимаются: они берут в союзники чуму. М. Мушкат приводит доказательства того, что в США уже давно была начата подготовка к бактериологической войне.

М. Мушкат убедительно показывает, что международное право запрещает такие преступные методы войны, как атомные бомбардировки и применение бактериологического оружия, и предусматривает суровое возмездие за их использование.

М. ГУСЕВ

М. Мушкат. **Атомная энергия и борьба за мир.** Перевод с польского. Издательство иностранной литературы. 1951. 359 стр.

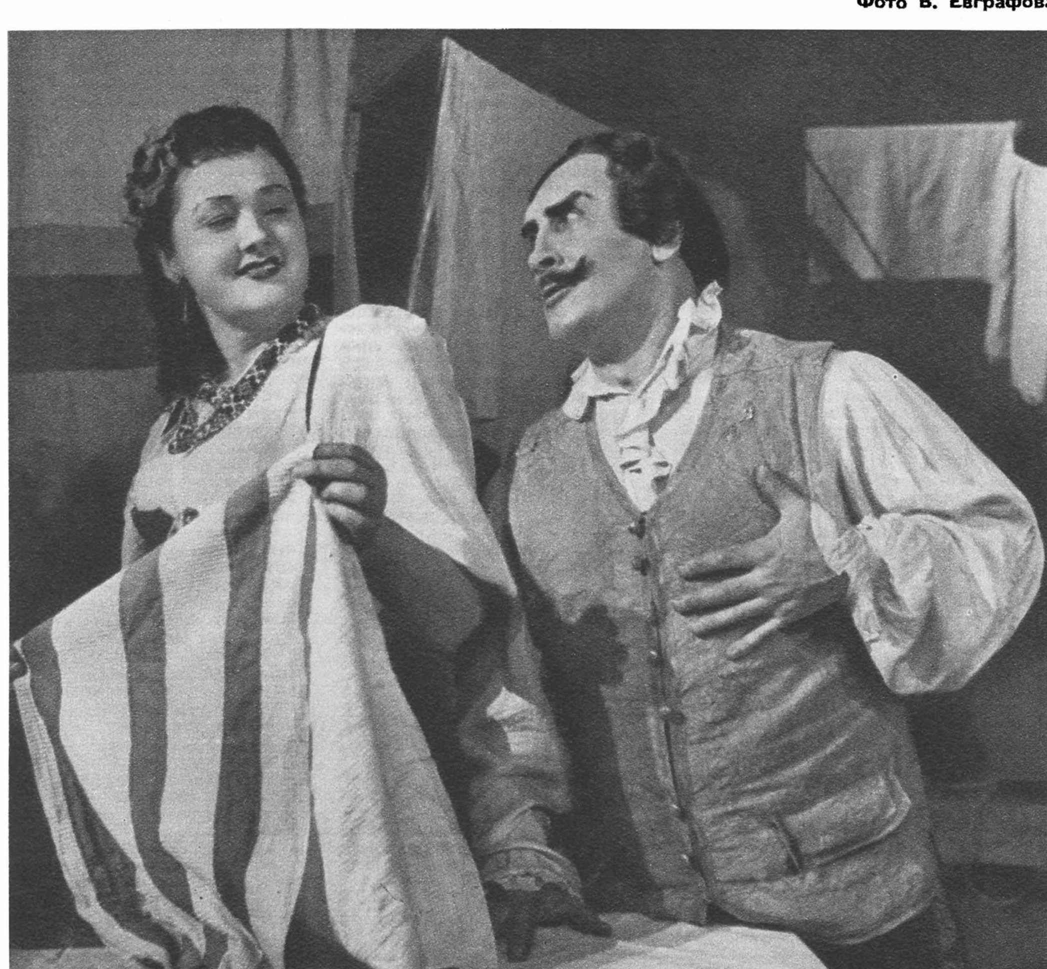
На подмостках и помосте

Б. А. Соломонов с группой учеников наблюдает за состязаниями.

Сцена из спектакля «Хозяйка гостиницы» в постановке Владимирского драматического театра. В роли Рипафратты — Б. А. Соломонов, Мирандолины — Г. П. Клишко.

Фото В. Евграфова

Шла финальная сцена спектакля «Москва горит» Маяковского. На арене, запруженной толпой восставших, появился обнаженный до пояса молодой рабочий. Над головой он держал темнобурого с белым хвостом орла. Хищник бил могучими крылами, пытаясь поднять свое грузное тело к голубому, окрашенному под небесный свод куполу цирка. Но богатырь зорко следил за птицей; лишь мышцы выдавали огромное напряжение, которое требовало от него это единоборство. Тем временем в притихшем зале зазвучали набатные строки поэта:

Новых восстаний
вижу день я.
Снова
подымется
рабочий класс.
Не защита,
а нападение
Стать
должно
лозунгом масс.

И, как бы подчиняясь этому призыву, богатырь резким движением бросил беркута на арену. Низвергнут хищный орел самодержавия. Рабочий расправляет свои сильные плечи, гордо поднимает голову в знак освобождения...

Зрители долго хлопали, вызывая приглянувшегося им артиста. Хотя фамилия богатыря не значилась в афише, любители цирка хорошо знали его по предыдущим выступлениям. То был студент училища театрального искусства Борис Соломонов.

В жизни Соломонова спорт и театр шли рядом, как добрые друзья. Борис был неплохим бегуном и, еще работая слесарем-монтажником на одном из шлиссельбургских заводов, входил в десятку лучших бегунов Ленинграда. Широкогрудого жизнерадостного юношу можно было видеть в стайке спортсменов на дистанции пробега Ленинград — Детское село или на обсыпанной битым кирпичом площадке для метания. По вечерам молодой слесарь занимался в драматическом кружке завода.

В 1930 году двадцатилетний Соломонов по путевке окружкома комсомола поступил в Ленинградское театральное училище. Вместе со своим товарищем Виктором Хохряковым он в свободное от занятий время выступал в цирке, участвовал во многих представлениях, в том числе и в пьесе «Москва горит». Успех Соломонова в роли рабочего с орлом имел неожиданные последствия. Им заинтересовались цирковые атлеты.

— Попробуйте заняться подниманием тяжестей,— посоветовали они молодому артисту.

Соломонов запомнил этот совет, но не торопился «изменить» легкой атлетике. «Время покажет»,— решил он.

После окончания училища Соломонов получил назначение в Харьков, в открывавшийся там Театр русской драмы. На перрон Харьковского вокзала молодой артист сошел вместе со своим учителем — Николаем Петровым, ныне народным артистом республики, и плотным русоголовым человеком, соседом по купе, Моисеем Касьяником, будущим мировым рекордсменом по штанге. Он-то и стал вторым учителем Соломонова — учителем по спорту.

Встреча с Касьяником положила конец колебаниям Соломонова. Уже через месяц после первого выхода на помост начинающий атлет устанавливает городской рекорд в жиме для штангистов среднего веса.

С тех пор прошло немало лет...

— Спорт не дает мне состариться,— говорит чемпион РСФСР по подниманию тяжестей, один из ведущих артистов Владимирского областного театра Борис Александрович Соломонов.— Он заставляет соблюдать режим, работать, расти. Страсть, как не хочется проигрывать своим ученикам...

Этот разговор происходит в небольшом, уставленном нехитрым реквизитом штангиста зале. Только что закончились занятия секции, разошлись ученики Соломонова: коренастый Иван Волченков, недавно выполнивший норму мастера спорта; перворазрядники: студент Анатолий Лохов, мастер Владимирского тракторного завода Борис Сабанеев и другие. Сейчас тренер может заняться сам...

Когда Соломонов приехал во Владимир, там не оказалось ни одного опытного штангиста. Не может быть, чтобы в городе не было способных гиревиков, сказал он себе, их надо разыскать. Борис Александрович решил прибегнуть к испытанному приему — показательным выступлениям. Так и сделал...

С восхищением смотрели молодые владимирцы на пожилого, по-юношески гибкого силача, с завидной легкостью поднимающего чугунную штангу. Этого атлета многие из присутствующих на вечере видели несколько дней тому назад на подмостках театра в роли туземного царька Махунхины в пьесе «Остров мира». В исполнении Соломонова Махунхина был настоящее «дитя природы»: сильный, стремительный, ловкий. Другой артист — не спортсмен — не смог бы, пожалуй, так сыграть эту роль...

На другой день к Борису Александровичу потянулись студенты энерго-механического техникума, рабочие тракторного завода. Вскоре секции штанги были организованы и в других городах области — всюду, где побывал театр. В одном из них, в городе металлистов Кольчугине, Соломонов нашел себе соперника — 24-летнего слесаря Виктора Егорычева.

Борис Александрович заметил этого крепыша на местном конкурсе силачей. Егорычев обладал незаурядной силой (в жиме он поднимал столько же, сколько и в толчке), но эту силу надо было еще «раскрыть». Борис Александрович вызвал Егорычева на сбор, показал технику движений со штангой и подготовил к побитию областного рекорда в рывке, который принадлежал... Соломонову. Егорычев стал рекордсменом области. В свою очередь, Соломонов улучшил рекордную сумму в троеборье. Сейчас оба полутяжеловеса готовятся к новым встречам на помосте.

...Слегка наканифолив ботинки и провернув гриф тяжело нагруженной штанги, Соломонов подходит к весу. Расставив удобно ноги и переступив для устойчивости с пятки на носок и обратно, он надежно обхватил гриф. Секунду — другую штангист оставался в полуприседе, отклонив спину и расслабив руки. Потом разом потянул вес на себя, вкладывая в первоначальный «подрыв» всю свою силу, а следом — точным движением — подсел под взметенную вверх штангу, сокращая ее путь от помоста на грудь...

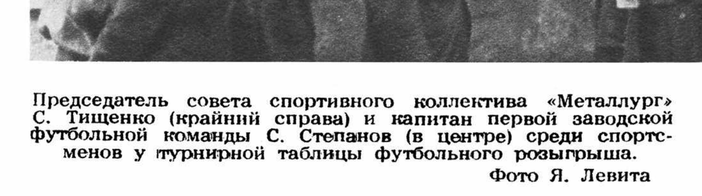
Встав с тяжелым грузом, атлет медленно выжал штангу над головой.

Вечером Борис Александрович рассказал нам о своих любимых ролях, сыгранных за 20 лет работы в театре: тут и шекспировский Помпей, и Лопахин из «Вишневого сада», и Гаврила Белугин, и купец Дикой; удалой матрос Швандя и Глоба из пьес Тренева и Симонова, кавалер Рипафратта из «Хозяйки гостиницы» Гольдони и много, много других. Последняя работа Соломонова — роль старика Бессеменова в пьесе Горького «Мещане».

— Если мне поручают играть старика, то только крепкого,— улыбается Борис Александрович,— фигура подводит...— Белыми от магнезии руками он поправляет замок штанги.— Вот поднимаю вес, и как-то невзначай приходит на ум мой артистический дебют в роли рабочего с орлом. Если вдуматься, то он был и моим первым выступлением атлета.— Соломонов на минуту умолкает, занятый делом, потом добавляет: — Вот так оно и идет с тех пор: спорт и театр — двойная радость...

И. БОРИСОВ

Спортивная слава завода

Председатель совета спортивного коллектива «Металлург» С. Тищенко (крайний справа) и капитан первой заводской футбольной команды С. Степанов (в центре) среди спортсменов у турнирной таблицы футбольного розыгрыша.

Фото Я. Левита

Лет двадцать назад на всю Одессу гремела слава футболистов Канатного завода. Команда канатчиков была одной из самых сильных не только в городе, но и на Украине; часть заводских игроков входила в сборную республики. Затем как-то незаметно, постепенно спортивная слава завода сошла на нет. Первые же годы после войны у канатчиков и вовсе не было физкультурного коллектива.

С этим никак не мог примириться главный бухгалтер заводоуправления коммунист Степан Степанович Тищенко, большой знаток и любитель спорта.

— До каких пор у нас даже и команды футбольной не будет? — спросил как-то Тищенко секретаря партнома Василия Семеновича Кудаса.

— А вот и возьмись за ее организацию.

Тищенко принялся за дело. Стоило «бросить клич» по цехам — и желающих играть в футбол нашлось много. Подобрали и тренера. В 1949 году организовали одну футбольную команду, а на следующее лето их стало уже три. Но разве только к футболу влекло заводскую молодежь? На заводе создали низовой коллектив спортивного общества «Металлург». Появились секции: легкоатлетическая, волейбольная и баскетбольная, гимнастическая, шахматно-шашечная, секция бокса.

Былая спортивная слава канатчиков стала быстро возрождаться. В 1950 году заводские футболисты заняли в Одессе второе место среди клубных команд. В прошлом году они снова заняли второе место в первенстве и завоевали городской кубок. Кроме того футболисты «Металлурга» впервые участвовали в розыгрыше футбольного первенства Украины.

Среди футболистов Канатного завода много хороших игроков. Это бригадир цеха стальных канатов Сергей Степанов, слесари Иван Руденко и Борис Гулло, токари Александр Светицкий и Василий Спиридонов, грузчик Александр Кицул и другие. Все они отличные производственники, стахановцы. В этом сезоне команды «Металлурга» снова выступают в городском футбольном турнире в розыгрыше первенства Украинской ССР.

Хорошо налажена спортивная работа и в других секциях физкультурного коллектива. В прошлом году он был признан лучшим среди производственных коллективов Одессы и награжден переходящим Красным знаменем.

Большинством спортивных секций руководят тренеры-общественники. Плотник Николай Потапов и бригадир купоросного цеха Александр Досколов тренируют клубные футбольные команды. Инженер В. Чаругин занимается с боксерами. Волочильщик Владимир Горбатенко хорошо наладил работу волейбольной секции. Волейбол стал самым массовым видом спорта на заводе. В недавних соревнованиях цеховых команд участвовало свыше 170 человек.

Всей физкультурной работой на заводе вот уже третий год руководит председатель совета спортивного коллектива С. С. Тищенко. Недавно он отчитывался о своей работе перед партийным комитетом.

— Физкультурная работа у нас наладилась! — говорили в прениях коммунисты.— Но спорт на заводе должен стать еще более массовым. Тогда больше будет у нас и спортивных успехов!

Этот наказ партийного комитета стараются выполнить сейчас спортсмены Канатного завода.

Е. ВАСИЛЬЕВ.

Одесса.

Акробат Лев Осинский

Арена на несколько мгновений погружается в темноту, и вспыхнувшие затем голубые, оранжевые, зеленые лучи прожекторов освещают неожиданно появившийся в центре манежа мраморный постамент. На постаменте артист - спортсмен в голубом атласном костюме, плотно облегающем его стройную фигуру. В оркестре возникает медленная мелодия. С первыми тактами музыки артист наклоняется, опирается правой рукой на квадратный выступ постамента, и тело его плавно поднимается в воздух. Он делает стойку, потом медленно опускается и замирает в горизонтальном положении. Едва уловимым движением он поворачивает корпус и снова выходит на стойку, теперь уже из другого положения.

— Выступает Лев Осинский,— объявляет ведущий программу.

Номер длится несколько минут. Серию труднейших фигур, комбинаций, неожиданных положений демонстрирует артист, и единственной точкой опоры у него является правая рука. Его исполнение отличается плавностью и легкостью движений, законченностью, пластичностью, и кажется, что его тело не подвластно законам земного притяжения.

...Выписавшись из госпиталя, Лев Осинский пришел в цирк. По правде говоря, пришел он сюда по привычке. Здесь он работал с четырнадцати лет. Был силовым акробатом, эквилибристом в труппе Волжанских. Но что теперь он мог делать на арене цирка: в танковом бою на Орловско-Курской дуге он потерял левую руку.

Тепло и сердечно встретил его коллектив артистов. А когда наконец умолкли радостные приветствия, закончились расспросы и полилась задушевная беседа о будущем, Осинский понял, что коллектив, друзья помогут ему вернуться к любимому делу.

И Осинский начал «пробовать». Несколько дней ходил он мрачный, но как-то старейший работник цирка, секретарь партийной организации Иван Николаевич Горюнов увидел его повеселевшим, радостным. «Видно, получилась стойка у парня»,— решил Горюнов.

— Что, Лева, на лад пошли дела?

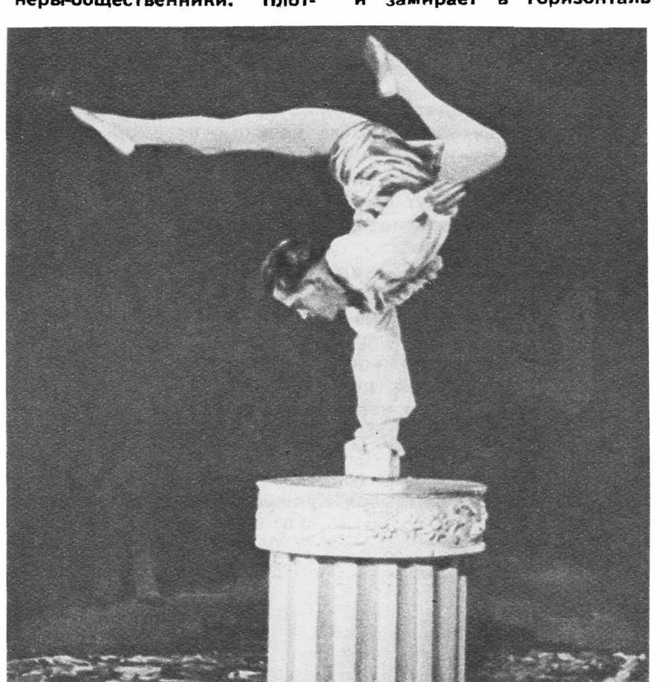
— Стою, дядя Ваня. Пойдемте, покажу.

То, что увидел Горюнов, знаток и ценитель циркового искусства, было еще далеко от совершенства, но главное было достигнуто: Осинский свободно и уверенно стоял на одной руке. Особенно обрадовала Горюнова настойчивость, вера в свои силы, которая появилась у Осинского.

В новогоднем представлении 1944 года в труппе Волжанских вновь появился светловолосый юноша, легко и непринужденно выполняющий сложные силовые акробатические комбинации. Это был Осинский.

Прошло восемь лет напряженного, настойчивого труда и тренировок. Лев Александрович Осинский достиг большого спортивного мастерства. Он выступает с самостоятельным номером в программе лучших мастеров советского цирка. Замечательный коллектив советских людей помог ему достигнуть высот циркового искусства...

В. ИНДИН

На снимке: Выступление Л. Осинского в Московском цирке.

Фото Л. Великжанина

Новый сторож

Борис РАЕВСКИЙ

Рисунки Б. Лео

Дядя Федя ушел на пенсию.

Всем нам было очень жаль расставаться со стариком. Тощий, сутулый, с куцей жидкой бородой, он так сросся с нашим маленьким заводским стадионом, что трудно было даже представить себе зеленое футбольное поле и гаревые дорожки без него.

На стадионе старик проводил все время — с утра до ночи. И жил он тут же — в небольшой комнатке под трибуною.

Мы часто забегали к нему: то за футбольным мячом, то за волейбольной сеткой, то за гранатами или диском.

Дядя Федя был сторожем и «смотрителем» нашего заводского стадиона. Он подготавливал беговые дорожки, приводил, как он говорил, «в божеский вид» футбольное поле, подстригал траву, красил известью штанги, разрыхлял и выравнивал песок в яме для прыжков, следил за чистотой и порядком,— в общем, делал все, что требовалось.

Сам он называл себя «ответственным работником», потому что (тут старик неторопливо загибал узловатые пальцы на руке) рабочий день у него ненормированный, это — раз; за свой стадион он отвечает головой, как, например, директор за свой завод, это — два; а в-третьих, без него тут был бы полный Содом и Гоморра.

Никто из нас не спорил со стариком. Мы ценили не только его заботу о стадионе, но и искреннюю любовь к спорту.

И вот теперь дядя Федя ушел на пенсию.

Уже четыре дня стадион был «без хозяина». Мячи, сетки, копья, рулетки и секундомеры временно выдавала полная женщина — секретарь-машинистка из заводоуправления. Она клала гранату в ящик так осторожно, словно боялась, что та взорвется.

— Осиротел наш стадион,— печально вздохнул Геня Краснов, лежа в одних трусиках на скамейке, на самом верху трибуны.

Мы молча согласились с ним.

— Говорят, скоро новый сторож приедет,—переворачиваясь на левый бок, сообщил Генька.

Он всегда узнавал все раньше других.

— Говорят, аж из-под Пскова старикашку выписали, — лениво продолжал Генька и легонько отстранил Бориса, чтобы тот головой не бросал тень ему на ногу.— В Ленинграде, видимо, специалиста не нашлось...

Генька позавчера получил сразу два повышения: стал токарем пятого разряда и прыгуном — третьего. Теперь он очень зазнавался и считал, что токарь четвертого разряда — это не токарь, а на спортсменов-неразрядников вообще не обращал внимания.

Мы знали это и при случае подтрунивали над Генькой, но сейчас солнце жгло так сильно и ветерок так чудесно обвевал тело, что все разомлели и спорить не хотелось. Да к тому же мы любили дядю Федю, поэтому к его будущему заместителю — кто бы он ни был — заранее относились недоверчиво. Второго такого, как дядя Федя, не найдешь.

Время было раннее. На стадионе, кроме нас пятерых, никого не было. Только несколько мальчишек на футбольном поле упрямо забивали мяч в одни ворота. Мы

работали в вечернюю смену и поэтому с утра пришли на стадион.

— Приедет какой-нибудь старый глухарь,— ворчал Генька,— в спорте — ни бе, ни ме, ни кукареку. Он в деревне, наверно, гусей пас, а тут ему стадион доверяют. Интересно: он хоть ядро от диска отличит?

— Смотрите! — вдруг перебил Геньку Борис Кулешов.

Отличный револьверщик и чемпион завода по прыжкам, он был в противоположность Геньке застенчивым, как девушка, и то и дело в самые неподходящие моменты густо краснел, что очень огорчало его.

Все повернули головы в сторону, куда показывал Кулешов.

По футбольному полю неторопливо шел маленький, щупленький старичок, с лицом буро-красным, как кирпич, и длинными, вислыми усами. Он был, несмотря на жару, в черном, наглухо застегнутом пиджаке, в картузе и сапогах. За стариком шел высокий парень, неся в одной руке огромный деревянный не то чемодан, не то сундук, а в другой — узел, из которого выглядывала полосатая перина.

— Похоже, дядя Федя номер два прибыл,— сказал Борис.

Старик, никого не спрашивая, уверенно направился к трибуне, словно ему было хорошо известно, куда надо идти, и вошел в комнату сторожа. Парень остался снаружи и сел на свой сундук-чемодан.

Он молчал и не глядел на нас. Мы тоже не заговаривали с ним. Так прошло с полчаса. Потом из комнаты сторожа выбежала секретарь-машинистка и засеменила к выходу со стадиона.

Старик что-то крикнул парню, и тот втащил багаж под трибуну.

Мы еще немного пожарились на солнце, потом спустились с трибуны в тень, отдохнули и стали разминаться.

Никто из нас не заметил, как старик вышел из своей комнатки. Он ходил по футбольному полю, внимательно оглядывая его, потом перешел на волейбольную площадку, взял лопату и стал копошиться возле столба. Мы еще позавчера обнаружили, что этот столб качается.

— Хозяйственный старичок! — сказал Борис.

Генька сделал вид, будто не слышал его слов, и перешел с беговой дорожки к яме для прыжков. Прыжки шли у Геньки лучше бега, поэтому он всегда старался побыстрее перебраться к планке.

Мы поставили для начала метр сорок, прыгнули по разу и подняли планку на пять сантиметров. Все снова прыгнули. Планку еще подняли. Приземистый, коренастый Витя Желтков трижды пытался взять новую высоту, и все три раза неудачно.

— Слабоват, Белок, — сказал Генька,— нос не дорос!

— Разбег слишком длинный,— раздался вдруг чей-то спокойный голос.

Мы оглянулись.

На траве недалеко от нас сидел, подвернув ноги «по-турецки», и неторопливо щелкал семечки парень, который недавно нес дедов багаж. На нем была белая косоворотка, вышитая «крестиком», и узенькие, трубочкой, брюки.

Разбег у Желткова был действительно длинноват. Но с какой стати этот парень вмешивается не в свое дело? Генька оглядел его с ног до головы и заметил:

— Между прочим, гражданин, на стадионе мусорить запрещено. Это у вас в Пскове, вероятно, такие порядочки...

— А я не мусорю,— спокойно ответил парень.

Действительно, шелухи около него не было. Парень складывал ее в карман.

Генька не нашел что возразить и со злости потребовал, чтобы поставили сразу метр шестьдесят. Он прыгнул, но сбил планку.

— Разбег короткий,— спокойно сообщил парень.

— Вот мастер! То у него слишком длинный разбег, то слишком короткий,—ядовито сказал Генька.

Наш инструктор уже не раз советовал Геньке удлинить разбег на четыре шага. Парень был прав, и именно поэтому Генька злился.

— А может, вы сами, маэстро, изволите прыгнуть? Покажите высокий класс,— усмехнулся Генька,— поучите нас, дураков...

Приезжий парень промолчал. Мне показалось, что он даже покраснел. Очевидно, он не умел прыгать, а конфузиться не хотел.

Генька торжествующе хмыкнул, мы спустили планку пониже. Вскоре к яме подошел и сторож. Старик встал возле парня, положил лопату, достал из-за голенища газету, аккуратно оторвал квадратик и, свернув папиросу в палец толщиной, задымил едким, крепким самосадом. Его маленькие живые глазки, окруженные густой сетью морщин, внимательно следили за прыгунами.

Вот Генька почти было взял метр шестьдесят, но, уже перейдя планку, сбил ее рукой.

— Эх! — с досадой крякнул старик. — Группировочка [1], милый, слабовата...

Генька выпучил глаза и развел руками.

— «Группировочка», — передразнил он.— Сперва хлопец надоедал, а теперь и дед туда же...

Генька отвернулся, сел на траву и снял туфли, делая вид, словно туда попал песок. Но сколько он их ни тряс, песок не сыпался.

Вскоре сторож ушел, и Генька снова прицепился к незнакомому парню. Он ехидно прохаживался насчет всяких «теоретиков», которые сами и на метр от земли не могут оторваться. Парень молчал.

— Ну, чего ты пристал к человеку,— вступились мы.— Ну, не умеет прыгать... А ты вот, например, не умеешь копье бросать... Не задавайся!

Однако парень вдруг перестал щелкать семечки и. ни слова не говоря, начал снимать брюки. Генька продолжал подзадоривать его, пока парень не разделся и не остался в одних трусах.

— Поставьте для начала метр сорок,— благородно скомандовал Генька.— Пусть гражданин разомнется.

Мальчишки-футболисты, собравшиеся на шум, быстро спустили рейку. Генька разбежался и легко взял высоту.

— Пропускаю,— сказал парень, не трогаясь с места.

[1] «Группировка»: в воздухе прыгун «группирует», располагает тело так, чтобы придать ему наиболее выгодное положение для перехода через планку.

Мы переглянулись, а мальчишки с радостным визгом подняли планку.

Генька снова перемахнул через нее.

— Пропускаю, — невозмутимо повторил парень.

— Ах, так! Ставьте тогда сразу метр шестьдесят! — приказал Генька.

Ребятишки подняли планку еще выше. Теперь они уже свободно проходили под нею, не наклоняя головы.

Генька долго примерялся, приседал, подпрыгивал на месте, потом наконец разбежался и взял высоту.

— Чистая работа! — спокойно сказал парень.

Он помолчал и прибавил:

— Я пропускаю!

Тут уж Генька не выдержал. Пропускает метр шестьдесят?! Подумаешь, мастер спорта выискался! Знаем мы таких: будет бахвалиться, пропускать да пропускать, а потом не возьмет высоты, и так и не узнаешь, может ли он хотя бы метр сорок прыгнуть.

Парень не отвечал Геньке.

Делать было нечего. Ребятишки быстро поставили метр шестьдесят пять. Мы удивленно переглядывались.

Генька снова разбежался, но сбил рейку. Он хотел попытаться еще раз, но потом плюнул и сел на траву. Генька знал: метр шестьдесят пять ему все равно не взять.

Настал черед незнакомца.

Он несколько раз подпрыгнул на месте и стал поочередно вскидывать вверх то правую, то левую ногу, задирая их к самой голове.

Мы с любопытством следили за ним.

Закончив разминку, парень подошел к планке, которая висела в воздухе, на уровне его лба, молча поднял ее еще на пять сантиметров, аккуратно отсчитал от нее одиннадцать шагов и провел босой ногой черту на земле. Он встал на черту, опустил голову на грудь, сосредоточиваясь перед прыжком, потом вдруг выпрямился и рванулся вперед.

Тело его стремительно взмыло в воздух, поровнялось с планкой, на миг замерло. Казалось, прыгун не дотянется, не перейдет планку, но он сделал еще одно движение, словно отталкиваясь от самого воздуха, и тело его распласталось над перекладиной. Парень мгновенье висел над рейкой и мягко приземлился в яме с песком.

Мы чуть не ахнули: никто из нас не ожидал от него такой прыти.

Даже Генька покрутил головой от восхищения, а мальчишки — так прямо глаз не сводили с парня. Мы окружили его, расспрашивали, кто он и откуда. Оказалось, Генька не наврал: парень действительно был псковичом. Приехал вместе с дедом: тот будет работать на стадионе, а парень поступает в технологический институт. Правда, Генька, как всегда, немного преувеличил: ни деда, ни парня никто не «выписывал», приехали они сами.

— Что тут у вас стряслось? — вдруг услышали мы встревоженный голос сторожа.

Очевидно, его привлек шум.

— Ничего, дедушка, не случилось,— успокоил старика Борис.— Ну и внук у вас! Отличный прыгун! Метр семьдесят взял...

— Как?—вдруг нахмурился старик.— Метр семьдесят?

Он грозно посмотрел на внука, а тот виновато развел руками, пытаясь что-то объяснить.

Но дед не слушал. Он подошел к планке, встал на цыпочки и, кряхтя, поднял ее еще на шесть сантиметров.

— Прыгай! — сурово скомандовал старик.

Мы замерли. Сто семьдесят шесть! Неужели возьмет?

Парень снова отмерил одиннадцать шагов, снова наклонил голову, сосредоточиваясь, и помчался к планке. Тело его повисло над перекладиной и ловко перекатилось через нее.

— Вот теперь результат правильный,— улыбаясь, сказал старик.

Но тотчас же лицо его снова стало суровым. Он взял лопату и ушел.

Парень тоже ушел. Через несколько минут мы увидели, что он в одних трусиках лежит на трибуне, на самом солнцепеке, читает и что-то аккуратно выписывает в толстую тетрадь с клеенчатым переплетом.

Мы перешли в сектор для метаний. Борис сбегал к старику и принес три диска и три длинных полированных копья с веревочными обмотками.

— А старик, честное слово, неплохой! — радостно сообщил Борис.— Волейбольную сетку латает...

Мы стали по очереди метать копье. Я разбежался и пустил его. Оно полетело, неуклюже вихляя в воздухе, и воткнулось в землю неподалеку от меня.

— Скрестный шаг[1] вялый, — тотчас услышал я скрипучий, старческий голос.— Разморился на солнышке, милый...

[1] «Скрестный шаг» — последний стремительный шаг перед броском копья. Ноги при этом перекрещиваются.

Я обернулся. Дед, стоя за моей спиной, неодобрительно покачивал головой.

— А ты, дедушка, откуда знаешь о скрестном шаге? — удивленно спросил я.

— Старики, милый, многое знают...—неопределенно ответил сторож и ушел.

— Ишь, академик,— усмехнулся Генька.— Но, между прочим, всетаки непонятно: откуда старичку известны всякие «скрестные шаги» и «группировки»?

То и дело убеждались мы в разносторонних познаниях нашего нового сторожа. То он вдруг высказывал футболистам свое мнение о системе «дубль-ве» и ее преимуществах по отношению к игре «пять в линию», то, щурясь, следил за бегунами и вдруг заявлял, что у одного слабое дыхание, а у другого не отработан старт. И что самое поразительное: замечания старика всегда были очень точными и попадали, как говорится, «не в бровь, а в глаз».

Не раз приставали мы к нему с вопросом: почему он так разбирается в спорте? Дед или отмалчивался, усмехаясь в усы, или отделывался туманными афоризмами, вроде того, что старики, мол, многое знают.

Однако вскоре все выяснилось. Однажды старик заявил Геньке, бросавшему копье, что тот слишком высоко задирает наконечник. Генька взъерепенился.

— А ты, дед, хоть раз в жизни метал копье? Это тебе не рюхи палкой вышибать...— ехидно сказал он.

Обычно спокойный старик вдруг не на шутку рассердился.

— Не рюхи, мил человек, а городки,— строго поправил он.— Пора знать! И игра, между прочим, очень полезная. Приехал бы на мой стадион—увидел бы классных городошников...

— Это на какой-такой твой стадион? — удивился Генька.— В деревне, что ли?

— Вот именно, в деревне,— подтвердил старик.— У нас, милый, стадион, что ой-ой! И спортсмены,— например, прыгуны — не чета тебе... У нас, коли хочешь знать, сам Рохлин был...

— Рохлин? — мы все насторожились.— Чемпион СССР?

— Понятно,— осклабился Генька.— Видимо, Рохлин у вас там на даче отдыхал...

— Ничего тебе, мил человек, не понятно. «На даче отдыхал»! Рохлин на нашем стадионе прыгал, а, между прочим, планку не сбивал, как некоторые, хотя стояло тогда метр девяносто.

Мы незаметно оттерли Геньку на задний план и стали осторожно расспрашивать деда.

— У нас, в районном центре, стадион что надо,— говорил старик, глубоко затягиваясь своим ядовитым самосадом. Он выпускал дым медленно, и тот струйками стекал по длинным, бурым усам.— Я там шесть лет стадионом заведовал.

— Заведовал? — переспросил Борис и тотчас покраснел.

— Сторожем был,— негромко пояснил внук.

Мы и не заметили, как он подошел.

— Ясно, сторожем! — рассердился дед.— Не директором же!

Он замолчал, а внук, улыбаясь, сказал:

— Дед — заядлый болельщик. И меня к спорту он приохотил. Сперва он не очень увлекался, а потом пристрастился. На всех тренировках бывал: сядет в стороне и присматривается. Инструктор заметил это и взял его в работу: то попросит старика махнуть флажком на старте, то щелкнуть секундомером на финише. Постепенно дед и сам вроде инструктора стал.

А наши футболисты ни одного матча без деда не начинали. Специально на самом лучшем месте стул для него ставили. Судья у нас не очень опытный был. Как вспыхнет на поле конфликт, все сразу к деду: «Решай, кто прав?» Спор чуть не до «кулачков доходил, а дед скажет — и точка. Слушались его, как судью всесоюзной категории.

— А ты, дедушка, сам, грешным делом, не спортсмен? — пошутил Генька. — Признавайся, наверное, гоняешь мяч?

Мы засмеялись. Невозможно было даже представить старика в трусах и майке в роли нападающего или защитника на футбольном поле.

— Угадал! — вдруг неожиданно для нас подтвердил старик. — Я спортсмен!

— Неужели и вправду футболист? — не удержался от смеха Генька.

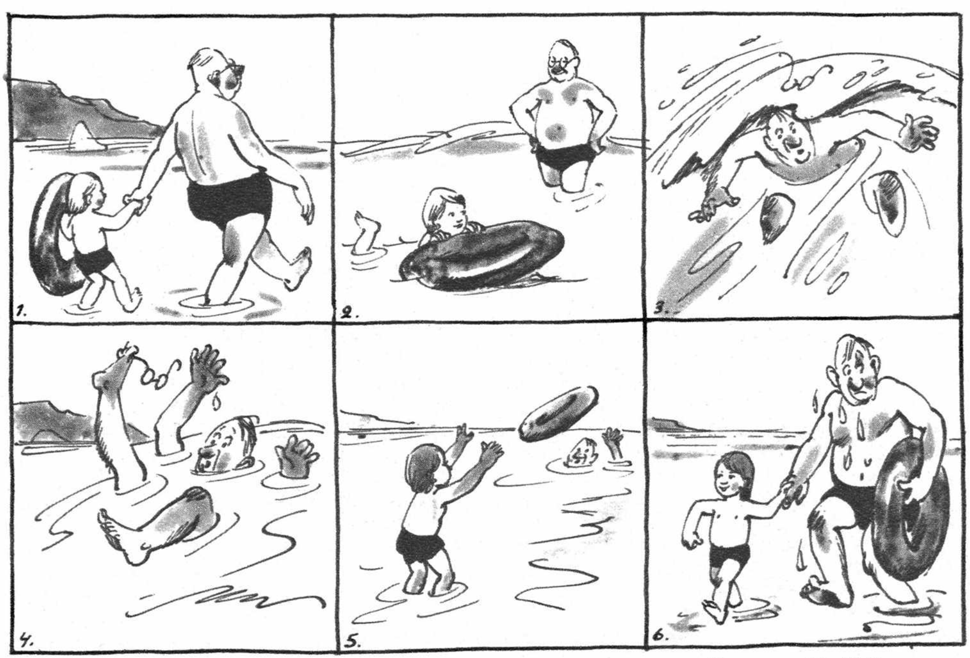
— Нет, не футболист, конечно. Но спортсмен! — старик хитро улыбнулся. — Рыбалку я очень уважаю. Прежде удочками и бреднем баловался. А теперь интересуюсь спиннингом...

Когда он ушел, мы еще долго говорили о старике.

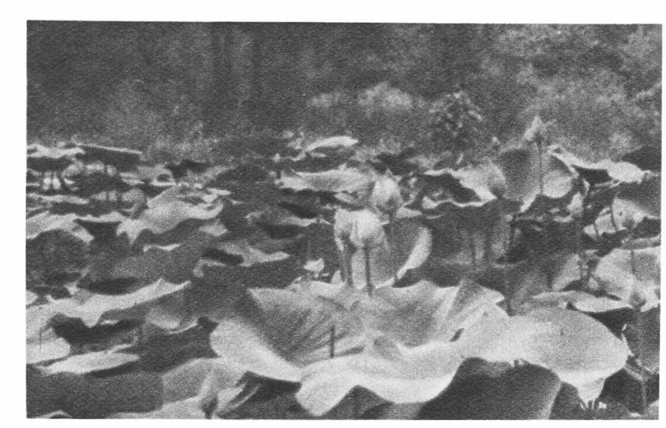
— Теперь снова оживет наш стадион,— радовался Борис. — Крепкий хозяин пришел.

— Подходящий старикан,— снисходительно согласился и Генька. — С таким жить можно!

Рисунки Ю. Узбякова

Лотос в бассейне Ашхабадского ботанического сада.

Лотос

Среди вековых зарослей волжской дельты поднимаются над поверхностью воды гигантские щитовидные листья. Покрытые сверху голубоватым восковым налетом, они напоминают перевернутые зонты или чаши. Между ними колышутся огромные цветки, поражающие своей величиной и яркостью тонко пахнущих розовых лепестков. Цветение продолжается только три дня. Цветки пробуждаются в раннее августовское утро, на другой день они раскрываются во всем своем великолепии, а на третий уже осыпаются и разносятся ветром по течению воды.

Имя этого причудливого дара природы — лотос. С незапамятных времен он вызывал восхищение человека, сложившего о нем легенды и песни. Индийцы считали лотос священным. Обильное цветение лотоса на Ниле, по мнению жрецов, предвещало египтянам богатый урожай. Археологи нашли изображения лотоса на монетах, на арках и стенах древних сооружений.

В наши дни лотос распространен в Китае, Индокитае, Японии, Сиаме, где он используется как продукт питания и из него приготовляют лекарства. Толстые ползучие корневища лотоса богаты крахмалом, их едят свежими, вареными и поджаренными, из них делают питательную муку и готовят вкусные супы. Охотно лакомятся местные жители маслянистыми семенами лотоса.

В нашей стране одна из разновидностей лотоса сохранилась лишь в дельте Волги, близ Астрахани, в мелководных заливах Каспийского моря, в устьях рек Куры и Терека и на Дальнем Востоке, где лотос успешно зимует под покровом льда и не боится морозов.

Агротехника культуры лотоса крайне несложна. Семена его высеваются ранней весной в небольших сосудах с водой комнатной температуры, где в течение 3—4 дней они обычно прорастают. Когда появляются корешки, их пересаживают в горшки с землей и ставят в неглубокую воду. Через 30—40 дней рассада готова для высадки на постоянное место в водоем. Можно разводить это растение и корневищами.

А. ВЕКСЛЕР

Редкий случай

Недавно в Московском зоопарке произошло интересное событие: от пары ягуаров было получено потомство. Самка по кличке Кармен принесла двух малышей.

Размножение ягуаров в неволе — чрезвычайная редкость.

На третий день Кармен не стала кормить свое потомство. Малышей пришлось передать «на воспитание» собаке-дворняжке по кличке Дези. Собака спокойно приняла маленьких ягуаров и заботливо ухаживает теперь уже за тремя детенышами — своим щенком Братиком и ягуарами Примой и Викторией.

Ягуарята охотно играют со щенком.

М. КРУМИНА,
заведующая секцией хищных Московского зоопарка

Фото А. Анжанова

Весело играют «молочные братья».

Семейство Дези неожиданно увеличилось...

Арабские пословицы

Если луна с тобой, не заботься о звездах.

Тот, кто отсиживается в осаде, всегда окажется побежденным.

Из-за розы поливают и шипы.

Камень, брошенный другом, — цветок.

Спрашивай, каковы мои добродетели, а не каков цвет моей кожи.

Львы не ходят пить воду туда, где ее лакают собаки.

Не из любви к богу кошка давит мышей.

Курица соседа всегда выглядит гусыней.

Чтобы жить вместе, двум друзьям достаточно пространства игольного ушка.

Гвоздь держит подкову, подкова держит лошадь, лошадь держит человека, человек — весь мир.

Попробуй дать совет невежде, и он сочтет тебя своим врагом.

Настоящий человек добудет хлеб из камня.

Пепельница и богач — одно и то же: чем полнее, тем грязнее.

Когда вороны ведут за собой народ, они приводят его на свалку собачьей падали.

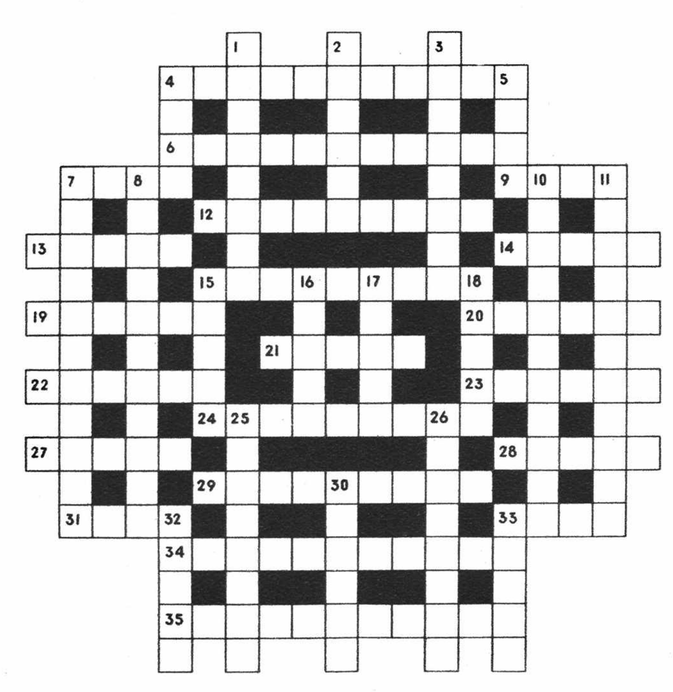
Чернила мудреца так же ценны, как кровь мучеников.

Пусть тот, кто утверждает, что лев — осел, попробует надеть на него уздечку.

Лучше с умным ворочать камни, чем с дураком распивать вино.

Осла пригласили на свадьбу: нужно было возить воду и дрова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Большой физкультурный праздник. 6. Совокупность доводов. 7. Одна из нот музыкальной гаммы. 9. Кредитное учреждение. 12. Поверхность, имеющая только два измерения. 13. Степень окисления вещества. 14. Плоскость, образующая часть ломаной поверхности тела. 15. Группа островов в Эгейском море. 19. Ущелье, узкий проход. 20. Большое пространство, однородное по своим географическим признакам. 21. Насекомое из семейства пчелиных. 22. Одно из устройств для развлечения в парках. 23. Стальная оболочка артиллерийского снаряда. 24. Спортивная игра. 27. Советский писатель. 28. Математический знак. 29. Медицинское учреждение. 31. Пеньковый или стальной канат. 33. Продукт неполного сгорания топлива. 34. Разлинованный лист, подкладываемый под нелинованную бумагу при письме. 35. Школьный работник.

По вертикали:

1. Летчик, Герой Советского Союза. 2. Стремительное нападение. 3. Процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное. 4. Цифра. 5. Представитель народа, населяющего Переднюю Азию и Северную Африку. 7. Отдел учреждения. 8. Участок леса как хозяйственная единица. 10. Учение о равновесии газов. 11. Человек, намеченный к назначению, избранию. 15. Французский композитор XIX века. 16. Ледокол, построенный по идее адмирала С. О. Макарова. 17. Силач. 18. Значение. 25. Деятельность, направленная на политическое воздействие на широкие массы. 26. Действия войсковой группировки для осуществления определенной цели. 30. Запаянный стеклянный пузырек с лекарством. 32. Узкий поток жидкости. 33. Искусственный драгоценный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 29

По горизонтали:

6. Последователь. 8. Печенье. 10. Проект. 11. Коллар. 12. Беликов. 17. Коловорот. 19. Вермишель. 20. Комар. 21. Повесть. 22. Команда. 23. Полис. 25. Резервуар. 26. Караваева. 29. Стеллаж. 31. Листов. 32. Дикция. 33. Откатка. 34. «Бесприданница».

По вертикали:

1. Тоника. 2. Перелесок. 3. Доверие. 4. Дальномер. 5. Плутон. 7. Тригонометрия. 9. Расследование. 13. Гобелен. 14. «Полтава». 15. Аммонал. 16. Ашхабад. 18. Топор. 19. Валик. 23. Партитура. 24. Самарканд. 27. Олеандр. 28. Мольер. 30. Синица.

В этом номере помещены четыре страницы репродукций картин польских художников: Я. Матейко — Автопортрет, А. Герымского — «Песочный карьер на Висле», Ю. Хелмонского — «Аисты», А. Котсиса — «Последнее добро» — и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. **Оформление И. Уразова.**

А 04437. Подп. к печ. 15/VII 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 573. Заказ 1627. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

КОЛХОЗНЫЕ АРТИСТЫ

Вечерами в народных домах Эстонии зажигаются огни, звенят песни, кружатся под мелодии народных танцев одетые в яркие национальные костюмы юноши и девушки. Здесь занимаются кружки колхозной художественной самодеятельности.

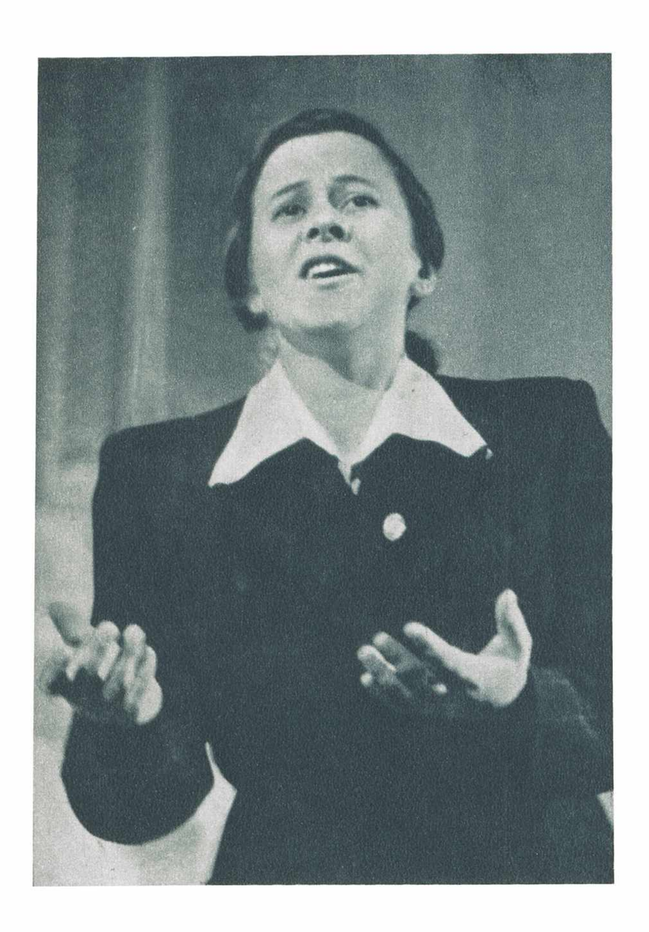
Вместе с тракторами и комбайнами, с электропоилками и экскаваторами, осушающими болота, в эстонское село пришли новые книги, музыкальные инструменты; здесь открылись новые школы и клубы.

Недавно в республике закончился смотр художественной самодеятельности колхозников. В смотре участвовало 2 тысячи коллективов, 26 тысяч исполнителей выступили перед односельчанами.

В республике есть такие колхозы, как Ленинлик Тээ, Тюриского района; здесь организовано 4 кружка художественной самодеятельности. На республиканском смотре колхозники Ленинлик Тээ выступили с финальной сценой из кинофильма «Свет в Коорди» с участием хора, оркестра и группы народного танца.

Н. ХРАБРОВА

На снимках:
Слева: сельский врач больницы Ямеяла, Вильяндиского района, Екатерина Вишнякова читает стихотворение Геслера «Говорит мать».
Внизу: оркестр народных инструментов колхозной молодежи Отепяского района и женский хор колхозного клуба Ленинлик Тээ Тюриского района под управлением Августа Крентс исполняют карельскую песню о Сталине композитора Н. Леви.
Справа вверху: выступают дети тракториста: шестилетний Аарне и его брат десятилетний Виллу Кальюмяэ, из колхоза Эдаси, Тюриского района.
Справа в середине: пенсионер Михкель Айтсам из Народного дома поселка Вигала, Пярну-Ягуписского района. Аккомпанирует на каннеле его сын Михкель Айтсам — преподаватель Вигалаского садопчеловодческого техникума.
Справа внизу: стихотворение М. Веетамм «О матери» читает участница кружка декламаторов Народного дома поселка Кабала, Тюриского района, директор школы Элла Ыунапуу.

Фото С. Розенфельда

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

Джем

НАТУРАЛЬНЫЙ, ВКУСНЫЙ И ПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОДУКТ

Изготовляется из отборных зрелых фруктов, ягод, сваренных с сахаром.

Цена номера 3 руб.